Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ДЕКАБРЯ 23—24

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1926
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 75177. Москва. Тираж 69.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Оппозиционный блок на трибуне ИККИ.

Один из основных выводов, который должен быть сделан из дебатов по «русскому» вопросу на VII пленуме ИККИ, состоит в том, что известное «Заявление» лидеров оппозиционного блока от 16/X было оценено членами нашей партии, и не только ими, более серьезно, чем оно заслуживало того на деле.

Атака, предпринятая правой оппозицией Троцкого—Зиновьева—Каменева против нашей партии на пленуме, раскрыла теперь на практике, как они понимают свое «заявление» и как они считают необходимым его «выполнять».

Критерием истин является практика. А практика с поразительной ясностью показала, что документ, опубликованный 17 октября с. г. и принятый всеми, в том числе и нашей партией, за выражение капитуляции оппозиции перед ленинской партией, за выражение действительного согласия на прекращение фракционной борьбы, оказался на проверку документом неслыханного политического двурушничества и лицемерия.

Каков смысл выступления лидеров оппозиционного блока на пленуме ИККИ? Зачем они взошли на трибуну Андреевского зала перед представителями международного революционного пролетариата?

Конечно, не затем, чтобы «об'ясниться с пленумом» по поводу своей позиции и тактики, как это утверждал т. Зиновьев. Не в этом дело. Ибо не нужно было даже ушей прикладывать к земле, чтобы знать две вещи, которые нужно рассматривать вместе: 1) что секции Коминтерна уже высказались против оппозиционной, социал-демократической ревизии ленинизма и 2) что Центральный Комитет нашей партии не может не считать выступление, как аппеляцию на решения нашей партии, аппеляцию формально правомерную, но по существу означающую новый взрыв фракционной борьбы против ВКП(б) и Коминтерна и поэтому недопустимую, вредную аппеляцию.

Оппозиция знала это. И если, несмотря на это, она все же выступила, то это доказывает лишь то, что она хотела «об'ясниться» не с пленумом и не в интересах партии и Коминтерна, а в интересах обострения фракционной борьбы против партии и Коминтерна. Она сознательно шла на это. Сам тов. Зи-

новьев авторитетно (хотя и «деликатно») заявил, что обострение фракционной борьбы в результате ее выступления «не исключено».

Оппозиция хотела «об'ясниться» не с пленумом. Трибуна пленума служила для нее лишь «легальной возможностью», которую она решила «использовать» для того, чтобы «об'ясниться» со своими единомышленниками, в частности, и в особенности, с германским филиалом оппозиционного блока, дезорганизованным и деморализованным заявлением от 16/X—1926 г.

Самый факт деморализации единомышленников Троцкого—Зиновьева—Каменева, в частности, их германских сторонников, в результате «Заявления» не подлежит сомнению. Достаточно прочесть следующие места из декларации Урбанса и Шиманского, оглашенной ими 20 октября на активе берлинской организации КПГ, чтобы убедиться в этом.

> «Хотя мы и знаем,—утверждает декларация этих ультралевых мелких буржуа,—какое давление весь партийный и государственный аппарат сталинского большинства оказал на вождей русской оппозиции, тем не менее мы считаем ее (оппозиции. *Ред.*) заявление не одним только тактическим шагом, но и капитуляцией, которую мы не можем одобрить и которая не может служить нам примером в нашей политике.
>
> Мы считаем, что тактическое отступление тт. Зиновьева, Троцкого, Каменева, Сокольникова, Пятакова и Евдокимова лишь способно увеличить опасности, которые они совершенно правильно и энергично сигнализировали, ибо их поведение ничего не изменило в об'ективных причинах кризиса.
>
> Мы, далее, того мнения, что эти тт. должны были предвидеть, какого рода мероприятия будут к ним применены со стороны господствующей фракции ВКП, и проводить соответствующую (!!) тактику, а не капитулировать после вылазки последних недель.
>
> Далее мы того мнения, что их поведение, способно ослабить (!) оппозицию, образующуюся (!) в нерусских секциях против ликвидаторов, ревизионистов и представителей беспринципной мелкобуржуазной линии, расходящейся с пролетарской классовой линией (так сама оппозиция назвала линию господствующей фракции)». (См. «Rote Fahne» от 22 октября. Курсив наш).

Наглое высокомерие, с которым эти взбесившиеся мелкие буржуа пытаются учить «пролетарской» политике революционных рабочих СССР, проделавших под руководством ВКП(б) три революции и победоносно строящих социализм, не может, однако,

скрыть того ошеломляющего впечатления, которое произведено на международную фракцию оппозиционеров отпором большевиков-пролетариев СССР «вылазке» оппозиции. В виду этого Урбанс и Шиманский включили в свою минорную политическую декларацию «ободряющий» пункт:

> «Мы приглашаем поэтому всех честных коммунистических рабочих не дать себя запугать событиями в ВКП и не поддаваться их влиянию» (см. там же. Курсив наш).

Итак, в итоге открытого поражения «вылазки» оппозиционеров и в результате «Заявления» их лидеров интернациональная фракция оппозиции начала трещать по швам. Получилась разноголосица, пошел разнобой в тактике, взаимное непонимание между «русской» и немецкой частью блока («не можем одобрить», «не может служить нам примером» и т. д.), появились упреки в «капитулянстве» перед ВКП(б), в отсутствии «предвидения», в отсутствии понимания необходимости «соответствующей (!!) тактики», вместо капитуляции «после вылазки». Пошел переполох в рядах, начавших «поддаваться влиянию» «событий в ВКП». Наконец, это убийственное для Каменева и Зиновьева обвинение в трусости и дезертирстве (испугались-де «давления всего партийного и государственного аппарата»)!

Знала ли наша оппозиция о таком впечатлении от документа 16 октября? Да. И не только знала, но на XV конференции даже учла его в своих выступлениях, заговорив наперебой на тему о «значении заявления от 16 октября».

Деморализация и дезорганизация оппозиционной фракции, необходимость оправдаться (не перед партией, конечно, нет!—перед Урбансом), необходимость срочно подтянуть «силы», влить «свежую» оппозиционную струю в дезорганизованные ряды,—вот что толкнуло лидеров блока на выступление перед пленумом ИККИ.

Еще на XV конференции оппозиция попыталась «использовать» ее трибуну в качестве первой попавшейся «легальной возможности» для того, чтобы ликвидировать недомолвки и попреки между оппозициями в ВКП и КПГ.

Рассеять впечатление о капитуляции (16/X)—такова была первая задача. И вот как «тонко» проделывал это т. Зиновьев:

> «Есть основания думать,—говорил он на XV конференции, что некоторые тт., разделяющие взгляды оппозиции или считающие, что они их разделяют [1]) не поняли

[1]) Так тов. Зиновьев вынужден называть, в частности, ту самую группу Урбанса—Маслова—Рут Фишер, перед которой он оправдывается на XV конференции, и от которой «Заявление», как известно, «отгородилось».

значения нашего заявления от 16 октября... Я читал заявление двух членов ЦК германской партии тт. Урбанса и Шиманского на активе берлинской организации 20 октября; из него ясно видно, что они не понимают значения нашего заявления от 16 октября[1]).

«Они не поняли, что этот документ не есть «маневр» или «ход», а продиктован тем, как мы сами, в результате наших выступлений, оценили настроение наших рабочих-коммунистов, а именно: мы считаем, что у последних над всем остальным возобладала боязнь, что если допустить дискуссию, то единство партии может подвергнуться действительной опасности. Делая свое заявление от 16 октября, мы равнялись по желаниям, по настроениям рабочих-рядовиков нашей партии, которые требуют, чтобы единство партии было обеспечено прежде всего...

...Предполагать, что в нашем заявлении могли играть какую-либо роль госорганы, как предполагают тт. Урбанс и Шиманский, конечно, чудовищно и нельзя. Заявление наше, конечно, продиктовано только нашим пониманием интересов единства партии» (см. речь т. Зиновьева на XV конференции. Курсив наш).

Оправдываясь перед Урбансом (дескать, не мы капитулировали, а нас «капитулировали» рабочие-коммунисты), т. Зиновьев вынужден был высказать кусочек правды. А именно, что в капитуляции оппозиции повинны сами «рабочие-рядовики нашей партии». Но т. Зиновьев извратил действительное положение вещей изображая дело так, как будто бы эти рабочие-коммунисты не разбирали принципиальных взглядов оппозиции, а только отвергли ее фракционные методы, попытки подорвать единство партии: возможно, дескать, что рабочие-коммунисты и согласны с нашими оппозиционными взглядами, но у них над всем остальным (!!) возобладала боязнь» перед опасностью единству партии. Тов. Зиновьев неверно информировал Урбанса и Шиманского. Он скрыл, что рабочие-рядовики нашей партии с неменьшей твердостью и решительностью и с неменьшей самостоятельностью отвергли в открытой дискуссии с крупнейшими лидерами оппозиции всю сумму идейных взглядов последних.

---

[1]) Дальше цитируем отрывок, прочитанный тов. Зиновьевым по заранее написанному, т.-е. искусно завуалированному, тексту, в котором, однако, для каждого «посвященного» ясно, что к чему.

Оцените после этого насквозь лицемерное утверждение, что, делая свое «Заявление» от 16 октября, лидеры оппозиции «равнялись по желаниям, по настроениям рабочих рядовиков нашей партии»!

Вторая цель выступления тт. Троцкого, Зиновьева и Каменева на пленуме ИККИ, которую теперь, после пленума, можно вскрыть уже в выступлениях на XV конференции, состояла в следующем: доказать иностранным оппозиционерам, убедить их, что при данных условиях (неоправдавшихся карканий об обострении хозяйственных затруднений в СССР, абсолютного единодушия в партии и т. д.) задача оппозиции (в частности и в Германии) состоит в том, чтобы вывести «силы» из-под удара, прикинуться агнцами, не лезть на рожон.

«Наше мнение,—излагал эту мысль тов. Зиновьев, со свойственной ему «тонкостью»,—что от фракционности должны отказаться также и немецкие товарищи, стоящие на точке зрения Урбанса и Шиманского, а ЦК германской компартии должен им это облегчить» (см. там же).

Выступления на пленуме ИККИ в еще более полной, в еще более развернутой форме преследовали те же самые цели: рассеять разговоры о капитуляции, направить деятельность оппозиции в русло «использования легальных возможностей».

Нужно отдать справедливость выступлениям тт. Зиновьева, Троцкого, Каменева: они действительно показали всю вздорность разговоров о какой-либо капитуляции, всю неосновательность надежд, возлагавшихся рабочими-коммунистами, рабочими-рядовиками нашей партии и Коминтерна вообще, на честное выполнение условий, содержащихся в заявлении от 16 октября. Теперь уже одно из двух:

Или—«оппозиция нарушила свое же собственное «Заявление» от 16 октября 1926 года, вернувшись к фракционным методам борьбы» (Сталин).

Или, если от 16 октября ничего нового не произошло, тогда значит, оппозиция никогда и не думала выполнять условий этого «Заявления», и это «Заявление» есть документ политической нечестности (употребляем это слово, рискуя вызвать реплику т. Каменева о «невесомости» подобных категорий).

И в том и в другом случае нужно сделать один вывод: фракционная борьба оппозиционного блока против партии и Коминтерна не прекращена, борьба большевизма с оппозицией не завершена...

Одновременно с «морально»-политической реабилитацией (перед Урбансами, Масловыми, Сувариными и пр.), на ряду с попыткой консолидировать «силы» международной фракции оппозиционеров, поднять перед ней свой авторитет, поблекший после

16 октября, тт. Зиновьев, Троцкий и Каменев решили специально для иностранных оппозиционеров сформулировать свою платформу, представляющую очередную, дипломатически прикрытую в специфических пунктах, формулировку их прежней же платформы.

Опыт показал, что нельзя консолидировать сил на той платформе, которая слишком уж откровенно атакует решения Коминтерна (напр., в вопросе о троцкизме), слишком уж откровенно ревизует ленинизм.

Опыт показал оппозиции, что особо одиозные пункты, отталкивающие от оппозиции всех честных рабочих и революционный пролетариат вообще, должны быть прикрыты, скрадены, замазаны, обойдены,—с тем, однако, чтобы в основном платформа все же осталась той же.

Например, вопрос о гегемонии троцкизма в оппозиционном блоке, который, несомненно, затрудняет консолидацию сил. Две деликатные формулы (Троцкого, с одной стороны, Каменева и Зиновьева, с другой), данные на пленуме, пытаются устранить это затруднение. Тов. Каменев заявил, что остается в силе его прежняя критика «исторического (!?) троцкизма», но предусмотрительно отказался пояснить входит ли, по его мнению, в этот «исторический троцкизм» троцкизм последних лет. Тов. Троцкий, с своей стороны, говорил о «пробелах» в теории перманентной революции, предусмотрительно скрыв от пленума, что именно он называет «пробелами».

Ясно, что вопрос о гегемонии троцкизма такими увертками не может быть решен. И «ослиные уши» троцкизма показываются всему свету то тут, то там из-под дымовой завесы, напущенной словесной трескотней. В частности, китайский вопрос, предложение о выходе из Гоминдана, поддерживаемое всей оппозицией. Чем, как не повторением и выражением троцкистской ошибки (перепрыгивание через целые стадии в развитии революции) является эта позиция? Представитель китайской компарти, тов. Тан-Пин-Сян, был поэтому совершенно прав, утверждая, что троцкистская линия означала бы для Китая крах национально-освободительного движения.

Другой пример: утверждение, что оппозиция не требовала и не требует повышения оптовых цен, утверждение, которое встречается гомерическим смехом всеми нашими рабочими-коммунистами!

Или вопрос о сползании с классовой пролетарской линии, о перерождении. В каждом отдельном пункте обвинений такого типа сделаны смягчения, иногда даже больше, чем смягчения,—с тем, однако, чтобы собрать эти нападки в единый кулак, сжать в одно концентрированное целое и прямо в лицо ленинской пар-

тии бросить неслыханной наглости обвинение в «национал-реформистской перспективе»!

Заключив, что оборона означает смерть для оппозиционной фракции со всей ее идеологией, тов. Каменев, в полной солидарности с тт. Зиновьевым и Троцким, решил противопоставить обвинению в социал-демократическом уклоне обвинение Коминтерна в национал-реформистской перспективе.

Чудовищно то, что центральным аргументом, «обосновывавшим» обвинение в национал-реформизме, было избрано... насквозь действенное, насквозь революционное, насквозь пропитанное интернационализмом учение Ленина о победе социализма в одной стране!

«Я перечислил,—говорил тов. Каменев на пленуме, — отдельные элементы правого уклона...

Той теорией, которая увязывает эти отдельные ошибки в одно целое, увенчивает их и таким образом пытается создать целую линию политики, при чем в международном масштабе,—является в данный момент теория социализма в одной стране» (курсив т. Каменева).

История повторяется! Ярлык «национальной ограниченности», наклеенный тов. Троцким еще в 1915 году в качестве «возражения» на учение Ленина о победе социализма в одной стране (см. ответ тов. Троцкого на статью Ленина «О лозунге С. Ш. Европы»), повторяется теперь, одиннадцать лет спустя, г. Каменевым!

И после такого ската к троцкизму в коренном вопросе социалистического строительства уверяют, что троцкизм не является гегемоном в оппозиционном блоке!

История повторяется! Оппозиция не хочет видеть, что обвинение теории победы социализма в одной стране в «национальной ограниченности» лишь повторяет в новой обстановке и в новой формулировке старые социал-демократические зады о «национальной ограниченности» большевиков с их (большевиков) проповедью учения о победе революции в одной стране.

И после этого нас уверяют, что обвинение в социал-демократическом уклоне не соответствует действительности!

История повторяется! Утверждение оппозиции о невозможности победы социализма в СССР лишь повторяет старые-престарые побасенки Суханова и всех социал-демократов вообще о незрелости нашей страны для социализма, об отсутствии в ней «об'ективных предпосылок» для него,—те самые мещанские побасенки, которые т. Каменев развивал после Февральской революции,—те самые побасенки, которые подверглись уничтожаю-

щей критике Ленина в статье «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)» (см. Ленин, т. XVIII, ч. 2).

И после этого лидеры оппозиции смеют изображать себя, как поборников ленинизма!

Правда, еще накануне пленума ИККИ, на XV конференции тов. Каменев, прижатый к стене резолюцией XIV партконференции о победе социализма в одной стране, за которую он, вместе с тов. Зиновьевым, голосовал, которую т. Зиновьев перед партийным собранием защищал, — прижатый этими фактами, тов. Каменев дипломатически пытался изобразить дело так, что партия игнорирует вопрос о темпе и что в этом, в степени «точности» и заключается разногласие.

«В резолюции XIV конференции (апрель 1925 г.),—об'яснял т. Каменев,—сказано об условиях окончательной победы социализма в нашей стране иначе, чем сказано в данных тезисах» (следует дальше рассуждение о темпе, как о «такой же необходимой предпосылке окончательной победы социализма в нашей стране, как и отсутствие военной интервенции»).

«Итак, товарищи,—резюмировал тов. Каменев свои об'яснения о резолюции XIV конференции и проекте резолюции XV конференции,—мы совершенно и целиком можем принять, без всякого насилия над своей теоретической совестью коммунистов и ленинцев, ту характеристику нашей революции (следовало сказать точнее: характеристику условий окончательной победы социализма в одной стране. Об этом говорила резолюция XIV конференции. *Ред.*), которая дана здесь. Мы полагаем, однако, что было бы точнее (!), если бы к словам о прямой военной интервенции было добавлено, как стимул к дальнейшей работе, указание на необходимость ускорить темп хозяйственного развития, единственно так, как сказано у Ленина, и тогда, повторяю, никаких разногласий по этому вопросу у нас не будет» (см. речь т. Каменева на XV конференции).

Это не мешало, впрочем, т. Каменеву тут же заявить, что решение XIV конференции о победе социализма в одной стране, защищавшееся тт. Каменевым и Зиновьевым, является «компромиссом» (!!). Это не мешало т. Каменеву через месяц заявить, что учение о победе социализма в одной стране означает «национал-реформистскую» перспективу.

Но партия уже привыкла к политической беспринципности этих лидеров, сегодня утверждающих одно, завтра—другое, на XIV конференции—одно, до XV конференции—другое; на XV конференции—«было бы точнее», а через месяц—«национал-реформизм»! и т. д.

Утверждение о «компромиссе» на XIV конференции заслуживает особого внимания. Отныне партия, со слов самого т. Каменева знает, что эти лидеры способны на компромиссы даже в важнейших, теоретических и политических вопросах, способны изменять своим же собственным принципиальным взглядам во имя... Чего? Политического шантажа! Политиканства!

И после этого некоторые еще удивляются, как эти люди, боровшиеся с троцкизмом, и не плохо боровшиеся, сами скатились к троцкизму, к этой, по их же словам, «разновидности меньшевизма»! Тайну этого перехода мы и раньше знали, но теперь она раскрыта самим т. Каменевым.

Беспринципность тт. Каменева, Зиновьева, Троцкого и об'ясняет всю ту мертвечину, которая ярко обнаружилась в их рассуждениях на VII пленуме ИККИ по вопросу о победе социализма в одной стране. В то время, как большевики-ленинцы, собравшиеся на пленуме, сознавая себя историческими преемниками Ленина, старались дать анализ проблемы победы социализма в одной стране во всех существенных разрезах, все более и более конкретизируя и уточняя вопрос, углубляя его решения по путям, многократно указанным Лениным; в то время, как представители иностранных компартий приняли живейшее участие в этой дискуссии, применяя решение вопроса к условиям той или иной конкретной страны, оценивая все гигантское значение этого вопроса для всех компартий, открыто демонстрируя весь глубокий интернационализм, заложенный в этом учении Ленина,—в это время беспринципные, обанкротившиеся лидеры оппозиции занимались схоластическими рассуждениями (чего стоит одно только рассуждение тов. Троцкого о характере связи между хозяйством СССР и капиталистических стран!), открыто показывая свое неумение решать элементарные, теоретические и политические вопросы в духе ленинизма. Чего стоят, например, рассуждения оппозиции о том, что наряду с гарантией от реставрации должно быть поставлено второе условие: соответствующий темп в нашем развитии. Вот путаница! Вот смешение вопроса о возможности победы социализма в СССР с вопросом о возможности окончательной победы его. Вот смешение в одной куче вопросов о внутренних и внешних противоречиях в нашем развитии. Если уж говорить о внутренних—к чему ограничиваться одним темпом. А союз рабочего класса и крестьянства? А отношение к буржуазии? К капиталистическим элементам в экономике вообще? А вопросы правильного руководства?—Все дело в том простом и ясном тезисе, что внутренние противоречия преодолеть (и в том числе вопрос о

темпе разрешить) **мы можем своими собственными, внутренними силами** (и в этом заключается смысл утверждения о возможности построения социализма в одной стране), но что внешние противоречия можно разрешить и преодолеть только при совместных усилиях пролетариев нескольких стран (и в этом заключается смысл утверждения о невозможности **окончательной** победы социализма силами одного пролетариата СССР). Оппозиция же, не умея разобраться в таких простых положениях, доказывает лишь свою плененность мещанскими предрассудками социал-демократии, высказывает лишь виртуозность в жонглировании цитатами для оправдания своей пассивной, фаталистической теории обреченности дела социализма в СССР.

Ленин говорил, что марксизм—настолько глубокое и разностороннее учение, что всегда будут попытки оправдать оппортунизм цитатами из Маркса и Энгельса. История повторяется: то, что делали социал-демократы по отношению к Марксу и Энгельсу, начинают проделывать лидеры оппозиции по отношению к Марксу, Энгельсу и Ленину!

Забывают, что «марксизм—не догма, а руководство к действию».

Коммунистический Интернационал дал им жестокий отпор в этой попытке оппортунистически извратить Ленина и основоположников марксизма.

Попытка консолидировать силы на основе извращения ленинизма кончится крахом. Попытка укрепить фракцию оппозиционеров на основе гнилой теории и политики не может увенчаться успехом.

На гнилой, оппортунистической платформе можно собрать лишь разложившиеся и разлагающиеся элементы рабочего движения. Все же, что есть честного и революционного в Коммунистическом Интернационале, собрано вокруг ленинизма, в духе которого протекала вся борьба против уставших, деморализованных и разбитых вождей оппозиции.

Эта борьба и будет успешно завершена.

И. Сталин.

О перспективах революции в Китае[1]).

Товарищи, раньше чем перейти к вопросу, считаю нужным заявить, что у меня нет исчерпывающих материалов по китайскому вопросу, необходимых для того, чтобы развернуть полную картину революции в Китае. Поэтому я вынужден ограничиться некоторыми общими замечаниями принципиального характера, имеющими прямое отношение к вопросу об основном направлении китайской революции. У меня имеются тезисы т. Петрова, тезисы т. Мифа, два доклада т. Тан-Пин-Сяна и замечания т. Рафеса по китайскому вопросу. Я думаю, что все эти документы, несмотря на их достоинства, страдают тем громадным недостатком, что они обходят целый ряд коренных вопросов революции в Китае. Я думаю, что прежде всего необходимо обратить внимание на эти недочеты. Поэтому мои замечания будут иметь вместе с тем критический характер.

1. Характер революции в Китае.

Ленин говорил, что китайцы будут иметь в скором времени свой 1905 год. Некоторые товарищи поняли это так, что у китайцев должно повториться точь-в-точь то же самое, что имело место у нас в России в 1905 году. Это неверно, товарищи. Ленин вовсе не говорил, что китайская революция будет копией революции 1905 г. в России. Ленин говорил лишь о том, что у китайцев будет **свой** 1905 год. Это значит, что, кроме общих черт революции 1905 года, китайская революция будет иметь еще свои специфические особенности, которые должны наложить свой особый отпечаток на всю революцию в Китае.

Что это за особенности?

Первая особенность состоит в том, что китайская революция, будучи революцией буржуазно-демократической, является вместе с тем национально-освободительной революцией, направленной своим острием против господства чужеземного империализма в Китае. Этим она отличается, прежде всего, от революции в России в 1905 г. Дело в том, что господство империализма в Китае проявляется не только в его военном могуществе, но, прежде всего, в том, что основные нити промышленности в Китае, железные дороги, фабрики и заводы, копи, банки и т. д. находятся в распоряжении чужеземных империалистов. Но из этого следует, что вопросы борьбы с чужеземным империализмом и их китайскими агентами не могут не играть преобладающей роли в китайской революции. Тем самым китайская революция непосредственно смыкается с революциями пролетариев всех стран против империализма.

---

[1]) Речь т. Сталина в Китайской комиссии ИККИ 30/IX—1926 г.

Из этой особенности вытекает вторая особенность китайской революции, состоящая в том, что крупная национальная буржуазия до последней степени слаба в Китае, что она несравненно слабее русской буржуазии периода 1905 года. Это и понятно. Ежели основные нити промышленности сосредоточены в руках чужеземных империалистов, то крупная национальная буржуазия в Китае не может не быть слабой и отсталой. В этом отношении замечание т. Мифа насчет слабости национальной буржуазии в Китае, как одного из характерных фактов китайской революции, является совершенно правильным. Но из этого следует, что роль инициатора и руководителя китайской революции, роль вождя китайского крестьянства должна неминуемо попасть в руки китайского пролетариата, который больше организован и более инициативен, чем китайская буржуазия.

Не следует также забывать о третьей особенности китайской революции, состоящей в том, что рядом с Китаем существует и развивается Советский Союз, революционный опыт которого и помощь которого не может не облегчить борьбы китайского пролетариата против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае.

Таковы основные особенности китайской революции, определяющие ее характер и ее направление.

2. Империализм и империалистическая интервенция в Китае.

Первый недостаток представленных тезисов состоит в том, что они обходят или недооценивают вопрос об империалистической интервенции в Китае. Если хорошенько вчитаться в тезисы, то можно подумать, что в Китае в настоящий момент нет, собственно говоря, империалистической интервенции, а есть лишь борьба северян с южанами или одной группы генералов против другой группы генералов. При этом под интервенцией склонны понимать такое состояние, когда имеется факт ввода чужеземных войск на китайскую территорию, а если нет такого факта, то нет и интервенции. Это глубочайшая ошибка, товарищи. Интервенция вовсе не исчерпывается вводом войск, и ввод войск вовсе не составляет основной особенности интервенции. При современных условиях революционного движения в капиталистических странах, когда прямой ввод чужеземных войск может вызвать ряд протестов и конфликтов, интервенция имеет более гибкий характер и более замаскированную форму. При современных условиях империализм предпочитает интервенировать путем организации гражданской войны внутри зависимой страны, путем финансирования контрреволюционных сил против революции, путем моральной и финансовой поддержки своих китайских агентов против революции. Борьбу Деникина и Колчака, Юденича и Врангеля против революции в России империалисты были склонны изображать, как борьбу исключительно внутреннюю. Но мы все знали, и не только мы, но весь мир знал, что за спиной этих контрреволюционных русских генералов стояли империалисты Англии и Америки, Франции и Японии, без поддержки которых серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна. То же самое надо сказать и о Китае. Борьба У-Пей-Фу и Сун-Чуан-Фана, Чжан-Цзо-Лина и Чжан-Цзун-Чана против революции в Китае

была бы просто невозможна, если бы этих контрреволюционных генералов не вдохновляли империалисты всех стран, если бы они не снабжали их финансами, оружием, инструкторами, «советниками» и т. д. В чем состоит сила кантонских войск? В том, что у них есть идея, пафос, вдохновляющие их в борьбе за освобождение от империализма, в том, что они несут освобождение Китаю. В чем состоит сила контрреволюционных генералов в Китае? В том, что у них стоят за спиной империалисты всех стран, владельцы всех и всяких железных дорог, концессий, фабрик и заводов, банков и торговых контор в Китае. Поэтому дело не только или даже не столько во вводе чужеземных войск, а в той поддержке, которую оказывают империалисты всех стран контрреволюции в Китае. Интервенция чужими руками—в этом теперь корень империалистической интервенции.

Поэтому империалистическая интервенция в Китае есть несомненный факт, против которого и направлена своим острием китайская революция.

Поэтому, кто обходит или недооценивает факт империалистической интервенции в Китае, тот обходит или недооценивает самое главное и самое основное в Китае.

Говорят, что японские империалисты проявляют некоторые признаки «расположения» к кантонцам и к китайской революции вообще. Говорят, что американские империалисты не отстают в этом отношении от японских. Это самообман, товарищи. Надо уметь отличать сущность политики империалистов, в том числе и японо-американских, от ее маскировки. Ленин нередко говорил, что революционеров трудно взять дубьем, кулаком, но их иногда очень легко берут лаской. Эту истину, сказанную Лениным, никогда не следует забывать, товарищи. Во всяком случае, ясно, что японо-американские империалисты довольно хорошо раскусили значение этой истины. Поэтому надо строго различать между лаской и похвалой по адресу кантонцев и между тем фактом, что наиболее щедрые на ласки империалисты наиболее цепко держатся за «свои» концессии и железные дороги в Китае, от которых они ни за что не согласны «освободиться» в Китае.

3. Революционная армия в Китае.

Второе замечание в связи с представленными тезисами касается вопроса о революционной армии в Китае. Дело в том, что вопрос об армии обойден или недооценивается в тезисах. (Голос с места: Правильно!). В том их второй недостаток. Продвижение кантонцев на север обычно рассматривают не как развертывание китайской революции, а как борьбу кантонских генералов против У-Пей-Фу и Сун-Чуан-Фана, как борьбу за первенство одних генералов в отношении других генералов. Это глубочайшая ошибка, товарищи. Революционные армии в Китае являются важнейшим фактором борьбы китайских рабочих и крестьян за свое освобождение. Разве это случайность, что до мая или до июня этого года обстановка в Китае расценивалась, как господство реакции, наступившей после поражения армий Фын-Юй-Сяна, а потом, летом этого года, стоило продвинуться на север победоносным войскам кантонцев и занять Хубэй, чтобы картина изменилась в корне в пользу революции? Нет, это не

случайность. Ибо продвижение кантонцев означает удар по империализму, удар по его агентам в Китае и свободу собраний, свободу стачек, свободу печати, свободу организации для всех революционных элементов в Китае вообще, для рабочих в особенности. Вот в чем особенность и важнейшее значение революционной армии в Китае.

Раньше, в XVIII и XIX столетиях, революции начинались так, что обычно восставал народ, большей частью безоружный или плохо вооруженный, и сталкивался он с армией старого режима, каковую армию он старался разложить или, по крайней мере, частично перетянуть на свою сторону. Это типичная форма революционных взрывов в прошлом. То же самое имело место у нас в России в 1905 году. В Китае дела пошли иначе. В Китае не безоружный народ стоит против войск старого правительства, а вооруженный народ в лице его революционной армии. В Китае вооруженная революция борется против вооруженной контрреволюции. В этом одна из особенностей и одно из преимуществ китайской революции. В этом же кроется особое значение революционной армии в Китае.

Вот почему недооценка революционной армии является недопустимым недочетом представленных тезисов.

Но из этого следует, что коммунисты Китая должны обратить особое внимание на работу в армии.

Во-первых, коммунисты Китая должны всемерно усилить политическую работу в армии и добиться того, чтобы армия стала действительным и образцовым носителем идеи китайской революции. Это особенно необходимо потому, что к кантонцам пристают теперь все и всякие генералы, не имеющие ничего общего с Гоминданом, пристают к ним, как к силе, которая сокрушает врагов китайского народа, и, приставая к кантонцам, вносят в армию разложение. Нейтрализовать таких «союзников» или сделать их настоящими гоминдановцами можно лишь путем усиления политической работы и путем организации революционного контроля над ними. Без этого армия может попасть в тягчайшее положение.

Во-вторых, китайские революционеры, в том числе и коммунисты, должны взяться вплотную за изучение военного дела; они не должны смотреть на военное дело, как на второстепенное, ибо военное дело в Китае является теперь важнейшим фактором китайской революции. Китайские революционеры, а значит и коммунисты, должны изучить военное дело для того, чтобы постепенно продвигаться вперед и занять в революционной армии те или иные руководящие посты. В этом гарантия того, что революционная армия Китая пойдет по правильной дороге, прямо к цели. Без этого шатания и колебания в армии могут стать неизбежностью.

Таковы задачи китайской компартии в вопросе о революционной армии.

4. Характер будущей власти в Китае.

Третье замечание касается того, что в тезисах не учтен, или учтен недостаточно, вопрос о характере будущей революционной власти в Китае. К этому вопросу близко подошел тов. Миф в своих тезисах, и в этом его заслуга. Но, подойдя близко, он чего-то испугался и не решился довести дело до конца. Тов. Миф думает, что будущая революционная власть в Китае будет властью революционной мелкой буржуазии при руководстве пролетариата. Что это значит? Меньшевики и эсеры во время Февральской революции в 1917 году тоже были мелкобуржуазными партиями и в известной мере революционными. Значит ли это, что будущая революционная власть в Китае будет эсеро-меньшевистской властью? Нет, не значит. Почему? Потому, что эсеро-меньшевистская власть была властью империалистической, тогда как будущая революционная власть в Китае не может не быть властью антиимпериалистической. Тут разница коренная. Правительство Макдональда было даже «рабочей» властью, но оно было вместе с тем империалистическим, ибо оно базировалось на сохранении империалистической власти Англии, скажем, в Индии и Египте. У будущей революционной власти в Китае будет то преимущество перед правительством Макдональда, что оно будет властью антиимпериалистической. Дело не только в буржуазно-демократическом характере кантонской власти, являющейся зачатком будущей всекитайской революционной власти, но дело, прежде всего, в том, что эта власть является и не может не являться властью антиимпериалистической, что каждое продвижение этой власти вперед означает удар по мировому империализму,—стало быть, удар в пользу мирового революционного движения. Ленин был прав, когда он говорил, что, если раньше национально-освободительное движение, до наступления эпохи мировой революции, являлось частью обще-демократического движения, то теперь, после победы советской революции в России и наступления эпохи мировой революции, национально-освободительное движение является частью мировой пролетарской революции.

Этой особенности не учел тов. Миф.

Я думаю, что будущая революционная власть в Китае будет напоминать по своему характеру такую власть, о которой у нас говорилось в 1905 г., т.-е. диктатуру пролетариата и крестьянства, с той, однако, разницей, что это будет власть антиимпериалистическая по преимуществу. Это будет власть переходная к некапиталистическому или, точнее, к социалистическому развитию Китая.

Вот в каком направлении должна пойти революция в Китае.

Этот путь развития революции облегчается тремя обстоятельствами:

во-первых, тем, что революция в Китае, как революция национально-освободительная, будет направлена своим острием против империализма и его агентов в Китае;

во-вторых, тем, что крупная национальная буржуазия в Китае слаба, слабее, чем национальная буржуазия в России периода 1905 г., что облегчает дело гегемонии пролетариата, дело руководства пролетарской партии в отношении китайского крестьянства;

в-третьих, тем, что революция в Китае будет развиваться при обстоятельствах, дающих возможность использовать опыт и помощь победившей революции в Советском Союзе.

Победит ли этот путь наверняка и безусловно,—это зависит от многих обстоятельств. Одно во всяком случае ясно, что

борьба за этот именно путь развития китайской революции является основной задачей китайских коммунистов.

Отсюда вытекает задача коммунистов Китая в вопросе об отношении к Гоминдану и к будущей революционной власти в Китае. Говорят, что китайские коммунисты должны выйти из Гоминдана. Это глупость, товарищи. Выход китайских коммунистов из Гоминдана был бы глубочайшей ошибкой. Весь ход китайской революции, ее характер, ее перспективы с несомненностью говорят о том, что китайские коммунисты должны остаться в Гоминдане и усилить там свою работу. Но может ли китайская компартия участвовать в будущей революционной власти? Не только может, но должна участвовать. Ход революции в Китае, ее характер, ее перспективы красноречиво говорят о том, что китайская компартия должна участвовать в будущей революционной власти Китая. В этом одна из необходимых гарантий того, чтобы гегемония китайского пролетариата была осуществлена целиком и полностью.

5. Крестьянский вопрос в Китае.

Четвертое замечание касается вопроса о крестьянстве в Китае. Тов. Миф думает, что надо немедленно дать лозунг об образовании советов, крестьянских советов в китайской деревне. Я думаю, что это ошибка. Тов. Миф забегает вперед. Нельзя строить советы в деревне, обходя промышленные центры Китая. Между тем вопрос об организации советов в промышленных центрах Китая не стоит пока на очереди. Кроме того, надо иметь в виду, что советы нельзя рассматривать вне связи с окружающей обстановкой. Советы, в данном случае крестьянские советы, можно было бы организовать лишь в том случае, если бы Китай переживал период максимального под'ема крестьянского движения, ломающего старое и творящего новую власть, в расчете, что промышленные центры Китая уже прорвали плотину и вступили в фазу образования власти советов. Можно ли сказать, что китайское крестьянство и вообще китайская революция уже вступили в эту фазу? Нет, нельзя. Поэтому говорить о советах теперь—значит забегать вперед. Поэтому вопрос надо поставить теперь не о советах, а об образовании крестьянских комитетов. Я имею в виду выбранные от крестьян крестьянские комитеты, которые способны формулировать основные требования крестьянства и которые примут все меры к тому, чтобы притти к осуществлению этих требований революционным порядком. Эти крестьянские комитеты должны послужить тем стержнем, вокруг которого будет развязываться революция в деревне.

Я знаю, что среди гоминдановцев и даже среди китайских коммунистов имеются люди, которые не считают возможным развязывание революции в деревне, боясь, что втягивание крестьянства в революцию подорвет единый антиимпериалистический фронт. Это глубочайшее заблуждение, товарищи. Антиимпериалистический фронт в Китае будет тем сильнее и могущественней, чем скорее и основательней втянется китайское крестьянство в революцию. Авторы тезисов, особенно же тов. Тан-Пин-Сян и тов. Рафес, совершенно правы, утверждая, что немедленное удовлетворение ряда наиболее назревших крестьянских требований является необходимейшим условием победы китайской революции. Я думаю, что пора сломать ту инертность и тот «нейтралитет» в отношении крестьянства, которые замечаются в действиях известных элементов Гоминдана. Я думаю, что как коммунистическая партия Китая, так и Гоминдан, а значит и кантонская власть, должны немедля перейти от слов к делу и поставить вопрос об удовлетворении теперь же наиболее жизненных требований крестьянства. Каковы должны быть перспективы в этом отношении и до каких пределов можно и нужно дойти,—это зависит от хода революции. Я думаю, что дело надо, в конце концов, вести к национализации земли. Во всяком случае, мы не можем зарекаться от такого лозунга, как лозунг национализации земли.

Каковы те пути и дорожки, по которым должны итти китайские революционеры для того, чтобы поднять многомиллионное крестьянство Китая за революцию?

Я думаю, что при данных условиях можно говорить лишь о трех путях.

Первый путь—это путь образования крестьянских комитетов и проникновения в эти комитеты китайских революционеров для воздействия на крестьянство. (Голос с места: А крестьянские союзы?). Я думаю, что крестьянские союзы будут группироваться вокруг крестьянских комитетов, или крестьянские союзы будут превращаться в крестьянские комитеты, облеченные той или иной властью, необходимой для осуществления крестьянских требований. Об этом пути я уже говорил выше... Но этот путь недостаточен. Было бы смешно думать, что у Китая хватит революционеров на это дело. В Китае около 400 миллионов населения. Из них около 350 млн. китайцев. Из них более чем $^9/_{10}$—крестьян. Думать, что несколько десятков тысяч китайских революционеров могут исчерпать этот океан крестьянства,—значит заблуждаться. Значит, надо искать еще других путей.

Второй путь—это путь воздействия на крестьянство через аппарат новой народно-революционной власти. Несомненно, что в новых освобожденных провинциях будет создаваться новая власть по типу кантонской власти. Несомненно, что эта власть и аппарат этой власти, если она хочет действительно двигать революцию вперед, должна заняться удовлетворением наиболее наболевших требований крестьянства. И вот задача коммунистов и вообще революционеров Китая состоит в том, чтобы проникать в аппарат новой власти, сближать этот аппарат с крестьянскими массами и помогать крестьянским массам через этот аппарат удовлетворить свои насущные требования путем ли отобрания помещичьих земель или путем снижения налогов и арендной платы,—смотря по обстоятельствам.

Третий путь состоит в воздействии на крестьянство через революционную армию. Я уже говорил о важнейшем значении революционной армии в китайской революции. Революционная армия Китая является той силой, которая первой проникает в новые провинции, которая первой проходит по самой гуще крестьянства и по которой судит, прежде всего, крестьянин о новой власти, об ее плохих или хороших качествах. От поведения революционной армии, от ее отношения к крестьянству и к помещикам, от ее готовности помочь крестьянам — зависит, прежде

всего, отношение крестьянства к новой власти, к Гоминдану и вообще к революции в Китае. Если иметь в виду, что к революционной армии Китая примазалось не мало сомнительных элементов, что эти элементы могут изменить физиономию армии в худшую сторону, то можно понять, какое большое значение имеет в глазах крестьянства политическая физиономия армии и ее, так сказать, крестьянская политика. Поэтому коммунисты Китая и вообще революционеры Китая должны принять все меры к тому, чтобы нейтрализовать антикрестьянские элементы армии, сохранить за армией ее революционный дух и вести дело к тому, чтобы армия помогала крестьянам и подымала их на революцию. Говорят, что революционную армию встречают в Китае с распростертыми об'ятиями, но потом, после того, как армия осядет, наступает некоторое разочарование. То же самое было и у нас в Советском Союзе во время гражданской войны. Об'ясняется это тем, что армия, освобождая новые провинции и оседая там, вынуждена кормиться так или иначе за счет окружающего населения. Нам, советским революционерам, удавалось обычно компенсировать эти минусы тем, что мы старались помогать через армию крестьянам против помещичьих элементов. Необходимо, чтобы китайские революционеры также научились компенсировать эти минусы проведением правильной крестьянской политики через армию.

Таковы те пути и зацепки, при помощи которых можно будет проводить в Китае правильную крестьянскую политику.

6. Пролетариат и гегемония пролетариата в Китае.

Пятое замечание касается вопроса о китайском пролетариате. Я думаю, что в тезисах недостаточно подчеркивается роль и значение рабочего класса Китая. Тов. Рафес спрашивает: на кого должны ориентироваться китайские коммунисты — на левых или на центр Гоминдана? Странный вопрос. Я думаю, что китайские коммунисты должны ориентироваться на пролетариат и ориентировать деятелей освободительного движения в Китае на революцию. Только тогда будет поставлен вопрос правильно. Я знаю, что есть среди китайских коммунистов товарищи, которые считают забастовки рабочих за улучшение их материального и правового положения нежелательными и отговаривают рабочих от забастовок. (Голос: Это было в Кантоне и Шанхае). Это большая ошибка, товарищи. Это серьезнейшая недооценка роли и удельного веса пролетариата Китая. Это должно быть отмечено в тезисах, как явление безусловно отрицательное. Было бы большой ошибкой, если бы китайские коммунисты не использовали нынешней благоприятной обстановки для того, чтобы помочь рабочим улучшить свое материальное и правовое положение, хотя бы через забастовки. Для чего же тогда революция в Китае? Не может быть гегемоном пролетариат, сынов которого секут, истязают агенты империализма во время забастовок. Нужно во что бы то ни стало уничтожить это средневековое зло для того, чтобы поднять среди пролетариев Китая чувство силы и чувство своего достоинства и сделать их способными к гегемонии в революции. Без этого нечего и думать о победе революции в Китае. Поэтому экономические и правовые требования рабочего класса Китая, идущие по линии серьезного улучшения

их положения, должны найти в тезисах подобающее место. (Тов. Миф: Об этом сказано в тезисах). Да, об этом сказано в тезисах, но, к сожалению, эти требования выставлены недостаточно выпукло.

7. Вопрос о молодежи в Китае.

Шестое замечание касается вопроса о молодежи в Китае. Странно, что в тезисах не учтен этот вопрос. А между тем вопрос о молодежи имеет теперь в Китае чрезвычайно важное значение. В докладах т. Тан-Пин-Сяна говорится об этом вопросе, но, к сожалению, недостаточно выпукло. Вопрос о молодежи имеет теперь в Китае первостепенное значение. Учащаяся молодежь (революционные студенты), рабочая молодежь, крестьянская молодежь,—все это такая сила, которая могла бы двинуть революцию семимильными шагами, если ее подчинить идейному и политическому влиянию Гоминдана. Надо иметь в виду, что никто не переживает империалистического гнета так глубоко и живо и никто не чувствует необходимости борьбы с этим гнетом так остро и болезненно, как молодежь в Китае. Это обстоятельство должно быть всемерно учтено китайской компартией и китайскими революционерами в смысле всемерного усиления работы среди молодежи. Молодежь должна найти свое место в тезисах по китайскому вопросу.

8. Некоторые выводы.

Я хотел бы отметить два вывода—по линии борьбы с империализмом в Китае и по линии крестьянского вопроса.

Несомненно, что китайская компартия не может теперь ограничиться требованием уничтожения неравных договоров. За это требование стоит теперь даже такой контрреволюционер, как Чан-Суен-Лян. Очевидно, что китайская компартия должна пойти дальше. Надо поставить перед собой в качестве перспективы вопрос о национализации железных дорог. Это необходимо, и к этому надо вести дело. Надо, далее, иметь в виду перспективу национализации наиболее важных фабрик и заводов. При этом прежде всего встает вопрос о национализации тех предприятий, владельцы которых отличаются особой враждебностью и особой агрессивностью в отношении китайского народа.

Нужно затем двинуть вперед крестьянский вопрос, связав его с перспективой революции в Китае. Я думаю, что дело надо вести, в конце концов, к национализации земли.

Остальное понятно само собой.

Вот и все замечания, которые я хотел сделать, товарищи.

А. Микоян.

Диспропорция и товарный голод.

Диспропорции—неизбежное явление в товарном хозяйстве. Они имеются и в нашем народном хозяйстве.

Здесь я хочу коснуться лишь одной основной диспропорции, которая за последний год так много приковывала к себе внимание партии.

Я имею в виду диспропорцию между промышленностью и сельским хозяйством в пользу последнего, что обозначает превалирующий удельный вес сельского хозяйства над промышленностью.

Значение этой диспропорции выходит далеко за пределы вопроса о соотношении между двумя отраслями хозяйства, ибо здесь речь идет об отраслях, отличающихся друг от друга своей социальной конструкцией. Говоря о сельском хозяйстве, мы подразумеваем крестьянское хозяйство, т.-е. частное мелкотоварное хозяйство. Промышленность же представляет собой обобществленный сектор народного хозяйства и призвана по своему социальному типу реорганизовать и перестроить распыленное сельское хозяйство.

Поэтому вопрос о диспропорции, о темпе развития промышленности и с. х.—является вопросом о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

Апрельский пленум ЦК признал, что мы имеем диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью.

Кроме того, мы имеем еще ряд диспропорций внутри этих двух отраслей хозяйства, сильно отражающихся на народном хозяйстве в целом. Самая острая из них в данный момент это—диспропорция между сырьевыми и зерновыми отраслями сельского хозяйства в том смысле, что мы имеем недостаточно развитую сырьевую базу не только для дальнейшего развертывания индустрии, но и для удовлетворения нужд ее на данной стадии развития. Одновременно мы имеем диспропорции между различными отраслями самой промышленности.

Не затрагивая здесь этих вопросов и переходя к вопросу об основной диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, надо заметить, что у нас происходит смешение понятий, связанных с определением, что такое диспропорция в нашем народном хозяйстве. Часто эту диспропорцию, размер ее отождествляют с размером дефицита промтоваров, иначе, с товарным голодом, как у нас принято называть это. В данном направлении особенно поработала наша оппозиция. Во всех ее выступлениях красной нитью проходит мысль, что товарным голодом на рынке, размером его, измеряется диспропорция и, чтобы устранить этот товарный голод, необходимо сейчас максимальное форсирование капитальных вложений в промышленность.

Между тем, это совершенно неверно. Необходимо отличать два явления: первое—диспропорция в распределении производительных сил страны между промышленностью и сельским хозяйством в пользу последнего, представляющая собой исторически сложившееся явление, к устранению которого направлена задача индустриализации и превращение нашей аграрно-промышленной страны в промышленно-аграрную. Эта диспропорция производительных сил устранима лишь на протяжении ряда лет. Увеличение капитального вложения в промышленность есть ускорение того срока, в который рост производительных сил в области промышленности должен догнать и обогнать рост производительных сил сельского хозяйства. Непрерывный рост вложений в основной капитал промышленности за последние два года является порукой, что мы стоим на правильном пути и быстрее, чем любой другой общественный строй добьемся усиленного развития нашей индустрии.

Второе явление—это кон'юнктурная диспропорция между рыночной стоимостью промышленной и сельскохозяйственной продукций, оборачивающихся на рынке, диспропорция между платежеспособным спросом и предложением на рынке, вопрос о встречных потоках промышленных и сельскохозяйственных товаров. Второе явление, проистекая из первого, отличается от него значительно. Если нельзя их противопоставить, то нельзя их и отождествлять, ставить знак равенства между ними. Если диспропорция производительных сил может быть изменена коренным образом лишь на протяжении ряда лет, то рыночная диспропорция между промышленными и сельскохозяйственными товарами определяется более изменчивыми величинами и может сравнительно круто меняться в ту или другую сторону. При данном состоянии производительных сил в индустрии и в сельском хозяйстве и при одном и том же количестве продукции промышленности и сельского хозяйства возможна и диспропорция в пользу сельскохозяйственной продукции, и обратно—диспропорция в пользу промышленных товаров, в зависимости от уровня цен на промтовары и сельскохозяйственные продукты. При условии неизменности количества товаров, при стабильности промышленных цен, известное снижение сел.-хозяйственных цен может привести к изживанию товарного голода и даже к кризису сбыта, т.-е. превышению предложения над спросом, и, наоборот, при стабильности промышленных цен, повышение сел.-хозяйственных цен приведет к еще большему обострению товарного голода. Возможно и так, что при стабильности сел.-хоз. цен понижение промышленных цен приведет к усилению товарного голода, а повышение их поведет к превышению предложения над спросом. Все эти изменчивые факторы действуют на размер товарного голода.

Надо заметить, что методы в устранении возникших диспропорций и в изживании товарного голода различны в капиталистическом хозяйстве и в нашей экономике. Законы капиталистической стихии, создающие эти диспропорции, действуют тем же стихийным путем в сторону их устранения. Это происходит путем переливания капитала из одних отраслей хозяйства в другие. По той же линии ведет и влияние товарооборота мирового рынка (изменения в экспорте и импорте отдельных стран).

В условиях свободной рыночной стихии товарный голод быстро изживался или смягчался бы: 1) путем повышения цен на недостаточные товары и 2) путем усиленного импорта этих товаров из других стран.

Оба эти фактора в своем действии сильно ограничены пролетарской диктатурой. Несмотря на стихию рынка, толкающую на повышение цен на дефицитные товары, государство использовывает все имеющиеся в его распоряжении средства воздействия против этого повышения. Монополия же внешней торговли,—помимо таможенной политики—действующей во всех странах,—ставит пределы импорту. Ибо наша импортная программа определяется не острыми нуждами рынка в сегодняшний день, а более коренными потребностями нашего хозяйства, интересами проводимой экономической политики.

Это еще более усугубляет изменчивое значение тех факторов, которые определяют товарный голод и кон'юнктурную диспропорцию. Они не в малой степени зависят от политики самой советской власти.

Для доказательства того, что нельзя отождествлять товарный голод с диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством, не требуется подробного изложения всех аргументов. Достаточно сопоставить два факта из жизни советской власти. В 1923 году, несмотря на мизерный уровень развития нашей промышленности, при чрезвычайно высоких ценах на промтовары, мы имели кризис сбыта. Однако, никому в голову не приходило утверждать, что в 1923 году в распределении производительных сил страны перевес был на стороне индустрии. Также никто не может утверждать, что если в 1925—26 г. у нас оказался голод на промтовары, то это означает, что наша промышленность после 1923 года отставала в темпе своего роста от сельского хозяйства, ибо процент роста продукции промышленности за эти годы превысил процент роста сельского хозяйства и его товарной продукции.

При одном и том же количестве промтоваров и сел.-хоз. продуктов, товарный голод может быть, но может и не быть, в зависимости от уровня цен на промтовары и сел.-хоз. продукты, что в немалой степени зависить от политики советской власти.

Кроме того, при одном и том же удельном весе производительных сил сельского хозяйства и промышленности, если принять цены на товары неизменными, мы можем иметь кризис сбыта промтоваров, ибо никто не гарантирован от неурожая, даже при увеличении посевной площади в сел. хозяйстве, при том же количестве живого и мертвого инвентаря и затраченного труда, благодаря неблагоприятным природным условиям. Неурожай даже при некотором повышении с.-х. цен значительно сократит покупательную способность крестьянства и создаст превышение предложения промышленных товаров над крестьянским спросом, не говоря уже о других последствиях, которые могут быть ликвидированы лишь в течение нескольких урожайных лет.

В связи с этим большую роль играет отношение товарной части сельскохозяйственной продукции к валовой продукции.

Не надо забывать также, что при всех равных условиях товарный дефицит может сокращаться или увеличиваться в зависимости от налоговой политики советской власти, в зависимости от того, в какой степени эта политика сокращает, или увеличивает платежеспособный спрос города и деревни.

Поэтому совершенно неправильно отождествлять товарный голод с диспропорцией между промышленностью и сельским хозяйством. Неправильно предлагать в качестве безусловного рецепта изживания сегодняшнего товарного голода, форсирование капитальных вложений в индустрию. Ибо, если логически рассуждать, исходя из этого положения, то в случае неурожая, означающего отсутствие товарного голода, не нужно будет производить и больших вложений в основной капитал нашей промышленности. А это, конечно, совершенно неверно и неприемлемо; мы должны будем каждый год, независимо от рыночных отношений между промтоварами и сел.-хоз. продуктами, увеличивать в меру наших возможностей основной капитал нашей промышленности, расширять и перестраивать промышленность.

Кроме того, надо отметить, что, если большие капитальные вложения *в перспективе* обеспечивают нас большей массой промтоваров и этим самым при прочих равных условиях устраняется возможность товарного голода, то большие капитальные вложения в ближайшие 2—3 года могут не только не ослабить товарного голода, но, наоборот, вызвать значительное его обострение. Ибо переоборудованные и вновь строящиеся заводы, потребовав вложения громадных средств, дадут товарную продукцию только через 2—3, а то и большее количество лет. Между тем, вкладываемые в эти предприятия средства, превращаясь на время в мертвый капитал, создают излишний спрос на промтовары (строительные материалы, оборудование, средства потребления новых строительных рабочих и т. д.), не противопоставляя дополнительного количества промпродукции.

Затем нельзя закрывать глаза на тот факт, что непосредственные причины нехватки главнейших промтоваров, кроются *не в отсутствии достаточной мощности промышленных предприятий, а в отсутствии достаточного сырья*. Так, наиболее острый дефицит чувствуется по текстильным и кожевенным изделиям и подсолнечному маслу. В этих отраслях промышленности мы до сих пор не полностью использовали все имеющиеся производственные возможности. Значительное количество предприятий недогружено или находится на консервации, ибо у нас нехватает хлопка, шерсти, кожи, подсолнуха и пр. Если необходимость больших вложений аргументировать переживаемым товарным голодом, то пришлось бы в нашей экономической политике ударение ставить не на капитальных вложениях, а на развитии сырьевых отраслей сельского хозяйства, не на ввозе оборудования, а на ввозе сырья и готовых товаров потребления. Между тем, мы этого не делаем, ибо индустриализация страны представляет собой куда более широкую задачу, чем задача изживания сегодняшних рыночных затруднений.

Вот почему необходимо методологически строго отличать исторически данную диспропорцию в распределении производительных сил и диспропорцию в рыночной кон'юнктуре. Это важно не только методологически, но также и с точки зрения экономической политики, чтобы, во-первых, определить точно значение и место капитальных вложений в индустрию в нашем

народном хозяйстве и, во-вторых, чтобы точно уяснить себе причины и размер товарного голода и методы его изживания.

* * *

Прежде, чем перейти к исчислению размеров товарного голода, надо остановиться на следующем. Многие подчеркивают только отрицательные стороны товарного голода, не сравнивая его с противоположным злом—кризисом сбыта. Покойный тов. Дзержинский был совершенно прав, когда на июльском Пленуме ЦК в последней своей речи, со всей свойственной ему резкостью, подчеркнул, что товарный голод для советской власти представляется более положительным показателем народно-хозяйственного развития. И, конечно, куда лучше иметь товарный голод, чем кризис сбыта промтоваров. Конечно, товарный голод вносит элементы дезорганизации на рынке, создает ряд затруднений. Но несмотря на это, товарный дефицит имеет громадное положительное значение, заключающееся в том, что при нем промышленность получает величайший толчок со стороны рынка к быстрейшему росту и увеличению продукции.

Если даже мы изживем существующий товарный голод, мы не должны рассчитывать на то, что у нас больше он не возникнет,—он будет, он неизбежен и страшиться его нечего. Благосостояние народных масс, в первую очередь благосостояние рабочих масс и широких трудящихся слоев деревни, будет быстро расти. Промышленность, опираясь на растущую емкость внутреннего рынка, все больше будет расширяться. При росте нашей промышленности товарный голод является показателем широких перспектив развертывания индустрии, и лишь на основе перспективного развертывания емкости рынка может быть построена серьезная задача индустриализации нашей страны.

Говоря о дефиците промтоваров, о голоде на промтовары, многие не понимают, что у нас нет одинакового дефицита на все промтовары и не может быть постоянно одинаковых соотношений между спросом и предложением на все промтовары. Рынок еще настолько подвержен влиянию стихийных экономических факторов, что никогда не может быть полного соответствия между спросом и предложением между этими двумя рыночными элементами. По одним товарам будет нехватка, по другим же то или другое превышение спроса над предложением, при чем один и тот же товар может переходить из группы недостаточных в группу достаточных товаров. При нехватке промтоваров—будет стоять задача усиленного развития промышленности; при некотором превышении предложения над спросом, т.-е. достатке промтоваров, задача будет сводиться не к сокращению производства, что могло бы быть при чисто капиталистической системе производства, а к снижению цен и к другим мерам, расширяющим емкость рынка и создающим новые рынки, и открывающим возможность дальнейшего развития тех отраслей промышленности, продукция которых до этого была в достаточном количестве. В данный момент говоря о товарном голоде, мы должны иметь в виду лишь небольшую группу промтоваров, по которым на рынке чувствуется острая нехватка. Надо сказать также, что при достатке данного товара в масштабе всей страны, не исключена возможность дефицитности его в ряде отдельных районов.

Одно дело—соотношение между количеством данного промтовара и спросом на него, взятое в общем масштабе, и другое—фактические отношения между спросом и предложением на этот товар в каждом данном районе страны. Кроме того, мы можем иметь голод на отдельные сорта данного товара при избытке других сортов того же товара. Например, в данный момент, мы при недостаточном сбыте готовой обуви имеем недостаток выделанных кожевенных товаров и непокрытие спроса по этому товару. Или, в другом случае, мы имеем залежи дорогой фаянсовой посуды, не находящей сбыта, при усиленном спросе на дешевые сорта посуды. Имея достаточное количество низких сортов чая, мы наблюдаем усиленный спрос на высокие сорта чая, не покрываемый предложением. Было бы неправильным ожидать, что можно легко и скоро добиться устранения всех этих многочисленных, перекрещивающихся друг с другом, рыночных диспропорций, несоответствия между спросом и предложением на все отдельные товары, на отдельные сорта их в масштабе всей страны или в рамках локальных, местных рынков. Это несоответствие мы будем всегда чувствовать, и промышленность должна будет приспосабливаться к требованиям рынка, чувствуя его толчки. Другой вопрос, что наша промышленность вследствие своего бюрократического построения или технической слабости не может быстро реагировать на изменчивые потребности рынка и соответственно перестраиваться, и что наши торгующие организации вследствие оторванности от жизненных потребностей рынка не могут заранее отражать его нуждам и пред'являть промышленности организованный спрос на различные товары и их сорта, помогая промышленности быстрее и лучше перестраиваться соответственно требованиям рынка; при более или менее достаточном количестве данного вида товара вопрос об ассортименте и качестве становится на видный план. При недостатке же количества товаров, вопрос о качестве его отодвигается на последнюю очередь, выпячивается вперед количественный момент.

Состояние рынка определяется такими многочисленными, изменчивыми показателями, что прогноз на целый год представляет большие трудности, чем в какой-нибудь другой отрасли хозяйства. Поэтому всякие расчеты, на основе которых строится прогноз состояния товарооборота на год вперед, будут носить неизбежно сугубо ориентировочный, приблизительный характер. Несмотря на все эти оговорки, не исключена возможность и необходимость составления ориентировочных балансов товарооборота.

Попытку построения такого баланса мы находим в контрольных цифрах Госплана, составленных т. Смилгой и рядом его сотрудников.

Если контрольные цифры на 1926—27 г. по сравнению с этими же цифрами на 1925—26 г. представляют значительный прогресс в сторону большего уточнения, как методов их построения, так и более правильного предугадывания тенденций хозяйственного развития, то все же, в этих цифрах мы находим значительные дефекты, которые видны не только потому, что жизнь уже дала достаточный контрольный материал, на основе которого можно судить о правильности или неправильности выводов контрольных цифр. Этот, последний, момент совершенно

неизбежен, и никакие цифры, предварительно составленные, не могут обеспечить нас от возможных и неизбежных коррективов, вносимых действительным ходом хозяйственной жизни. Но если даже отвлечься от всех новых данных, которые мы имеем уже после составления контрольных цифр, и ограничиться теми данными, которые имелись в распоряжении авторов контрольных цифр и критически отнестись к самим методам и результатам исчисления контрольных цифр, то мы найдем там ряд крупнейших ошибок. Поскольку, как автор контрольных цифр правильно указывал, контрольные цифры являются не только прогнозом, но и директивой, постольку нам необходимо подвергнуть их критической оценке. Кроме того, контрольные цифры Госплана являются единственным общегосударственным сводом всех элементов народного хозяйства и учетом тенденций их развития. Чем раньше мы добьемся уточнения тех или других сторон этого труда, тем полезнее для нашего народного хозяйства, тем больше гарантии от возможных ошибок в практической деятельности.

Здесь мы имеем в виду остановиться на одной ошибке контрольных цифр, на определении размеров товарного голода.

По этому вопросу три основных органа (Госплан, ВСНХ и Наркомторг) произвели свои исчисления размеров товарного голода.

У каждого из них свои методы исчисления, дающие различные цифры. Методология ни одного из этих органов не может быть признана вполне удовлетворительной и обеспечивающей цифры, в точности соответствующие действительности. Все исчисления построены на таких грубых приближениях, где легко могут быть ошибки на несколько десятков миллионов рублей. Необходимость выработки единой, более совершенной методологии исчисления народнохозяйственного баланса совершенно назрела.

Если в деле определения хлебофуражного баланса мы в этом году достигли таких результатов, что баланс, составленный экспертным советом при ЦСУ, куда входят лучшие силы и знатоки вопроса из всех ведомств,—оказался максимально близким к действительности, то этим мы еще не можем похвастать в области определения товарного баланса.

Работа по проверке данных товарного баланса, произведенная после издания контрольных цифр Госплана вышеуказанными тремя органами, дала результаты более близкие к действительности, чем те, которые были в контрольных цифрах.

Но прежде, чем перейти к результатам этих исчислений, я должен констатировать чрезвычайно странное обстоятельство, которое находит каждый, хотя бы бегло просмотревший контрольные цифры Госплана. На 79 стр. контрольных цифр в главе «Товарооборот» мы находим после всех необходимых методологических оговорок следующее утверждение: «Товарный дефицит в предстоящем году должен определиться суммой, порядка 500 милл. рублей, против 380 милл. руб. текущего года». Когда вы пытаетесь найти где-нибудь, или в тексте книги или в многочисленных таблицах, приложенных к книге, обоснование этой суммы или методы исчисления ее, когда вы пытаетесь найти, каким путем, из сопоставления каких данных получается этот товарный дефицит, то вы нигде никаких данных обоснования исчисления не найдете. Между тем, цифра в $\frac{1}{2}$ миллиарда товарного дефицита имеет крупнейшее значение для всей нашей экономики, и эта цифра сыграла немаловажную роль в качестве крупного аргумента в руках нашей оппозиции, нападавшей на политику партии. Одна ссылка ее на эту цифру, приводимую в официальной сводке народнохозяйственного баланса, изданного от имени Государственной Плановой Комиссии, придавала авторитет и рассеивала всякие сомнения. Когда же подошли к проверке этой цифры, то обнаружилась полная необоснованность ее. После этого становится вопрос, на который очень трудно ответить: откуда взял автор $\frac{1}{2}$ миллиарда товарного дефицита, и вытекала ли эта цифра из об'ективного анализа состояния народного хозяйства и его перспектив на год, или она нужна была ему, при ее необоснованности, для каких-то иных целей? Если принять во внимание обстановку нашей партии, когда составлялись эти цифры, и принадлежность автора к определенному течению внутри нашей партии, то становится возможным предполагать, что эта цифра была приведена в качестве необходимого оружия в борьбе оппозиции против партии, а не в качестве об'ективного вывода из анализа народнохозяйственной жизни, что и нужно было требовать от автора этого труда.

С другой стороны, когда вы начинаете рассматривать другие части текста и приложенные к книге таблицы, то вы находите совершенно иные данные. Таблица «недостаток промтоваров» определяет товарный голод в 302 милл. рублей.

Итак по важнейшему вопросу в этом труде вы находите две цифры: одна порядка—500 милл., без всяких следов обоснования, и другая—302 милл., т.-е. на 200 милл. меньше, которую должны обосновать исчисления таблицы.

В этой таблице вы также находите странное обстоятельство: в графе «расходы сельского населения» (стр. 128) дается расход на торговую накидку в размере 20% стоимости внутрикрестьянского оборота с сельско-хоз. товарами и кустарной продукцией. В доходах же сельского населения эти 20% накидки к стоимости товара—отсутствуют. Между тем, это составляет не маленькую сумму и сильно меняет картину баланса. 20% от внутрикрестьянского оборота с.-х. и кустарных товаров составит—691 м. руб. (519 милл. руб. +172 милл. руб.). Если считать, что, примерно, $\frac{1}{3}$ этого оборота проходит через городских посредников, то все же около 460 милл. руб. должно быть прибавлено к доходам деревни.

Но тогда вся таблица переворачивается вверх дном. Ибо в этой таблице промтоварная масса определяется в размере 7.060 милл. руб., спрос же городского и сельского населения определяется в 7.362 м. р. Получается дефицит в 302 м. р. Если же внести вышеприведенную поправку, то получаются совершенно абсурдные результаты.

ВСНХ же в своих подсчетах стоимость всей промтоварной массы исчисляет в 7.927 м. р., а спрос населения—в 8.200 м. р. Таким образом, товарный дефицит получается в 273 м. р.

Наркомторг же в своих исчислениях исходит из стоимости всей промтоварной продукции в 7.450 м. р., спрос же населения определяет в 7.820 м. р., в итоге чего товарный дефицит выражается в сумме 370 м. р.

Кроме ряда других отличий в методах исчислений этих трех органов, расхождение их цифр получается оттого, что они берут различный уровень цен на промтовары и сел.-хоз. продукты. Так, контрольные цифры Госплана исходят из того, что цены на все товары в среднем в 1926—27 г. будут находиться на уровне 1925—26 г., т.-е. будут стабильны.

Наркомторг же предполагает, что средний уровень цен на промтовары будет снижен против 1925—26 г. на 4%, а на сельскохозяйственные товары—на 6%. ВСНХ же берет цены на сел.-хоз. товары на 6% ниже прошлогодних, исходя из стабильности промтоварных цен.

Помимо этого, контрольные цифры предполагают рост количества продукции нашей промышленности на 15,8%, а ВСНХ и Наркомторг—на 17—18%.

Во всех этих исчислениях не всюду учтен или недостаточно точно учтен ряд других моментов, которые не могут не менять основных цифр, как-то: новые налоги, проведенные летом, как прямые, так и косвенные (в частности налог на хлебное вино сильно преуменьшен).

Все ведомства пришли к этим цифрам, исходя из тех возможностей развертывания промышленности, которые можно было предусмотреть до начала хозяйственного года. Однако ныне, благодаря новым обстоятельствам, которые трудно было раньше предусмотреть, становится возможным увеличение продукции промышленности на 19 или даже на 20% против прошлого года. Таким образом, промышленность в своем развитии пойдет у нас более быстрым темпом, чем предусматривали в своем прогнозе и чем предлагали в своих директивах контрольные цифры.

Предположения контрольных цифр о росте промпродукции на 15,8% оказались сильно преуменьшенными, а предположения ВСНХ, поддержанные Наркомторгом, о росте на 17—18% оказались наиболее верным прогнозом.

При исчислении размеров товарного голода Наркомторг шел двумя методами. Первый метод, который общ и Госплану,—это определение стоимости всей промтоварной массы, спроса населения и выведение разницы между ними. Второй метод, который корректировал первый—это определение количества основных недостаточных промтоваров и спроса на них, согласно показателям рынка, данных местных органов Внуторгов и торгующих организаций. Эти два метода, проверяя друг друга, дают более реальные результаты. Мы взяли основные товары, по которым остро чувствуется товарный голод на рынке, в частности и в первую очередь хлопчатобумажные и шерстяные ткани, кожевенные изделия, металл для хозяйственных нужд крестьянского и городского населения и ряд товаров менее важных, как по размерам своего дефицита, так и по своему значению в народном хозяйстве. Мы пришли к выводу, что нехватка хлопчатобумажных тканей определяется цифрой в 150—200 милл. рублей, шерстяных тканей—цифрой в 40 милл. рублей, кожевенных изделий в переводе на готовую обувь—70 милл. рублей, металла,—примерно, 50 милл. рублей. Все это взято в розничных ценах; в грубом приближении эти цифры мы получаем, исходя из первоначально намеченной производственной программы промышленности. Однако, за последнее время хозяйственная, мировая и внутренняя, кон'юнктура выявила некоторые изменения, которые открывают возможность большего развертывания нашей промышленности именно по этим недостаточным товарам. Вообще, в области развертывания промышленности первые два месяца текущего года дают результаты, превышающие намеченную программу. В частности мы имеем за октябрь, ноябрь и 10 дней декабря превышение добычи нефти в Грозном против намеченной программы на 131%. Мы имеем превышение добычи каменного угля в Донбассе сверх намеченной программы. Но мы здесь хотим остановиться только на отраслях промышленности, обслуживающих широкий рынок.

Первоначально ВСНХ намечал к переработке на хлопчатобумажных фабриках $17^1/_2$ милл. пудов хлопка, что составляет рост продукции на 9%. Дальнейшее увеличение производственной программы не намечалось не потому, что состояние оборудования фабрик, их производственные возможности не позволяли, а лишь потому, что мы не располагали достаточным количеством сырья, в частности, хлопка. Выяснившиеся результаты отечественного урожая хлопка дают превышение на 1 милл. пуд.: вместо предполагаемых $9^1/_2$ милл. пуд. волокна мы получим около $10^1/_2$ милл. пуд. Катастрофическое падение цен на хлопок на мировом рынке открывает возможность купить на меньшее количество валюты, чем мы предполагали израсходовать на намеченный контингент импортного хлопка, столько же, сколько было намечено, даже немного большее количество его. В среднем, в прошлом году пуд хлопка, закупаемого за границей, обошелся нам в 20 руб. 50 коп. Часть хлопка в 900 тыс. п. для работ фабрик в текущем хозяйственном году была закуплена еще в прошлом хозяйственном году в момент еще высоких цен, но нынешняя цена на американский хлопок сошла с 20 с лишком рублей на пуд до $12^1/_2$. Снижение—на 40%, что, конечно, дает громадную экономию валюты, предназначенной для закупки хлопка, давая возможность полной загрузки наших фабрик. Кроме того, при составлении производственной программы ВСНХ исходил из наличия меньшего количества производственного запаса хлопка на фабриках, чем на деле оказалось. ВСНХ исходил из переходящего запаса промышленности в $1^1/_2$ милл. пуд. После произведенного точного учета оказалось, что запас хлопка составляет 3.180 тыс. пудов. Этим самым, даже не увеличивая количества закупаемого за границей хлопка, имея увеличение урожая союзного хлопка в текущем году, мы в состоянии увеличить производственную программу хлоп.-бум. промышленности еще на 1.400 тыс. пуд., доведя ее до 18.900 тыс. пуд., или кругло—19 милл. пудов, при нормальном количестве переходящих запасов хлопка у промышленности на будущий 1927—1928 г. Выработка $1^1/_2$ милл. пудов хлопка сверх программы дает хлопчато-бумажных тканей при грубом подсчете по розничным ценам на 120 милл. рублей. Этим самым мы уже имеем возможность сильно сократить товарный голод на хлопчато-бумажные ткани. Хотя первый квартал года еще не кончился, но уже сейчас выяснилось, что вместо предположенного к выброске на рынок за квартал 5.895 вагонов хлопчато-бумажных тканей, мы выпустили на рынок 6.455 ваг., т.-е. на 560 вагонов больше, чем предполагали, что составляет более 10% роста.

Во втором и третьем кварталах мы получим еще более значительное увеличение.

По шерстяной промышленности мы также имеем возможность увеличить производственную программу, в виду увеличения сырьевой базы этой промышленности, хотя здесь увеличение будет в меньшей мере, чем в хлопчато-бумажной промышленности.

В кожевенной промышленности мы тоже получим возможность увеличения производственной программы против намеченной. Все это сократит товарный дефицит по шерстяным тканям на 20—30 милл. руб., по кожевенным на 5—10 милл. руб. При этих новых расчетах мы уже получим товарный дефицит в 200—250 милл. рублей, против предположенных 370 милл. руб., т.-е. мы не будем иметь в течение 1926—27 хозяйственного года никакого усиления товарного голода, а возможно даже, что последует некоторое ослабление его. Мы не берем совершенно в расчет не исключенный плохой урожай в будущем году, что, конечно, перевернет эти расчеты и создаст совершенно иные рыночные отношения. После критической проверки всех этих данных, президиум Госплана, также признав неправильность и необоснованность контрольных цифр в этой части, определил товарный дефицит примерно в таких же размерах.

Обсуждение годового плана товароснабжения страны на заседании Совета Труда и Обороны привело к таким же результатам.

В качестве итога можно сказать, что контрольные цифры Госплана, указывающие на товарный дефицит в этом году в 500 милл. руб. в этой части совершенно необоснованы, преувеличены, если даже исходить из той производственной программы, которая намечалась в основе контрольных цифр. Если же брать все происшедшие после этого изменения, то мы на деле будем иметь в текущем хозяйственном году не усиление товарного голода, а ослабление его. Контрольные цифры Госплана, которые автором оцениваются как прогноз и директива, в этой важнейшей области оказались совершенно неверными и неправильно ориентирующими страну, и этим самым, они, если их не развенчать, способны нанести вред нашему хозяйству.

Тов. Рыков был совершенно прав, когда на XV партконференции, приведя наши расчеты о товарном голоде, высказал мысль о преувеличенности и выразил надежду, что товарный голод в этом году не возрастет. Он дальше совершенно правильно указал, что оппозиция все время становится в «позу пророков». Однако, все ее пророчества носят сугубо пессимистический характер, предсказывают нашей стране неисчислимые бедствия и каждый раз оказываются совершенно неправильными. В частности, весной 1926 года на апрельском пленуме т. Троцкий предсказывал катастрофические последствия нашему хозяйству при ограниченности наших товарных ресурсов в случае хорошего урожая. Но, как эти пессимистические пророчества т. Троцкого, так и его пророчества 1923 года о гибели страны и проч. оказались разбитыми, благодаря более правильному пониманию нашей партией реального хода хозяйственной жизни и умелой политике в деле руководства ею. Однако, т. Троцкий в своем выступлении на конференции сказал следующее:

«Мы указывали на то, что диспропорция при той политике в области распределения национального дохода, которая проводилась, угрожает нам дальнейшим возрастанием. Это называли почему-то пессимизмом. Товарищи, арифметика не знает ни пессимизма, ни оптимизма. Экономическая статистика не знает ни оптимизма, ни пессимизма, ни маловерия, ни капитуляции. Цифры суть цифры. Если вы возьмете контрольные цифры Госплана, то они говорят о том, что в прошлом году диспропорция, точнее нехватка промтоваров, измерялась суммой в 380 милл. рублей, в этом году—в 500 милл. рублей, т.-е. по первоначальным контрольным цифрам Госплана диспропорция выросла на 25%. Тов. Рыков в своих тезисах говорит, что можно надеяться на то, что диспропорция в этом году не возрастет. Но откуда эта «надежда» получилась? А получилась она оттуда, что урожай оказался хуже, чем все мы надеялись... Об'ективный хозяйственный опыт проверяет разногласия не так—оптимистичны ли цифры или пессимистичны,—а расценивает их иначе: правильны они или неправильны. Я думаю, что наша оценка диспропорции была правильна».

Однако, как видно из всего вышеизложенного, товарный голод, измеряемый контрольными цифрами Госплана в 500 м. р., оказался недействителен не потому, что урожай оказался хуже, как говорил т. Троцкий; прошлогодний урожай был один из хороших, урожай же текущего года оказался еще лучше. Поэтому вряд ли, говоря о реализации урожая, оппозиция весной могла думать об урожае более хорошем, чем мы на деле имеем. Характерно, что этот довод т. Троцкого о том, что урожай оказался хуже, принадлежит к тому порядку доводов, которые являются обычными для оппозиции—без всякого обоснования предсказывать, предвещать, пророчествовать самое худшее, что можно предположить и придумать о нашем хозяйстве.

Вечное карканье, вместо прогноза, и паника—в качестве политики!

Мих. Питковский.

Вовлечение промышленных рабочих в профсоюзы.

Под'ем народного хозяйства вовлек в процесс производства новые сотни тысяч рабочих. Это можно показать ростом количества рабочих, занятых в цензовой промышленности за последние 3 года. В 1923/24 г. рабочих было 1.617,5 тыс., а в 1925/26 г.—2.421,8 т. [1]). Прирост выражается внушительным числом—свыше 804 тысяч.

Такое громадное и резкое увеличение количества, работающих в промышленности с особенной силой выдвигало вопрос о том, в какой степени росту рабочего класса соответствует его профессиональная организованность.

Рост членов профсоюзов был также чрезвычайно значительный. Если взять для примера рост за апрель—октябрь 1925 г., то он выразится в этот сравнительно короткий период только в индустриальных союзах в полумиллионе (498.000) новых членов союза. Однако, удовлетвориться одним абсолютным ростом невозможно. Чрезвычайно важно, в какой степени профессиональные союзы поспевают охватывать рабочих нашей промышленности.

Таблица № 1.

Наименование союза.	Профессиональный охват работающих по индустриальным союзам в %% по данным ВЦСПС.		
	На 1/I 1925 г.	На 1/IV 1925 г.	На 1/X 1925 г.
Бумажники	93,6	91,2	90,8
Горнорабочие	92,1	92,5	84,0
Деревообдел.	84,4	77,5	85,3
Кожевники	93,2	92,5	90,8
Металлисты	89,2	87,8	87,9
Печатники	94.8	95,1	93,5
Пищевики	90,8	88,7	84,5
Сахарники	85,5	83,4	73,2
Строители	90.3	89.3	83,8
Текстили	95.8	96,5	92,6
Химики	90,7	90,9	88,5
Швейники	94,2	92,3	90,8
Итого	91,6	90,3	87,9

Приводимые по индустриальным союзам итоговые цифры и цифры по отдельным союзам (табл. № 1) позволили XIV партс'езду заключить, что на ряду с бесспорным фактом очень высокого процента организованности рабочего класса в профсоюзах, имеется, однако, снижение процента охвата.

[1]) По контрольным цифрам Госплана 1926 г.

Таким образом, перед партией и профсоюзами встала неотложная задача усилить внимание к профессиональному охвату рабочих.

Последние данные по 12 промышлен. союзам (на 1/IV—1926 г.) значительно меняют общую картину профессиональной организованности (см. табл. № 2):

Таблица № 2.

На 100 рабочих в завед. и учрежд. 12 индустриальн. союзов приходится членов союзов [1]).

1925 г.		1926 г.
1/IV	1/X	1/IV
90,3	87,9	90,5

Директива, вытекающая из постановлений XIV с'езда, констатировавшего отставание профессиональной организованности от роста рабочего класса, в значительной степени выполнена: процесс организованности не только не отстает от роста рабочего класса, но даже несколько впереди его (1/IV—1925 г.—90,3; 1/IV—1926 г.—90,5%).

Однако, если мы рассмотрим степень организованности по отдельным индустриальным союзам, то увидим, что на ряду с ростом союза металлистов и союзов второстепенного значения (бумажников, деревообделочников и др.) союзы горнорабочих, текстильщиков, пищевиков, кожевников, швейников и строителей не достигли к 1/IV—26 г. того уровня, на котором они были к 1/IV—25 г.

Таблица № 3.

Союзы.	% организованности		
	1/IV—25 г.	1/X—25 г.	1/IV—26 г.
Горнорабоч.	92.5	84,0	87,0
Кожевник.	92,5	90,8	91,7
Пищевик.	88,7	88,5	87,0
Текстильщик.	96,5	92.6	95,6
Швейник.	92,3	90,8	91,5
Строительн.	89,3	83,8	85,5

Наиболее сильно продолжают отставать союзы горняков, строителей—(89,3—85,5%), и систематически, хотя и незначительно, дают снижение пищевики.

Рассмотрим также состояние профессионального членства по некоторым отдельным областям.

Сопоставляя данные на 1/IV—25 г. с данными на 1 апреля 1926 г. по Украине, можно установить за этот период—снижение профессиональной организованности. Процент членов союзов

[1]) При числе работающих на 1/IV—25 г.—2.565,1 т. ч.; 1/X—25 г.—3.296,3 т. и 1/IV—26 г.—3.366,6 т.

среди работающих на 1/IV—25 г. равнялся 91,6, а на 1/IV—26 г.—89,8 [1]).

Резко снизился % у горняков (было 94,9%, стало 88,2%), кожевников (было 92,7%, стало 85,4%), химиков (было 91,6%, стало 88,4%) и у строителей (было 91,1%, стало 86,6%).

Сопоставляя данные на 1 апреля 1926 г. с данными на 1 апреля 1925 г. по Уралу мы можем установить: во-первых, средний % профорганизованности по индустриальным союзам (без строителей и сахарников) увеличился с 73,2 до 82,3; во-вторых, средний процент по Уралу (82,3 на 1/IV—26 г.) значительно ниже % организованности по всему СССР (на 1 апреля 1926 г. без строителей и сахарников он равняется 91,0) и, в-третьих, в отдельных союзах Урала и за этот период имеется значительное снижение процента организованности: у горнорабочих с 83,1 до 77,1, у химиков с 92,1 до 81,1, у швейников с 85,6 до 66,3, у строителей с 86,7 до 74,0. Менее значительное снижение у текстильщиков на 1,4% и у пищевиков на 2,5%.

Таким образом, резолюция XIV с'езда партии о том, «что профсоюзы... не поспевают даже организационно охватить, элементарно вовлечь их (новых рабочих. *М. П.*) в свою организацию», принятая в отношении всего профсоюзного движения, продолжает оставаться правильной для ряда индустриальных профес. союзов и для отд. областей СССР.

Отсюда вывод о необходимости усиления работы партии и профсоюзов по вовлечению в союзные ряды рабочих ряда отраслей промышленности.

При анализе профсоюзного членства, особенное внимание обращало на себя падение процента организованности в крупных быстро растущих предприятиях.

Громадное развитие социалистической промышленности в течение восстановительного периода приводило к быстрому росту особенно крупных заводов и к росту рабочей силы на этих заводах. Это связано с вовлечением больших кадров рабочих, насчитывающих в своем составе много неорганизованных в профсоюзы.

Так, на заводе им. Петровского (быв. Брянском) в Екатеринославе, в связи с быстрым ростом количества рабочих осенью 1925 г. одновременно не состояло в союзе около 3 тыс. рабочих. На Харьковском паровозостроительном заводе число одних заявлений в завком о приеме в члены союза доходило в апреле этого года до 600. На Краматорском машиностроительном и металлургическом заводе (Донбасс) в течение всех месяцев первой половины 1926 года было 1.200—1.300 рабочих, не состоящих членами союза.

Эти факты заставляют обратить внимание на опасность состояния вне союза огромных групп рабочих на крупных быстро развивающихся заводах.

Дальнейший рост нашей промышленности, в особенности в связи с индустриализацией страны, требует учета этих фактов.

---

1) Данные по 10 промышл. союзам, т.-е. без сахарн. и строител. Сахарники и строители тоже дают снижение: первые от 89,1% в 25 г. до 88,6% в 26 г., а вторые вместо 91,1% в 25 г. до 86,6% в 26 году.

Необходимо взять в отношении профессионального членства под особое наблюдение центральных и местных профорганизаций наши крупные предприятия, имеющие значение опорных пунктов нашей промышленности.

Состав не вовлеченных в профсоюзы и причины профессиональной неорганизованности.

Отсутствие массовых сводных данных сильно затрудняет точное выяснение вопроса о составе нечленов профсоюза.

Полученные же при обследовании отдельных предприятий в Харькове, Донбассе, Москве и др. местах данные позволяют заключить, что главная масса нечленов союза это рабочие недавно вступившие на производство, в большинстве пришедшие из деревни на завод впервые.

Однако, было бы ошибочным предполагать, что в числе неорганизованных в профсоюзы находятся исключительно рабочие из новых слоев.

Мы находим, правда, в небольших отношениях, старых и квалифицированных рабочих. В единичных случаях они составляли даже большинство среди нечленов союза. Возьмем для примера состав рабочих, не состоящих членами профессионального союза по двум цехам Краматорского металлургического завода (одного из крупнейших заводов Донбасса).

В механическом цеху мы найдем среди них трех слесарей, с производственным стажем в 15 л., 17 л. и 33 года; на данном заводе один из них работает 1½ года, другой 4 года, третий—15 лет; 2-х токарей с производственным стажем 19 лет и 33 года, один из них на данном заводе работает 2 месяца, а другой 18 мес.; 2 строгальщиков, с производственным стажем в 10 л., и в 22 г.;—по столько же лет каждый из них работает на данном предприятии; одного кровельщика, с производственным стажем в 13 месяцев, на данном заводе—1 г.; 1 молотобойца с производственным стажем в 4 года, на данном заводе работает 1 год; 1 сторожа, с производственным стажем в 38 лет на данном заводе работает 7 лет.

Следует учесть также и тех рабочих, которые фактически не являются членами союза. Это те, кого называют «злостными неплательщиками». Среди них гораздо чаще встречаются квалифицированные рабочие, с большим производственным стажем.

Из этой группы рабочих большая часть восстанавливает свою связь с союзом, но нередки случаи, когда рабочие из разряда злостных неплательщиков переводятся в разряд нечленов союза (формально же они все, как не платившие свыше 3-х месяцев членских взносов должны быть механически исключены из союза).

По тем отрывочным и неполным сведениям, которыми мы располагаем, трудно сделать вывод о точном соотношении в составе нечленов союза между квалифицированными и неквалифицированными, старыми и молодыми. Одно несомненно, что этот вопрос немаловажный и требует со стороны партии и профсоюзов тщательного выяснения.

Имеющиеся же у нас сведения и данные позволяют сделать вывод, что основная масса нечленов союза—новые слои рабочих, но на ряду с этим среди нечленов союза имеются и рабочие

с большим производственным стажем и с долгим сроком пребывания на последнем месте работы.

Комиссия ВЦСПС по обследованию состояния профработы на Украине об'ясняет значительность процента неохваченных союзами тем, что «в период массового набора рабочих союзы не справляются с оформлением приема в союз», «волокитой с утверждением в члены союза», неправильностями при отборе вступающих в профсоюз и т. п.

Несомненно, что эти препятствия имеют громадное значение. Однако, для полного выяснения причин профессиональной неорганизованности необходимо учесть отношение самих рабочих к вступлению в профессиональный союз.

Обследования и изучение этого вопроса приводят к тому выводу, что, несомненно, имеет место известная пассивность по отношению к вступлению в союз со стороны некоторых групп рабочих. Это пассивное отношение коренится в различных для каждой прослойки рабочего класса причинах.

Рассмотрим эти причины.

В группе квалифицированных рабочих, не состоящих членами профсоюзов преобладают рабочие бывшие в союзе и оторвавшиеся от него. Однако, имеются и такие квалифицированные рабочие, которые в союзе еще не состояли.

Независимо от этого и в том и в другом случае причины пассивности по отношению к профсоюзу в общем сходны и идут по линии отрыва от пролетарской общественности.

Это вызывается несоответствием между ростом активности у этой прослойки рабочего класса и их удовлетворением.

Если не учесть того, что с улучшением материального положения неминуемо должны повыситься либо политическая активность, либо мещанские потребности, и если не организовать во-время эту активность, не использовать ее, не укрепить и не развить ее, то очень легко можно встретиться с фактами мещанского разложения, аналогичными тем, какие имели место на Харьковском паровозостроительном заводе.

Вот, что пишут работники Краснозаводского районного комитета партии, обследовавшие Харьковский паровозостроительный завод.

«На ХПЗ останавливает внимание вопрос о механическом выбытии из союза... Это явление достаточно серьезно. На 17 мая имеются 77 тт., не уплативших членских взносов, кроме того, механически исключенных за неуплату членских взносов свыше 6 мес. еще 20 тт.».

Далее товарищи приводят табличку, иллюстрирующую состав уже исключенных из союза (на 20 рабочих).

Всего искл.	Взросл.	Молод.	Квалифицир.	Неквалифицир.	По профстажу.			
					I год	До 3 л.	До 5 л.	Свыше 5 лет.
20	19	1	11	9	1	8	4	7

«Эти цифры говорят,—продолжают обследователи,—что большая часть из них—взрослые рабочие, значительная часть квалифицированные рабочие, имеющие значительный профстаж».

Большинство товарищей на ХПЗ об'ясняет это явление так: «Не платил несколько месяцев, а затем «запутался», или тем, что «часть из исключенных рабочих частенько выпивают».

Интересны личные беседы с исключенными из союза. Вот что выяснилось из этих бесед:

В одном случае, рабочий член союза с 1917 г. (квалифицированный) не согласен с линией профсоюза (жалобы на зажим и давление со стороны профорганизации).

Другой рабочий «запутался» из-за семейных обстоятельств. Он об'ясняет причину ухода из союза так: «Пришел домой, поставил этот вопрос в своей семье на голосование и большинством решили не платить (членских взносов), а на общих основаниях вступить вновь в союз».

И, наконец, третье об'яснение квалифицированного рабочего с большим производственным стажем: «У меня жена одна на всю деревню, надо ее хорошо одеть, обуть, на ее наряд весь мой заработок уходит»... «мне старому рабочему очень стыдно».

Несомненно, что во всех трех случаях профсоюз без особого труда мог бы найти пути не допустить этих рабочих к отрыву от союза. В самом деле, все 3 рабочих пережили известную борьбу с самим собой, прежде, чем уйти из профсоюза. Один член союза с 1917 г. на 9 году пребывания в союзе решается на выход из него, т.-е. именно тогда, когда профорганы решительно стали на путь рабочей демократии и когда легче всего было убедить его в том, что его отношение к профсоюзу—неправильно.

В двух других случаях явное колебание: один «голосует» в семье, а другому «стыдно», что он пошел по мещанскому пути, а не по пролетарскому.

В этих случаях при организованном сопротивлении со стороны профсоюза влиянию семьи и мещанскому «увязанию», несомненно, выхода из союза могло бы и не быть.

Само собой разумеется, что все эти случаи требовали со стороны профсоюзного органа специального внимания к отдельным рабочим. Необходимо было в одном случае втянуть рабочего в активную профработу и доказать ему на деле его политическую ошибку. В 2-х других случаях колебания рабочих нужно было их обывательским интересам противопоставить развитую общественную работу союзов. Только этим можно было ликвидировать влияние на них мещанской среды и изжить вызванные ею колебания.

Если имеется группа квалифицированных рабочих, стоящих в стороне от пролетарской общественности (даже не состоящих членами профсоюза), то это само собой должно сказаться в большей или меньшей степени на политической физиономии всего цеха. Влияние старого рабочего, в особенности квалифицированного, в процессе производства огромно. Он может быть проводником чуждых пролетариату влияний и на самом производстве и вне его. С другой стороны, эти на первый взгляд «безнадежные» рабочие могут быть опорой профсоюзов и администрации при разрешении производственных задач.

Каким же образом профсоюз может усилить свое влияние на эти слои рабочих? Каков же путь вовлечения этих рабочих в общественную жизнь союза?

И само вовлечение в союз и сохранение членства может быть достигнуто для этой группы рабочих прежде всего по пути втягивания их в производственную жизнь цеха и завода. Это может пойти через вовлечение в производственные совещания, включение в производственные комиссии, приглашение их на технические совещания мастеров и инженеров и через делегирование таких рабочих на практикующиеся производственные конференции.

Между тем, не везде и не всегда проводится приобщение даже высококвалифицированных рабочих к производственной жизни предприятия. Им не всегда обеспечена (если не считать формального права) возможность участвовать в организации производства. Потребности такого рода не всегда учитываются, а между тем они огромны.

* * *

Выяснение состояния членства на различных предприятиях указывает на преобладание в составе нечленов союзов рабочих из новых кадров. Это совершенно естественно, так как отставание профсоюзов в охвате рабочих об'ясняется в значительной степени притоком в нашу промышленность огромного количества новых кадров рабочих.

Рассмотрим причины, мешающие рабочим из новых кадров быть членами союзов. Неверным будет видеть причины лишь в том, что рабочие из новых кадров не успевают оформить членство, что новые рабочие «прут» в профсоюз и что приходится их даже сдерживать. Это, конечно, верно, но только до известной степени.

Следует помнить, что «эта масса... менее подготовлена к пролетарской организации и поэтому она не так быстро поддается вовлечению в профсоюзы»[1]).

Произведенные обследования полностью подтверждают это положение т. Молотова.

Выяснение причин невступления в союз у новых рабочих на шахте им. Артема показало следующее: опрошенные через делегатов о причинах несостояния в союзе, рабочие из новых кадров дали следующие ответы (см. табл. на стр. 41).

Выяснение причин у группы рабочих по строительному цеху Краматорского завода дало следующие результаты. На вопросы о причинах несостояния в союзе получены такие, примерно, ответы: 1) «не думаю долго работать», 2) «невнимательное отношение со стороны профсоюза», 3) незнание о членстве и 4) наиболее распространенный ответ—«непостоянство места работы».

Приведенные ответы говорят о пассивном отношении к профсоюзам со стороны части рабочих из новых кадров.

Каковы же причины, заставляющие и некоторых новых рабочих воздерживаться от вступления в профессиональный союз?

Для разрешения этого вопроса следует иметь в виду, что среди новых рабочих имеются: 1) постоянно работающие рабочие, 2) работающие периодически, хотя и в качестве постоянных рабочих и 3) рабочие, работающие в качестве временных и сезонных рабочих.

[1]) Из организационного отчета ЦК XIV с'езду ВКП(б). Доклад т. Молотова.

Причины несостояния в союзе по указанию самого рабочего.

№№ по порядку.	Квалификация.	Производ. стаж.	Связь с деревней.	Причины несостояния в союзе по указанию самого рабочего.
1	Отгребщик	5 м.	имеет	Не желает.
2	Забойщик	7 »	не имеет	»
3	Уборщик породы . . .	4 »	имеет	»
4	» » . . .	5 »	»	»
5	» » . . .	4 »	»	»
6	» » . . .	4 »	»	»
7	Выборщицы	2 »	»	Обещает подать заявление.
8	»	2 »	»	» » »
9	»	6 »	»	» » »
10	»	3 »	»	» » »
11	Бурильщик	4 »	»	Недавно прибыл из деревни.
12	Крепильщик	3 »	»	» » » »
13	»	3 »	»	» » » »
14	Вагонщик по породе . .	8 »	не имеет	Не позволяет материальн. положение.
15	Сортировщик	1 г.	имеет	Не хочет.
16	»	1 »	»	Согласен подать заявлен.
17	»	3 »	»	Не хочет.

Нечленов союза можно встретить среди всех этих групп. Каждая из этих групп имеет свои особенности, у каждой из них свои причины пассивного отношения к вступлению в профсоюз.

У постоянно работающего рабочего, даже если у него и имеется связь с деревней, интересы сосредоточиваются на фабрике или заводе. Но это происходит не сразу, а постепенно. В течение первых месяцев работы, которая становится для него основным и единственным источником существования, бывает безразличное отношение к организациям и к самому производству. Политику и интересы класса он осознает постепенно через наиболее близкую для него организацию—профессиональные союзы. Но проходит сравнительно немалое время, пока он начинает видеть в профсоюзе организацию, защищающую его интересы. Это происходит потому, что со стороны профорганизаций «наблюдается недостаточное выполнение своих прямых обязанностей защиты экономических и бытовых нужд... недостаточно внимание к мелким насущным бытовым и экономическим требованиям... рабочих». (Из резолюции XV конференции ВКП(б) о работе профсоюзов).

Между тем, именно по этой линии профсоюзы могут привлечь в свои ряды новые слои рабочих. Для них защита экономических интересов и защита условий труда и быта играют, конечно, решающую роль. Само собою разумеется, что на ряду с этим должна итти работа союзов по удовлетворению их культурных и политических потребностей, по развитию их производственных интересов.

У периодически работающих рабочих, хотя и в качестве постоянных рабочих, периодичность имеет в основе смешанный источник существования: фабричный заработок и сельское хозяйство. У этой группы причина несостояния в профсоюзе лежит, несомненно, в том, что центр их интересов не всегда сосредоточен

в городе, а скорее находится в деревне, в своем сельском хозяйстве.

В приходной части бюджета такого рабочего-крестьянина может быть преобладание в одном случае городских заработков, в другом—доходов с сельского хозяйства. В значительной степени от этого зависит место, центр, где лежат его экономические интересы. Но во всяком случае и при преобладании городских заработков или сельских доходов такой рабочий имеет специфические особенности. Он тесно связан с крестьянскими интересами, мало развит культурно и политически, менее поддается пролетарскому влиянию, менее чувствует свою связь с пролетариатом. Недостаточный учет и внимание профсоюзов к этим особенностям данной прослойки рабочих усугубляет их пассивность к союзному членству и вызывает у некоторых из них нежелание быть членами союза.

Все это, но еще в более резкой степени, мы найдем у сезонных рабочих.

Союзы, приспособившие свою работу к особенностям этих рабочих и проведшие ряд мероприятий в этом направлении достигают прекрасных результатов; пример: у строителей в Артемовском округе достигнуто минимальное количество нечленов союза (чуть ли не 100%-е членство). Рядом же в профорганизации, ведущей профработу «вообще», без учета специфических особенностей этой группы рабочего класса, имеется большая брешь в отношении профсоюзного членства (в строительном цеху—около 40% нечленов союза).

Каковы пути, по которым должно пойти вовлечение в профессиональные союзы рабочих из новых кадров?

Необходимо усилить внимание союзов ко всем мелочам быта и труда этих слоев—учитывать их материальные интересы при заключении колдоговоров, особое внимание оказать охране их труда, улучшению их жилищных условий, развить среди них культпросветительную работу (в особенности ликвидацию неграмотности, охватывая их своим влиянием и по месту их жительства в деревне). Особую роль при этом надо отдать активному участию профсоюзов в деле шефской работы над селом.

Только этими путями удастся вовлечь эти слои в профсоюзы и в их общественную работу.

* * *

Разобранные нами причины пассивного отношения некоторых групп рабочих к вступлению в профсоюзы в значительной степени усиливаются недостаточно активным отношением самих союзов к делу вовлечения в члены союза.

Не всегда можно встретить в союзах четко поставленную цель по вовлечению в них всех промышленных рабочих. Более того, недавняя практика давала возможность констатировать в некоторых случаях прямое сопротивление профсоюзов делу вовлечения в союзы некоторых слоев рабочих.

Комиссия ВЦСПС по обследованию состояния профработы на Украине подтверждала это сопротивление фактами установления стажерства. Например, у горняков Артемовского и Луганского округов после принятия в члены союза на шахтном собрании, рудничный комитет вместо членского билета выдавал временное удостоверение. При одновременном вступлении нескольких рабочих в союз часть из них получала постоянные законные билеты, а часть временные. Постоянные билеты выдавались «солидным» рабочим. Тем же, в солидность которых работники шахтного комитета не особенно верят—выдают временные удостоверения.

В Шепетовском округе «сомнительным» рабочим (в отношении 100% «пролетаризма») до принятия в союз давались определенная профнагрузка для проверки—«насколько они подойдут для выполнения профработы, с одной стороны, и покажут свое классовое чутье (?)—с другой».

На некоторых фабриках отказывали в приеме в союз механически выбывшим из союза за неуплату членских взносов.

Достаточно распространена практика требований при приеме в союз поручительства двух или нескольких членов союза (Коксобензольный завод в Артемовске, Карзавод в Луганске, у горняков в Брянске).

Любопытно, что прием в союз в некоторых местах (Воронежская губ.) сопровождался такого рода мотивировкой: «В виду того, что такой-то имеет такую-то квалификацию, такое-то положение и имя (?) и в виду того, что его квалификации нет среди безработных (очевидно, членов союза. *М. П.*) принять в члены союза».

Все это делалось, конечно, с лучшими намерениями, «чтобы не засорить союзы непролетарскими элементами».

Такой решительный «отбор» приводил к тому, что рабочие вынуждены были иногда доказывать свое право на принятие в союз боевыми заслугами.

Третьим пленумом ВЦСПС дана совершенно правильная директива—изжить из практики профработы систему сопротивления вступлению новых слоев рабочих в профсоюзы. Наоборот, пленум обращает внимание на необходимость вовлечения в профсоюзы новых сотен тысяч рабочих впервые пришедших на фабрики и заводы.

Результаты этой директивы уже сказались: случаев сопротивления союзов в приеме рабочих в союзы становится все меньше и меньше.

Однако, вопрос об ограждении притока в союзы новых членов продолжает оставаться актуальным для новых рабочих.

В правлениях союзов, в завкомах, на вопрос—принимают ли они в союз временных рабочих—можно получить двоякого рода ответ: либо категорическое утверждение, что временных в союз не принимают, либо (гораздо реже), что временных допускают к приему, но только после истечения месячного срока работы.

Между тем «временные» рабочие перестают быть временными, если они проработали свыше месяца. (Таков закон в СССР).

Таким образом, во всех случаях мы имеем фактически такое положение, что временных рабочих в союз не принимают.

Между тем, в условиях имеющейся безработицы можно найти довольно значительные группы пролетариев, вынужденных в силу безработицы наниматься в качестве временных рабочих. В таком состоянии «временно работающие», перебрасываясь с одного завода на другой, пребывают иногда довольно продолжительное время—1 г. и более.

Временное пребывание на заводе пролетарских и полупролетарских элементов должно быть использовано для вовлечения их в союз. Само собой, что тут имеется известная опасность разбухания профсоюзов за счет непролетарских элементов. С другой стороны, имеются и технические препятствия, заключающиеся прежде всего в том, что оформление в членстве таких рабочих затруднено в силу кратковременности пребывания их на одном месте.

Несмотря на это, профсоюзам необходимо практически поставить вопрос о вовлечении временных рабочих в союз.

* * *

Анализ профессиональной неорганизованности необходимо дополнить разбором причин несостояния в союзе еще 2-х групп рабочих: 1) переходящих из одной отрасли промышленности в другую и 2) исключенных из союзов[1]).

Довольно значительное время находятся вне союза, а то и вовсе отрываются от него рабочие, перешедшие с одной отрасли промышленности на другую и идущие под рубрикой «членов других союзов».

Перевод таких рабочих с одного союза в другой только за последнее время облегчен и не требует прохождения всех инстанций, как при первичном вступлении в профсоюз.

Однако, в некоторых случаях, как, например, в Орле, строители вовсе не принимали в союз железнодорожников, а железнодорожники—бывших металлистов.

Низовые профорганы относятся к таким рабочим—«членам других союзов»—с недостаточным вниманием.

Там, где профорганы и ставят себе цель вовлечь рабочих в члены союза, они в отношении «членов других союзов» специальной работы по вовлечению (вернее по переводу) не проводят, предполагая, что последние сами оформят свой переход. На практике часто можно встретить оттяжку и замедление со стороны таких рабочих к оформлению своего перевода. Часто бывает, что такой рабочий от старого союза оторвался (не будет же он платить членские взносы где-то на стороне), а с другой стороны—и на новом месте с союзом не связался.

Это «межсоюзное» положение очень опасно. Оно бывает во многих случаях причиной полного отрыва рабочих от профсоюза.

Между тем, вопрос о вовлечении в союзы таких «членов других союзов» имеет местами большое значение. На некоторых предприятиях количество сезонных, временных рабочих и «членов других союзов» очень велико и в значительной степени снижает процент профессиональной организованности рабочих.

Перед профсоюзами стоит задача действительного упрощения перевода рабочих с одного союза в другой. С другой стороны, к числу рабочих, среди которых необходимо вести работу по вовлечению в союз, необходимо отнести и «членов других союзов».

Перейдем к рассмотрению группы рабочих, исключенных местными профорганами из своих организаций.

[1]) В число нечленов союзов входит также группа рабочих, не имеющих права состоять в профсоюзе (лишенные права и т. п.). Она малочисленна, и вряд ли следует на ней останавливаться.

Хотя в настоящее время исключения за «антипролетарские поступки» проводятся с большой осторожностью, однако, и сейчас еще можно встретиться со многими случаями неправильного исключения из союза. Исключают за пьянство (Артемовск), за мещанство, за безнравственность (Крым), за непосещение общих собраний, за то, что в годы гражданской войны занимался торговлей и т. п.

Почти все приведенные мотивы исключения, очевидно, перенесены механически из партийной практики. Но то, что правильно для партии в отношении своих пассивных и разлагающихся членов, то неприменимо в союзной практике. Такая линия «чистки» союзов совершенно неправильна. В союзах, как в школах коммунизма, должно преобладать воспитательное воздействие на своих членов; карательные же меры, в виде «отсечения» своих членов, должны быть применяемы лишь в крайних, исключительных случаях.

* * *

Итак, мы видим, что рабочие различных групп остаются еще вне союза. Здесь влияет ряд причин: 1) пассивность самих рабочих, 2) недостаточно активное отношение к вовлечению со стороны профсоюзов, 3) искажение основной линии ВЦСПС в виде сопротивления профсоюзов приему некоторых слоев из новых кадров рабочих в союз, 4) недостаточная работа союзов по закреплению своих членов в союзах, и наконец, 5) исключение ими своих членов часто без достаточных оснований.

Союзам необходимо усилить работу по вовлечению и закреплению рабочих в союзах.

Только идя по этому пути профсоюзы выполнят стоящую перед ними задачу поголовного вовлечения всех промышленных рабочих в профессиональные союзы.

Как проводится вовлечение в профсоюзы?

Успешность работы по вовлечению требует полной осведомленности профорганов относительно социального положения, производственного стажа, специфических особенностей рабочих—нечленов союзов.

Большинство (если не все) профорганизаций не располагает данными, основанными на точном изучении. Не только нет данных, позволяющих подробно характеризовать нечленов союза, но отсутствует даже простой учет нечленов союза, без которого немыслимо изучение этих рабочих.

Главным условием для успешности работы по вовлечению является учет нечленов союза.

Однако, следует отказаться от проводимой некоторыми профорганами системы учета членов профсоюза. Они требуют обязательной регистрации в завкоме всех вновь поступающих рабочих, независимо от того, члены они или нечлены профсоюза. Такой «учет» бьет по добровольному членству и, вследствие этого, сам по себе подрывает всю работу по вовлечению в члены союза.

Не годится и канцелярский способ проведения учета нечленов союза. Способ этот заключается в том, что работники

завкома сопоставляют списки из заводской конторы, на работающих со списком плательщиков членских взносов на данный месяц. Контора, обычно, дает не именной список, а число работающих. (Давать именные списки, в особенности, там, где рабочих тысячи—очень трудно). В этих случаях путем вычитания завком устанавливает только количество нечленов союза. Притом и количество это весьма не точно, так как в нем находятся и те рабочие, которые почему-либо в данный месяц не платили членских взносов.

Действительный учет нечленов союза может быть организован не иначе, как при участии низового профессионального актива. Значительно поможет в этом деле прикрепление к каждому члену профактива (делегату, сборщику) определенной группы рабочих, как членов союза, так и нечленов. Зная свою «двадцатку», профделегату очень легко будет учесть и изучить членов и нечленов союза. Попытка учета таким путем вполне удалась на шахте им. «Артема» (Щербиновский рудник). Благодаря ей, удалось выяснить социальный состав нечленов союза, их производственный стаж, причины их невступления в союз. Местные работники уверены, что при такой постановке задача вовлечения значительно облегчится.

Не менее важным для успешности вовлечения является планомерность этой работы. Во всех обследованных по этому вопросу предприятиях планомерность в вовлечении отсутствует.

Возьмем для примера данные о приеме в союз на канатной фабрике «Новая Бавария»:

	Принято в союз.	Осталось нечл. союза.
За август	30 ч.	447 ч.
» сентябрь	218 »	1.418 »
» октябрь	110 »	1.253 »
» ноябрь	57 »	1.247 »
» декабрь	785 »	378 »

Вовлечение в союз здесь происходит не планомерно, а в ударном порядке—скачками. В то время, как за ноябрь на этой фабрике принято в союз 57 рабочих, за декабрь принято—785 рабочих, хотя в ноябре количество рабочих, нечленов союза, было не меньше, а даже больше, чем в декабре.

При такой неравномерной работе за массовым единовременным приемом обычно должно следовать ослабление работы по вовлечению в союз.

Недостатком такого способа вовлечения является, с другой стороны, неминуемое ослабление всех других видов профработы, так как вовлечение сразу огромных масс рабочих требует напряжения всего профсоюзного аппарата. Кроме того, при кампаниях организация отбора стоит на очень низкой ступени. Отсеивание непролетарских элементов при таком массовом приеме невозможно.

Необходимо перейти от ударности и кампаний к планомерному вовлечению в союз. Для этого нужна организация учета и изучение рабочих, нечленов союза.

* * *

Остановимся на практикующихся формах вовлечения.

Вступление в союз идет обычно самотеком, без организованной работы по вовлечению. На целом ряде предприятий (быв. Маринская чулочная, им. Фрунзе, Измаиловская прядильня им. Петра Алексеева и т. д.) «профорганизации не ставили перед собой задачи изыскания и выработки методов вовлечения в союз» [1]).

Приток в члены союзов в таких случаях шел, главным образом, за счет рабочих, стремившихся по своей инициативе стать членами союза.

Наличие среди нечленов союза рабочих, самостоятельно стремящихся в союз, не должно мешать видеть рабочих, пассивных по отношению к союзу. Нельзя удовлетвориться притоком в союзы только за счет «самотека», нужно, на ряду с ним, проводить и организованное вовлечение в союзы и пассивных рабочих. На практике это не всегда имеет место.

На ряду с предприятиями, не ведущими работы по вовлечению, есть целый ряд предприятий, где уже в довольно развитой форме ведется эта работа.

Большим недостатком в этой работе по вовлечению было отсутствие специального внимания к различным прослойкам массы нечленов союза. В некоторых случаях она состояла на 70% из крестьян—новых рабочих—и на 30% из старых рабочих; в работе же по вовлечению это не было учтено, и она была совершенно не дифференцирована.

Некоторое дифференцирование в этой работе мы находим на шахте им. «Артема». В целях вовлечения в союз новых рабочих, в казармах, где преимущественно они живут, проводились неоднократно групповые беседы на тему, «что такое шахтком, рудком и вообще союз», «отличие союза от хозоргана» и т. д. Следует указать, что такие вопросы, несмотря на простоту их, являются в высшей степени важными для этих слоев. В соседней шахте, при беседе с новыми рабочими, мы на наши вопросы получали чудовищные ответы, например, «кто хозяин предприятия?»—нам говорили в одном случае—«союз», в другом случае—«штейгер». Может ли союз уволить с работы? «Может»—уверенно отвечали рабочие. «Кто устанавливает расценку?» Ответ—«профуполномоченные» и т. п. Эти ответы показывают, насколько важны такие беседы для новых рабочих.

Конечно, для старых рабочих, нечленов союза, должны быть найдены другие формы вовлечения, и на этой же шахте уже обращено специальное внимание к старым рабочим. Здесь организованы «квартальные комиссии», которые ведут работу среди рабочих, живущих в колонии. (В отличие от казарм в колонии живут старые рабочие). Первейшей задачей в работе этих комиссий было намечено поголовное профессиональное и кооперативное членство этих рабочих.

Необходимо этот принцип дифференцирования проводить повсеместно, где состав рабочих этого требует.

При этом мы встретимся с необходимостью помимо групп-агитации применять и метод индивидуальной агитации. Этот метод индивидуальной агитации особенно важно применять при вовлечении квалифицированных старых рабочих. Индивидуальная агитация уже применяется в некоторых местах по отношению к неплательщикам членских взносов. В таких случаях результаты за редким исключением положительны. Не подлежит сомне-

---

[1]) Из обследования у текстилей Московск. губернии.

нию, что при вовлечении в союз, в особенности старых рабочих, метод индивидуальной агитации оправдает себя.

Регулирование и отбор при приеме новых членов профсоюза.

Партия и профсоюзы держат курс на поголовное вовлечение рабочих в профсоюзы. Однако, это обстоятельство, не должно умалять значение отбора при приеме в союз новых членов.

На практике мы сталкиваемся с двоякими отклонениями в деле отбора. Они имеются и в сторону излишней строгости при приеме: на ряду с этим не мало случаев другого порядка, когда, вследствие слабого отбора в союз, туда проникают непролетарские элементы.

Происходит это вследствие того, что низовыми профорганизациями недостаточно усвоена линия центральных профсоюзных органов по этому вопросу.

Однако, одного усвоения профаппаратом правильной линии при приеме недостаточно. Для действительного регулирования приема в союз важно привлечение к этому делу масс.

Между тем, порядок утверждения в члены союза не всегда позволяет привлечь массы к регулированию приема. Это станет ясно, если мы рассмотрим применяющиеся пути оформления профчленства. Четких форм здесь еще нет. Они не одинаковы на различных предприятиях.

Так, на первой госмеханической мастерской (Харьков) заявления о приеме в союз подаются в завком, завком обсуждает заявления и выносит их на обсуждение общего собрания; списки вступающих нигде не опубликовываются.

И на канатной фабрике «Новая Бавария» фабком рекомендует новых членов, но уже не общему собранию, а делегатскому. Здесь вывешиваются по цехам списки рекомендуемых. Отводы должны даваться, однако, заранее фабкому в течение недельного срока.

На Керамиковом заводе вступление в союз происходит через делегата: он достает для нового члена союза регистрационную карточку.

На Константиновском зеркальном заводе заявления на цеховых собраниях не рассматриваются, а утверждаются вначале завкомом, а потом делегатским собранием.

На шахте им. «Артема» утверждение в члены союза происходит только на делегатском собрании.

Приведенные примеры иллюстрируют пестроту в отношении порядка утверждения в члены союза. Мы видим, что на ряде заводов масса активно участвует в обсуждении при приеме, на ряде других заводов она фактически устранена от возможности обсуждения, благодаря порядку оформления членства на делегатских собраниях.

Необходимо твердо усвоить и проводить линию руководящих профорганов при отборе членов профсоюза.

Подлинный отбор требует активного участия масс.

Необходимо изучить и остановиться на наиболее жизненных формах отбора, обеспечивающих активное участие масс.

Внимание профорганизаций должно быть заострено на максимальном вовлечении рабочих в союзы. Но при этом ни в коем случае нельзя забывать, что основной принцип вовлечения—индивидуальное и добровольное членство—не должен быть поколеблен. Опасность в этом отношении имеется. Это видно из того, что нередки случаи принудительного членства, иногда в явных, чаще в замаскированных формах.

Так, один фабком в одном случае договорился с фабричной администрацией об отпуске лоскута только членам союза, уплатившим членские взносы. В другом случае, во время увольнения группы рабочих завком дает распоряжение в контору об удержании при расчете с этих рабочих членских взносов. Фабком нашел здесь способ удержать деньги, сомнительно лишь удержит ли он, таким образом, этих рабочих в союзе.

Есть еще более резкие случаи.

В Ульяновске снимают с работы исключенных или механически выбывших из союза за неуплату членских взносов. Такие же случаи мы встречаем в Сталинграде. Более того, право снятия с работы здесь даже оговаривается в коллективных договорах.

В протоколе завкома завода «Шарикоподшипник» мы читаем следующее постановление: «Поступивших ранее 1 августа всех провести в союз. Предложить заводоуправлению направлять в завком всех поступающих рабочих и служащих. Вывесить об'явления в цехах: все рабочие, поступившие до 1 августа, нечлены союза, должны в 3-дневный срок подать заявление в завком о принятии в члены союза».

Одновременно с этим завком пишет отношение в заводоуправление: «Завком завода предлагает сообщать о найме рабочей силы, а также направлять в заводский комитет всех вновь поступающих рабочих и служащих не позднее 3-х дней»...

Все эти приведенные факты требуют усиления внимания к осуществлению добровольного членства.

Необходимо добиться того, чтобы на ряду с максимальным вниманием к вовлечению всех промышленных рабочих в союзы было изжито принудительное членство как в явных, так и в замаскированных формах.

Ю. Ларин.

Об извращениях при проведении национальной политики[1].

> «С'езд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы...с) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное национальное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств».
>
> (*Резолюция XII с'езда партии по докладу т. Сталина*).

1. Общая постановка.

«Уж сколько раз твердили миру», что есть разница между развитием национальной культуры какого-либо народа и национальным насилием над другим народом или над частью того же самого. Что извращение советской национальной политики в сторону насильственности является злейшим врагом здорового советского строительства. Что язык является не самоцелью безотносительно к желанию населения, а средством. Что насилие над языком трудовых масс неизбежно вызывает рост шовинизма с обеих сторон и тем самым должно приводить к определенно контрреволюционным последствиям. Что под прикрытием сверхусердного сверхпроведения искаженной в сторону насильственности национально-культурной политики в наши ряды и в наш аппарат вносятся, таким образом, вообще элементы разложения как об'ективные, так и суб'ективные. И так далее. И тем не менее все еще не особенно редко встречаются обоснованные жалобы на несомненные извращения в этом отношении. Редакцией «Правды» передан мне ряд соответственных материалов, из которых ниже приведены некоторые типичные случаи.

До сих пор партийное противодействие таким извращениям сводилось к исправлению отдельных случаев искривлений, поскольку они привлекали внимание, к пропаганде правильных взглядов и к принятию общедирективных резолюций (напр., последним, третьим, С'ездом Советов СССР). Кое-что существенное достигнуто и этими методами, но, повидимому, они

[1]) Статья т. Ларина печатается в порядке обсуждения *Ред.*

недостаточны. От «уговаривания» надо перейти, очевидно, к «употреблению власти», партийной и советской, против продолжения подобных извращений национальной политики, которые в конечном счете могут обойтись нам слишком дорого и недопустимы для нас вообще. Это предусмотрено резолюцией XII с'езда нашей партии, принятой 23 апреля 1923 г. по докладу тов. Сталина и приведенной в заголовке.

2. Принудительная евреизация.

В одесских «Известиях» от 27 июля 1926 года под названием «Перевести работу на родной язык» за подписью «Хотимлянский» напечатана следующая заметка:

«Райком ЛКСМ задался целью перевести на еврейский язык работу комсомольской ячейки 1-й госконсервной фабрики. В течение года несколько раз вызывали секретаря ячейки, предлагали евреизировать всю работу, тот бился, бился, но ничего из этого не выходило. А между тем вопрос этот, несомненно, требует своего разрешения. В ячейке огромное большинство членов—евреи, но они совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо. Актив ячейки не владеет своим родным языком. Вся работа ведется на русском языке. Райкому ЛКСМ необходимо учесть национальный состав ячейки и принять меры к переводу ее работы на еврейский язык».

Эта типичная заметка чрезвычайно характерна по выраженному в ней мировоззрению. И автор и райком ЛКСМ, повидимому, искренне полагают, что родной язык—это тот, которого не понимают. Среди людей (в том числе комсомольцев) надо вести общественную работу на том языке, какой им понятен. Иначе им не принесут пользы газеты, которых нельзя прочесть, писанные циркуляры, остающиеся недоступными, и устные доклады, содержание которых неразгадано. Но мировоззрение райкома ЛКСМ лучше готово принести вред агитации, пропаганде и всей общественной работе, лишь бы лишить этих евреев права употреблять русский язык.

Через язык люди связываются с культурой своего класса и со всей мировой культурой. Еврейские рабочие 1-й госконсервной фабрики, как сообщают одесские «Известия» в этой заметке, связаны с культурой через русский язык. На другом не умеют ни читать, ни писать. Они являются людьми русской культуры, хотя еврейской национальности. Но райком ЛКСМ в определении принадлежности человека к русской или к еврейской культуре руководится не современным фактом, а религиозными верованиями предков. Не то важно, какой язык понимает данный человек, на каком ему легче приобщиться к общественной жизни,—а то важно, что сказано было в царском паспорте папеньки и маменьки нынешнего комсомольца, когда они родили его—вера в православного Христа или в иудейского Иегову.

Эта принудительная «евреизация» не знающих еврейского языка людей (евреев по национальности), особенно много справедливых жалоб вызывает, когда распространяется на школы. Здесь ко всему прочему присоединяется еще отставанье в

ученье вследствие трудности усвоить науку на малопонятном языке («родном» по определению райкома ЛКСМ и подобных по настроению органов). В «Правде» мы приводили уже подобный пример (после чего в данном городе дело было исправлено, но поступает ряд таких же сообщений из других мест).

Корни принудительной евреизации двояки. Во-первых—шовинистическое руссофобство. Во-вторых—направленный против «конкурентов» антисемитизм. Совершенно подчиненную роль играет встречающееся кое-где «усердие не по разуму» отдельных еврейских коммунистов, ведущих специальную еврейскую работу и в стремлении расширить ее впадающих иногда в своеобразную «еврейскую петлюровщину». Серьезнее обстоит дело с двумя другими истоками принудительной евреизации.

Зоологическое руссофобство,—литературным примером которого могут служить статьи Хвильового «Прочь от Москвы» и др., подвергаемые критике тов. Скрыпником в № 1 «Украинского Большевика» за 1926 год,—существует не только в литературе. Отчасти оно является некритическим перенесением на русский народ ненависти, какую вызывал к себе со стороны угнетенных наций русский царизм. Но в гораздо большей мере культивирование его является нарочитым средством со стороны скрыто-контрреволюционных элементов для ослабления советской власти путем наивозможно большего враждебного обособления отдельных входящих в СССР народов. На этой почве им легче пытаться группировать и вести за собой малосознательных патриотов своей нации, склонных видеть в них лишь более усердных, более увлекающихся проповедников своей национальной культуры. А фактически и об'ективно дело сводится к подрывной работе против советской системы в целом, с выбором для этой работы наименее защищенного места. В таких молодых по советской национальной культурной работе государствах, как, например, Украина, самый состав обслуживающего культурную работу государственного аппарата неизбежно рекрутируется в известной мере из членов бывших буржуазных националистических шовинистических партий, из лиц, сочувствовавших в свое время петлюровцам и т. п. Это, понятно, облегчает появление соответственных извращений. Поскольку мы не можем еще весь аппарат культурной работы составить из надежно воспитанных партийных людей,—и очень долго еще не сможем,—постольку необходимо особое внимание к решительному и быстрому устранению обнаруживаемых извращений вмешательством сверху. Ни одна соответственная жалоба снизу не должна оставаться без внимательного расследования, раз об'ективно в жизни есть некоторые предпосылки для возникновения таких извращений.

Руссофобская (противорусская) мысль в основе принудительной евреизации знающих русский язык и желающих пользоваться русским языком евреев очень проста: раз они не говорят по-украински, то не давать им, по крайней мере, пользоваться русским языком—пусть переходят на еврейский или, если тогда сами предпочтут, на украинский. Искоренить в городах Украины русскую речь путем

принудительного отучения от нее евреев, составляющих там весьма крупную часть городского населения, привыкших к ней и желающих употреблять ее и дальше—вот об'ективный смысл принудительной евреизации тех евреев, которые «совершенно не умеют ни читать, ни писать по-еврейски, даже говорят плохо».

Вторым моментом является стремление мелкобуржуазных торговых, ремесленных и служилых элементов ослабить конкурента. Еврейский торговец, еврейский ремесленник, еврейский служащий, поскольку он говорит по-русски—понятен всему городскому и большинству сельского населения Украины. Если же еврейских детей с детства принудительно учить в школах на еврейском языке, общественную работу в комсомоле и т. д., «учтя национальный состав ячейки» (по выражению райкома ЛКСМ), перевести на еврейский язык и пр.,—то будущий еврейский ремесленник, торговец (кооперативный) и чиновник не сможет об'ясняться с подавляющим большинством населения Украины. Принудительно евреизировать на Украине, в Белоруссии или в РСФСР говорящую теперь по-русски часть евреев—значит в значительной мере избавиться от них, как от конкурентов в деле обслуживания города и деревни ремеслом, торговлей и общественной службой. Этим, кстати сказать, и об'ясняется резкий характер протестов еврейского населения против случаев его принудительной евреизации. Оно прекрасно понимает, что с одним еврейским языком далеко не уйдешь даже в хозяйстве, не говоря уже о науке. Само собой, что так как для евреев по их малочисленности нельзя создать на еврейском языке, например, вузов всех видов, какие существуют на русском и украинском языке (и перевести всю научную литературу), то принудительная евреизация еврейских детей, пионеров и комсомола,—означает отрезывание еврейским трудящимся в будущем возможности пользоваться вузами во всем их разнообразии на ряду с русским и украинским населением. Этот момент воспринимается также крайне болезненно.

Такими путями своеобразное сочетание руссофобства и антисемитизма превращается в принудительную евреизацию «не владеющих своим родным языком» евреев. Необходимость повсеместного устранения таких извращений бесспорна, и способы гарантии его на практике должны быть разработаны.

3. Принудительная украинизация профсоюзами.

В материалах о различных проявлениях извращений в области национальной политики обращают на себя внимание данные, приведенные на заседании президиума ВЦСПС официальными докладчиками по вопросу о деятельности профсоюзов Украины. Мы цитируем эти доклады по отчету в «Труде» от 13 июля 1926 г.

Первый доклад делал председатель Укр. ЦСПС тов. Радченко. По интересующему нас вопросу он заявил: «Много места украинским союзам приходится уделять работе, связанной с украинизацией. Процент украинцев—работников профорганизаций—увеличился. Что касается членов союзов, то по неточному учету украинцев в профсоюзах насчитывается 49%, умеющих говорить по-украински имеется 17%, в настоящее время

эта статистика уточняется. Точка зрения профорганизаций на дело украинизации сводится в общем к тому, что насильно никого нельзя украинизировать, но все работники госучреждений должны знать украинский язык».

Точка зрения профорганизаций, как видим, совершенно правильная. Иною она и не может быть, раз на Украине всего одна шестая часть членов профсоюзов умеет говорить по-украински (даже по «неточной» статистике). Необходимо особенно подчеркнуть отличие национального состава профсоюзов от распределения их членов по употреблению ими того или иного языка. Еще недавно всю печать обошло телеграфное сообщение из Харькова, что на Украине среди членов профсоюзов почти половина — целых 49%—украинцы. Приводились данные по отдельным союзам, по группам и т. д. и не сообщалось лишь одно—что две трети этих украинцев не умеют говорить по-украински. Такую постановку осведомления агентством общественного мнения в связи с вопросом проведения национализации нельзя признать добросовестной. Когда речь идет о том, следует ли на деле всю работу профсоюзов на Украине переводить на украинский язык, то решающим является не то, у скольких человек фамилия оканчивается на «ко», а для скольких человек украинский язык является разговорным.

На этом пункте приходится настаивать тем энергичнее, что правильной точке зрения у украинских профсоюзов, к сожалению, соответствует расходящаяся с нею неправильная практика. В том же заседании президиума ВЦСПС был заслушан доклад особой комиссии ВЦСПС, обследовавшей округа с более 50% членов союзов Украины. Докладчик этой комиссии тов. Климовицкий «отметил ряд ненормальностей в национальной работе украинских профорганизаций. Так, например, даже в тех местностях (рудниках, предприятиях), где огромное большинство составляют рабочие русские, преимущественно Курской, Орловской губерний,—собрания ведутся на украинском языке» (цитирую по тому же № 134 «Труда»).

Здесь перед нами «ряд ненормальностей», проверенный на месте комиссией ВЦСПС, официально засвидетельствованный и никем не опровергнутый. Ниже мы приведем то вполне правильное об'яснение, какое дали затем в этом же заседании президиума ВЦСПС работники профсоюзов такому кричащему расхождению между «точкой зрения» и практикой.

Если вспомнить, что вообще в профсоюзах Украины (даже по «неточной» статистике) только одна шестая часть членов умеет говорить по-украински, что значительная часть этой шестой приходится, понятно, на союзы деревенские, как работников земли и леса, как сахарников и т. п., то нельзя признать украинский язык нормальным языком ведения собраний, протоколов и печати—вообще в городских профсоюзах Украины. В городах и специально промышленных поселениях Украины (Донбасс) обычно говорит по-украински еще меньшая часть членов профсоюзов, чем по Украине в целом.

Конечно, эту часть, хотя она составляет менее 15%, надо обслуживать по-украински. Но из этого не следует, что остальным 85% допустимо навязывать на собраниях, в печати и в протоколах язык, на котором они не говорят. А насколько далеко на практике заходит насилие над языком видно из того, что не только вообще, но даже на тех рудниках и предприятиях, где рабочие являются выходцами или пришельцами из Орловской губернии—«собрания ведутся на украинском языке». Такой образ действия может быть назван—и по-русски и по-украински и по всякому—только насилием над языком.

Действовать так, означает отрывать массу от союза. Когда собрание ведется и доклад делается на непонятном (для пяти шестых членов) языке, тогда посещение собраний превращается в бюрократическую повинность. Не может быть при таких условиях действительного, непоказного оживления профсоюзов, которого требует партия. Эта сторона дела имеет величайшую важность, и нельзя пройти мимо опасности вырождения профсоюзов в бюрократические организации без общественной самодеятельности членов. Эту опасность можно создать обязательным применением в их докладах и делопроизводстве языка, непонятного подавляющему большинству их членов в данной местности.

Во-вторых,—указанный комиссией ВЦСПС образ действий («ряд ненормальностей в национальной работе») ведет к понижению общего уровня культуры в рабочей среде. «Из грамотного меня сделали неграмотным»,—пишет с Украины рабочий-металлист в переданном мне «Правдой» письме. Пятнадцать лет своей сознательной жизни,—пишет этот пролетарий,—я участвовал в партийных организациях на территории Украины, слушал доклады и выступал на собраниях, читал газету, живу среди русских же рабочих, и вдруг мы сразу перестали понимать доклады, газеты и т. д., «даже надписи в кино»,—пишет он, и спрашивает: «Разве это похоже на ленинскую национальную политику»? Нет, конечно, не похоже. По Ленину надо было устранить малейший след препятствия к развитию украинской культуры—это верно. Но никоим образом не следовало большое количество русских или говорящих только по-русски рабочих лишать возможности пользоваться русским языком при заслушивании докладов, в делопроизводстве своих организаций и т. д.

Такой «ряд ненормальностей» отрезывает этих рабочих от дальнейшего культурного и общественного развития, останавливает их на том уровне, какого они достигли, пока могли обслуживаться в общественной работе понятным им языком. А так как украинский язык на Украине не является разговорным для пяти шестых рабочего класса, то здесь мы будем стоять перед весьма серьезной проблемой, если охарактеризованная комиссией ВЦСПС практика не будет решительно искоренена, а получит дальнейшее распространение в виду недостаточного внимания к этому делу и недостатка противодействия замеченным извращениям.

В-третьих,—принудительность в деле изменения языка не может дать у нас прочных результатов. Когда ответственные профессиональные работники сообщают, что некоторые местные профорганизации Украины ведут заседания своих органов на русском языке, а потом управдел или секретарь составляет

протокол заседания на украинском языке на случай ревизии для проверки языка делопроизводства, то тут есть о чем подумать.

Поскольку преобладающая масса членов союзов не говорит по-украински—неизбежны такие попытки свести украинизацию к чему-то показному, не глубокому, к декорации. В подобных организациях украинский язык является для массы и актива предметом изучения или выученным, а не разговорным. Если в таких организациях его начинают применять даже на заседаниях, а не только в протоколах, то разговорным в быту, в мышлении, в повседневном товарищеском общении он от этого все-таки не делается. Люди знакомятся с украинским языком, но последствием является не украинизация, а раздражение против украинизации. А это раздражение подрывает основу под действительным ростом украинской культуры.

Раздражение является не вследствие обязательности ознакомления с украинским языком, а вследствие сопровождающего его одновременно принудительного устранения из общественного обихода русского языка для людей, у которых именно русский является разговорным. Обязательность ознакомления с украинским языком деятелей профдвижения и всего рабочего класса на Украине несомненна. Не заботиться об этом—значило бы не заботиться о том, чтобы на Украине рабочий понимал крестьянина. Кроме того, знать украинский язык надо и для того, чтобы быть в силах обслужить ту одну шестую часть членов профсоюзов, для которой разговорным является украинский. Но из обязательности ознакомления на Украине с украинским языком никоим образом не вытекает перевод на украинский язык всей работы профсоюзов, их докладов, делопроизводства и т. д., ибо для подавляющей части их членов по украинской же («неточной») статистике украинский язык не является разговорным. Надо знать украинский язык, чтобы быть в силах связываться с крестьянами, с украинскими госорганами, с говорящей по-украински частью рабочих. Но отнюдь не затем, чтобы заставлять рабочих из Орловской губ. слушать доклады по-украински, а их профорганизации переводить свое внутреннее делопроизводство на неразговорный для них язык.

Между тем—и это четвертое отрицательное следствие, установленного комиссией ВЦСПС «ряда ненормальностей»,—между тем прибавление к необходимой обязательности изучения украинского языка еще совершенно ненормального устранения русского языка из общественной работы и жизни—искусственно сеет и усиленно выращивает на Украине ростки великорусского национализма и шовинизма. Расходящиеся с Украины вести (в роде цитированного доклада комиссии ВЦСПС) и раз'езжающиеся с Украины люди (в роде упомянутого рабочего, не пожелавшего «превратиться в неграмотного») разносят затем зародыши таких настроений и по РСФСР. Известно, что на московских заводах подавались записки: «Правда ли, что на Украине хотят на заводах рассчитать всех русских и заменить украинцами» и т. п. дикие измышления, подкрепляющиеся при расспросах ссылками на

то, что такой-то знакомый рабочий на Украине выписал из Москвы «Бедноту», так как там «запретили» местную русскую газету, или прислал письмо с жалобами на устранение русского языка и т. д. Здесь мы имеем дело с явлением, которое при всей ничтожности своих размеров в настоящее время,—кроет в себе при дальнейшем развитии возможность серьезной трещины. Потому необходимы предупредительные меры уже в самом зародыше. Иначе сказать, надо провести в жизнь (и наблюсти за проведением), чтобы необходимая обязательность знакомства с украинским языком никоим образом не обращалась и не сопровождалась установлением принудительной монополии украинского языка в тех аппаратах (профсоюзных, кооперативных, советских и др.), которые обслуживают население с неукраинским разговорным языком.

Кстати сказать, иногда общественному мнению сообщалось, будто на Украине заинтересованы в русском языке только «чиновники». Официальный доклад председателя ВУСПС кладет конец этой сказке, ибо прямо устанавливает, что на Украине умеет говорить по-украински лишь одна шестая часть пролетариата. И обследовательская комиссия ВЦСПС то же точно говорит о русских рабочих на рудниках и в предприятиях. Устранение русского языка из докладов и делопроизводства местных профорганизаций в тех случаях, где оно имеет место, именно эту часть населения заставляет себя чувствовать «гражданами второго разряда».

По какой же причине, установленная комиссией ВЦСПС практика расходится с изложенной тов. Радченко правильной точкой зрения украинских профсоюзов? На это, отвечая на доклад комиссии, дал на том же заседании вполне правильный ответ видный профработник тов. Угаров. Цитирую по тому же отчету «Труда» № 134: «тов. Угаров отмечает, что в недочетах украинизации меньше всего виноваты ВУСПС и союзы: профорганизации вынуждены там итти в ногу с другими организациями и общими настроениями». Яснее нельзя сказать. Сюда и надо обратить внимание.

«Общие настроения» отнюдь не являются, конечно, настроениями тех пяти шестых рабочих и служащих Украины, которые не умеют говорить по-украински. Может быть, перехода профсоюзов на украинский язык, как на монопольный в ряде случаев, с полным устранением русского, требуют крестьяне и умеющая говорить по-украински одна шестая часть рабочих и служащих? Вряд ли, если судить по такому сообщению обследовавшей украинские организации на месте комиссии ВЦСПС: «В районах с украинским населением нередки случаи, когда украинцы просят вести собрания на русском языке, ибо язык собраний, докладов и т. п. обычно—не разговорный украинский, а литературный, так называемый галицийский, непонятный широким массам» («Труд» № 134 от 13 июня 1926 года).

Мы не собираемся входить здесь в изыскания о различии между языком Шевченко и «галицийским», а просто регистрируем это фактическое сообщение, поскольку отчет «Труда» о заседании президиума ВЦСПС не сообщает о дезавуировании доклада его комиссии ни самим президиумом ВЦСПС, ни представителями укрсоюзов.

«Общие настроения» должны быть сведены ближайшим образом к настроениям тех «других организаций», с которыми «вынуждены итти в ногу» профорганизации Украины. Проще говоря, надо и пора сказать это прямо,—«недочеты украинизации» об'ясняются тем, что некоторые местные партийные и государственные органы перегнули палку.

Этот перегиб выразился, во-первых, в создании такой атмосферы украинизации, при которой считается возможным читать украинские доклады непонимающим их рабочим из Орловской губ. и при которой после заседания на русском языке местный профсоюз для отвода глаз составляет без надобности для себя украинский протокол.

Этот перегиб выразился, во-вторых, в отсутствии яркой, гласной и решительной борьбы против попыток навязывания не говорящей по-украински части населения устранения русского языка из общественной жизни (от собраний на «рудниках и предприятиях» до языка надписей в кино).

Этот перегиб палки должен быть признан и исправлен, иначе рост украинской культуры будет сопровождаться ростом нежелательного отношения к ней со стороны русских рабочих и крестьян и политическим разложением пролетариата.

(Окончание следует).

Лазарь Шацкин.

Путешествие тов. Ксенофонтова по „основным вопросам стратегии и тактики ВКП“.

(Начало статьи см. в № 21—22).

IV. Ксенофонтов у власти.

«Разрешив» основные проблемы завоевания власти пролетариатом, тов. Ксенофонтов переходит к вопросам, стоящим перед победившим буржуазию рабочим классом.

1. Социальная природа диктатуры пролетариата. Мимо этой проблемы наш путешественник пройти равнодушно не может. Его первое «оригинальное» положение гласит:

> «Власть пролетариата в нашей стране возникла на основе союза пролетариата и трудового крестьянства. Этим определена социальная природа диктатуры пролетариата» (стр. 41, курсив мой. *Л. Ш.*).

Второй тезис т. Ксенофонтова:

> «Абсолютно не правы те, которые говорят, что диктатура пролетариата «не есть союз одного класса с другим», или: «в самой государственной власти крестьянства, как соучастника этой власти, нет». Неверно» (стр. 44, курсив мой. *Л. Ш.*).

Итак, тов. Ксенофонтов считает, что 1) социальная природа диктатуры пролетариата определяется союзом двух классов и 2) крестьянство—соучастник государственной власти в СССР. Оба эти утверждения противоречат учению Ленина о диктатуре пролетариата, хотя тов. Ксенофонтов и пытается доказать обратное. Послушаем, что говорил тов. Ленин по затронутым Ксенофонтовым вопросам:

> «Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т.-е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс» («Госуд. и революция», т. XIV, ч. 2, стр. 316, курсив мой. *Л. Ш.*).

В другом месте т. Ленин следующим образом определял диктатуру пролетариата:

> «Продолжение классовой борьбы в иной форме: господствующий класс (эксплоатируемые; пролетариат, а не эксплоатируемые вообще)».
> («Ленинский Сборник», III, стр. 493, курсив мой. *Л. Ш.*).

Противоречие между этими положениями Ленина и утверждениями Ксенофонтова бросается в глаза, и попытка Ксенофонтова устранить его признанием руководящей роли пролетариата и его партии ничем тут помочь не может.

В самом деле: что такое социальная природа диктатуры пролетариата? Это—ее классовая природа. По Ленину эта классовая природа определяется властью одного класса—пролетариата. По Ксенофонтову—союзом двух классов—пролетариата и крестьянства. На деле у Ксенофонтова идет речь не о диктатуре пролетариата, а о диктатуре пролетариата и крестьянства, не о пролетарской, а о рабоче-крестьянской природе этой диктатуры.

Или, что означает соучастие крестьянства в государственной власти? Это значит, что некоторая доля государственной власти принадлежит не пролетариату, а другому классу—крестьянству, т.-е. пролетариат—вопреки учению Ленина—делит свою власть с кем-то другим. По Ленину, диктатура пролетариата означает единовластие пролетариата, а по Ксенофонтову — власть двух классов.

Тов. Ксенофонтов смешал—на наш взгляд—вещи, которые смешивать непозволительно.

Он смешал вопрос о социальной природе диктатуры пролетариата (или, что то же, вопрос о господствующем классе) с вопросом об отношении этой диктатуры к крестьянству, т.-е. с вопросом о рабоче-крестьянском блоке, руководимом пролетариатом. Пролетариат руководит крестьянством, он вовлекает его в дело строительства социализма, в дело управления страной (прежде всего через советы), он учитывает в своей политике интересы крестьянства,—все это азбука ленинизма. Только это и выражает термин «рабоче-крестьянское правительство». Тот, кто не понимает, что союз пролетариата и крестьянства есть «высший принцип диктатуры пролетариата» в нашей стране, что диктатура пролетариата есть «особая форма» этого союза, тот не понимает ленинской политики рабоче-крестьянского блока. Но именно потому, что руководителем в этом блоке является пролетариат, что единственной господствующей партией является компартия, что все вопросы решаются властью исключительно с точки зрения классовых интересов пролетариата,—социальная природа диктатуры пролетариата определяется единовластием рабочего класса (а не союзом двух классов), и власти своей пролетариат ни с кем не делит (т.-е. крестьянство не есть соучастник власти, хотя оно и вовлекается в советы, в органы управления).

Если троцкистская теория перманентной революции недооценила союза рабочих и крестьян, то тов. Ксенофонтов так его «переоценил», что дал обоснование перерожденческим идеям. С точки зрения признания рабоче-крестьянской социальной природы диктатуры и власти двух классов нечего возразить против «теории» Осовского о рабоче-крестьянском государстве, ибо, собственно говоря, разницы здесь почти никакой нет. С точки зрения тов. Ксенофонтова можно целиком оправдать и знаменитое заявление оппозиции о «далеко не пролетарском характере нашего государства». Ибо диктатура пролетариата это и есть пролетарское государство. А какое уже там пролетарское государство, если классовое содержание (или социальная природа) диктатуры, по Ксенофонтову, далеко не пролетарское?

2. Советский середняк в изображении Ксенофонтова. Изобразив крестьянство одним из двух господствующих классов в СССР, тов. Ксенофонтов хочет определить экономический тип середняка—этой центральной фигуры нашего земледелия. Для этой цели он приводит следующую цитату из написанной Лениным резолюции II конгресса Коминтерна по аграрному вопросу:

> «Под средним крестьянством в экономическом смысле следует понимать мелких земледельцев, которые владеют на правах собственности или аренды, небольшими участками земли, но все же такими, которые при капитализме дают, по общему правилу, не только скудное содержание семьи и хозяйства, но и возможность получить известный излишек, способный, по крайней мере, в лучшие годы, превратиться в капитал, и которые прибегают довольно часто к найму чужой рабочей силы» (курсив мой. *Л. Ш.*).

Не разобравши, что к чему, т. Ксенофонтов следующим образом комментирует Ленина:

> «Некоторые товарищи, в доказательство того, что нам союз с середняком не страшен, говорят, что середняк не капиталист потому, что он хотя и покупает и продает, но не применяет наемного труда. Это неверно. Середняк применяет наемный труд, как и капиталист» (стр. 167, курсив мой. *Л. Ш.*).

Прибавив к этому, что середняк в отличие от капиталиста применяет наемный труд, как вспомогательное средство в трудовом хозяйстве, т. Ксенофонтов считает определение экономического типа середняка исчерпанным. Итак, по Ксенофонтову, советский середняк, правда в качестве вспомогательного средства, но все же, как общее правило, применяет наемный труд.

А теперь послушаем, что тов. Ленин говорил о российском середняке в 1903 г. в своей брошюре «К деревенской бедноте».

> «Все средние крестьяне за хозяевами тянутся, собственниками хотят быть, но удается это очень и очень немногим. Очень мало таких, которые даже батраков и поденщиков нанимают, сами стараются на чужом труде нажиться, на чужой спине пролезть в богачи. А большинству средних крестьян не то, что нанимать, самим наниматься приходится» (Ленин, т. IX, стр. 340, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это тов. Ленин говорил в период, когда расслоение деревни зашло так далеко, что (по Ленину же) из десяти миллионов крестьянских дворов приходилось на долю кулаков (богатых крестьян) полтора миллиона, на середняков—два миллиона, а остальное приходилось на бедноту и батраков с наделом! Как будто получается противоречие между двумя утверждениями т. Ленина. На деле у Ленина никаких противоречий нет, а Ксенофонтов его неправильно истолковал.

Тов. Ксенофонтов, не потрудившись разобраться в вопросе, простой ссылкой на резолюцию второго конгресса заставил всех середняков нанимать рабочую силу.

Но, во-первых, даже в приведенной Ксенофонтовым цитате говорится, что середняки прибегают «довольно часто к найму чужой рабочей силы», что отнюдь не значит, что все середняки или большинство их нанимают батраков.

Во-вторых, т. Ксенофонтов прервал цитату на очень интересном месте; вслед за приведенными словами в резолюции идет следующее:

> «Примером среднего крестьянства в передовой капиталистической стране может служить в Германии, по переписи 1907 года, группа с хозяйством от 5 до 10 гектаров, в которой число хозяйств, нанимающих сельскохозяйственных наемных рабочих, составляет около трети всего числа хозяйств этой группы» (Бела-Кун, «Коминтерн в резолюциях», стр. 63, курсив мой. *Л. Ш.*).

Дальше т. Ленин говорит о том, что во Франции, где более развиты специальные культуры, «соответствующая группа, вероятно, еще в более широких размерах пользуется чужой наемной рабочей силой». Но даже для Франции т. Ленин не дает общей формулы: «середняк применяет наемный труд». А в первоначальном наброске этих же тезисов тов. Ленин приводил цифры для Австрии по переписи 1902 г., согласно которым из 383.331 хозяйства середняцкой группы лишь 126.136 нанимали наемных рабочих. Интереснее всего, что в этом же первоначальном наброске после слов «прибегают довольно часто» стояли в скобках слова: «например, в одном хозяйстве из двух или из трех» («Ленинский Сборник», IV, стр. 402). Так что тов. Ленин не считал всех или большинства середняков нанимателями рабочей силы даже в передовых капиталистических странах.

В-третьих, в цитируемых тезисах т. Ленин делит крестьянство (кроме батраков-пролетариев) на четыре группы, среди которых на ряду с середняком фигурирует «мелкое крестьянство». Оно характеризуется следующим образом:

> «В-третьих, мелкое крестьянство, т.-е. мелкие землевладельцы, владеющие на праве собственности или аренды такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы» (Бела-Кун, «Коминтерн в резолюциях», стр. 61, курсив мой. *Л. Ш.*).

Пусть подумает тов. Ксенофонтов, куда надо отнести эту группу при принятом у нас делении крестьянства на три слоя. Авось, и он согласится, что ее при таком делении надо будет причислить к середнякам. Ясно, что характеристику середняцкого крестьянства передовых капиталистических стран, данную в резолюции II конгресса, нельзя механически перенести на середняцкое крестьянство СССР.

Фактически же дело с наймом батраков в СССР обстоит следующим образом: большинство поденщиков в ряде обследованных губерний работает у середняков, но во всей сумме середняцких хозяйств лишь меньшинство нанимает рабочую силу.

Таким образом, извратив и здесь Ленина, т. Ксенофонтов смаху неверно решил такой вопрос, от правильной постановки которого зависит очень многое в оценке классовой борьбы в де-

ревне. Ибо если бы все или большинство середняков применяли наемный труд, то неизмеримо труднее было бы сплотить середняцкое крестьянство с батраками и беднотой для борьбы против кулака, так как противоречия между середняцким крестьянством, с одной стороны, и батрачеством и беднотой, с другой стороны, были бы гораздо острее.

3. Госкапитализм по Ксенофонтову. Нельзя дать идейного разбора взглядов оппозиции, ради которого и написана, по словам автора, его книга, не разобравши вопроса о госкапитализме.

По вопросу о госкапитализме т. Ксенофонтов выставляет целый ряд бесспорных и общеизвестных положений. Он приводит ленинскую характеристику пяти укладов нашей экономики и правильно заявляет, что «за каждым из этих укладов экономики стоит определенный класс или та или иная общественная группировка». Не менее правильно утверждение, что «госкапитализм в пролетарском государстве означает контроль, регулирование со стороны государства капиталистических отношений в производстве и на рынке». Но вслед за тем у т. Ксенофонтова идет центральная итоговая формула (выделяемая им курсивом), которая вносит в вопрос о госкапитализме порядочную путаницу именно с точки зрения приведенной характеристики нашей экономики и госкапитализма:

> «Допуская нэп мы допускаем и госкапитализм. Госкапитализм есть там, где есть элементы свободной торговли, элементы частнохозяйственного капитализма, торгово-капиталистические приемы в экономическом строительстве» (177).

Из всего дальнейшего изложения т. Ксенофонтова явствует, что под «торгово-капиталистическими приемами в экономическом строительстве» автор понимает торговую и финансовую деятельность госорганов[1]). Эта формула Ксенофонтова или неграмотна, или означает, что в каждом из трех приведенных им случаев (свободная торговля, частнохозяйственный капитализм, торговая и кредитная работа госорганов) мы имеем госкапитализм. А последнее сильно напоминает оппозиционные взгляды на госкапитализм, подводящие под госкапитализм все или почти все в нашей экономике.

Но, мог бы сказать т. Ксенофонтов, это напоминает и одно утверждение т. Ленина (утверждение, которое в период XIV партс'езда усиленно пыталась использовать оппозиция). Да, напоминает. И еще раз напоминает нам, как плохо Ксенофонтов понимает Ленина. Тов. Ленин писал в своей брошюре «О продналоге»:

> «Либо пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.-е. торговли, т.-е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей...

---

[1]) Пролетарское государство как оптовый купец (государственная внутренняя и внешняя торговля), пролетарское государство, держащее в своих руках систему денежных отношений (банк и червонец), это есть несомненно, применение метода «капиталистической экономики» (стр. 181, курс. Ксенофонтова. *Л. Ш.*). Несмотря на неряшливость стиля (пролетарское государство есть применение!), ясно, что последние слова итоговой формулы, приведенной в тексте, касаются именно госпредприятий.

Либо (последняя возможная и единственно разумная политика)—не пытаться запретить или запереть развитие капитализма, а стараться направить его в русло государственного капитализма. Это экономически возможно, ибо государственный капитализм есть налицо в той или иной форме, в той или иной степени—всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще» (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 216, курсив мой. *Л. Ш.*).

Как видно, т. Ксенофонтов перефразировал Ленина (кое-что добавив от себя), но перефразировал крайне неудачно. На деле есть громадная разница между положением Ленина и итоговой формулой Ксенофонтова.

Во-первых, Ленин не бросает в общий котел госкапитализма приемов деятельности нашего экономического строительства, зачастую приемов «капиталистической экономики». Он определенно говорит о «частном, негосударственном обмене», о «капитализме». Ксенофонтов берет за общую скобку госкапитализма и деятельность наших госорганов, ставя их в данной связи на одну доску со свободной торговлей вообще и частнохозяйственным капитализмом. Получается смешение различных экономических укладов и разных классов, которые за ними стоят. Госкапитализм, являющийся особым укладом, особым типом предприятий, с особым отношением классов, смешивается в этой формулировке с деятельностью госорганов, представляющих, как известно и Ксенофонтову, совершенно другой тип предприятий с другим классовым содержанием.

Во-вторых, у Ленина речь идет о наличии госкапитализма там, «где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще», т.-е. не просто свободной торговли, а свободной торговли плюс капитализм, т.-е. торговли, переросшей в капитализм. По формуле же Ксенофонтова, где он перечисляет три «случая» наличия госкапитализма, госкапитализм есть там, где есть свободная торговля, хотя бы не переросшая в капитализм, т.-е. госкапитализм есть и там, где нет капитализма. Ксенофонтов не говорит, что госкапитализм есть налицо только при наличии свободной торговли плюс капитализм. У него в каждом из этих случаев—госкапитализм. И тут получается непозволительное смешение экономических укладов и классов, стоящих за ними.

В-третьих, там, «где есть элементы свободной торговли и капитализм вообще», т.-е. где есть частнохозяйственный капитализм, Ленин говорит о наличии госкапитализма «в той или иной форме, в той или иной степени», о чем у Ксенофонтова нет и речи. Владимир Ильич говорит, что надо направить частнохозяйственный капитализм в русло госкапитализма, следовательно это еще не есть госкапитализм в пролетарском государстве в обычном смысле слова. Это «направление» становится возможным потому, что всюду где есть капитализм, наше государство сталкивается, соприкасается с ним, что означает низшую «форму», низшую «степень» наличия госкапитализма. Но «полного» госкапитализма здесь нет, ибо иначе нечего было бы «направлять» в русло госкапитализма, иначе не было бы двух отличных укладов: частнохозяйственного капитализма и госкапитализма. У

т. Ксенофонтова, в его формуле эта подвижная грань стерлась и снова два различных общественно-экономических уклада свалены в одну кучу.

Поэтому у него и получился почти сплошной госкапитализм. Он незаконно подвел под госкапитализм вообще: 1) всякую свободную торговлю, 2) всякий частнохозяйственный капитализм, 3) торговую и финансовую деятельность госорганов. И если т. Ксенофонтов затем спорит против зиновьевского определения нэпа в целом, как госкапитализма, то он не обнаруживает большого запаса логики, ибо спорит он в значительной мере против самого себя.

4. Классовый мир. Говоря о различных периодах пролетарской диктатуры «с точки зрения разнообразия форм классовой борьбы пролетариата», тов. Ксенофонтов фактически ликвидирует в одном месте своей книжки эту самую классовую борьбу для настоящего периода. Он говорит о переходе от гражданской войны к миру следующее:

> «Это есть вопрос о смене лозунга гражданской войны лозунгом классового мира, т.-е. вопрос о соотношении между реформами и непосредственно революционными методами работы» (49, курсив мой. *Л. Ш.*).

Тов. Ксенофонтов, следуя своей постоянной привычке смешивать самые различные вещи, спутал лозунг гражданского мира с лозунгом классового мира. А между тем — это совершенно различные лозунги. Лозунг гражданского мира означает переход от революционных к реформистским методам классовой борьбы. Лозунг классового мира означает прекращение самой классовой борьбы. Он не соответствует действительности, ибо классы у нас есть, а, следовательно, и классовая борьба (в своеобразной обстановке гражданского мира) продолжается и в городе и в деревне. Он не соответствует политике партии, которая, не разжигая классовой борьбы, организует ее и руководит ею (борьба госхозяйства против частного капитала, борьба бедноты с кулачеством и т. д.). Лозунг классового мира—немарксистский, неленинский, непролетарский лозунг. Это — лозунг «надклассовых» идеологов промежуточного класса — мелкой буржуазии.

Некоторое родство с лозунгом классового мира обнаруживает и назойливо повторяемый Ксенофонтовым «оригинальный» тезис:

> «Пролетариат, руководящий политикой классового общества» (стр. 46, курсив Ксеноф. *Л. Ш.*).

То же самое два раза повторяется на стр. 47. Ошибка здесь заключается в признании наличия какой-то политики классового общества, состоящего из разных классов, следовательно, надклассовой политики. Пролетариат, как господствующий класс, методами убеждения и принуждения подчиняет себе все общество, но проводит свою, классовую пролетарскую политику. Она лишь в конечном счете совпадает с интересами всего общества, всего человечества, поскольку лишь пролетарская революция может создать предпосылки для дальнейшего бурного расцвета производительных сил.

5. Борьба между социализмом и капитализмом. Тов. Ксенофонтов занялся также оценкой «текущего момента»

в развитии СССР и дал некую директиву пролетарскому государству:

«Кто говорит о том, что у нас всюду и везде сплошной госкапитализм (чья бы корова мычала... *Л. Ш.*), тот пытается сорвать новую экономическую политику, сорвать использование рабочим государством методов и способов деятельности госкапитализма в известных отраслях экономики, ибо тот сеет панику перед фактом относительного роста частной торговли, кулацкого хозяйства, концессий, смешанных обществ, комиссионерств и т. д. А мы как раз подходим к периоду дальнейшего развития товарооборота и неизбежно связанного с этим относительного роста кулацкого хозяйства и торговли. Допущение более расширенной возможности аренды в сельском хозяйстве, применения наемной рабочей силы—говорит об этом более чем ясно. Пролетарское государство, опираясь на свою социалистическую государственную промышленность, учитывая ее рост и влияние в экономике страны, может и должно пойти на более твердое и более широкое применение методов деятельности государственного капитализма, используя их для укрепления промышленности, для увеличения хозяйственных благ в стране» (178, курсив мой. *Л. Ш.*).

Итак, тов. Ксенофонтов, во-первых, для настоящего времени устанавливает «факт относительного роста частной торговли». Откуда он взял сей факт, неизвестно. XV конференция ВКП(б) установила обратный факт: на ряду с абсолютным ростом частной торговли происходит падение ее относительной роли во всем товарообороте, во всей экономике страны. По Ксенофонтову выходит, что капиталистический сектор народного хозяйства растет быстрее социалистического—своеобразный метод борьбы против... паники.

Но мало того. Тов. Ксенофонтов, во-вторых, и для ближайшего периода (целого периода—не шутите!) устанавливает веселенькую перспективу «относительного роста кулацкого хозяйства и торговли», т.-е. падения роли госторговли и кооперации и роста роли частного хозяйства не то вообще во всей стране, не то в деревне. Капиталистическая тенденция, очевидно, будет по Ксенофонтову побеждать в ближайший период.

Но и это еще не все. Ксенофонтов советует пролетарскому государству «более твердое и широкое применение методов деятельности госкапитализма». Если бы под этим подразумевалось усиление регулирующей роли государства по отношению к частному капитализму,—то это было бы вполне правильно. Но, увы—после того определения госкапитализма Ксенофонтовым, которое было нами приведено выше, вопрос отнюдь не так ясен. Ибо, если стирается грань между частнохозяйственным капитализмом и госкапитализмом, то расширение госкапитализма означает, очевидно, предоставление большего простора капиталистическому развитию, расширение его рамок, изменение нынешней политики пролетарского государства в этом направлении. Что именно так надо понимать Ксенофонтова, доказывает его перспектива относительного роста частной торговли. С чем и поздравляем нашего архистратега.

Итог пребывания Ксенофонтова у власти: если бы его взгляды были правильны, то мы не имели бы ни подлинного пролетарского государства, ни подлинного строительства социализма.

V. Ксенофонтов в центре международных событий.

Общая теория и события в СССР не удовлетворили нашего путешественника. Его влекут неведомые дали. Именно, для Ксенофонтова, неведомые, как и сумеет ниже убедиться читатель. Во всяком случае он отважно пускается в кругосветное плавание.

1. Война и II Интернационал. Для того, чтобы обрисовать роль Ленина в развитии революционной теории, Ксенофонтов останавливается на причине предательства международной социал-демократии в 1914 г. И об'ясняет сие прискорбное событие сверхмарксистски, а именно:

«Началась империалистическая война. Встал вопрос о поведении социалистических рабочих партий, о голосовании военных кредитов. Ни одна из социалистических партий не хотела начинать борьбы против своей империалистской буржуазии до тех пор, пока не начала эту борьбу ее братская партия в другой стране, т.-е. пока не начали эту борьбу одновременно все социалистические партии. В результате (!) получилось застывшее интернациональное бездействие (курсив автора. *Л. Ш.*). Но так как (!!) природа не терпит «пустоты», не терпит и стоячего «застывшего» положения, то (!!!) в результате (!) на практике получилось, что все социалистические рабочие партии II Интернационала (за исключением отдельных революционных групп и партии большевиков в России) пошли на войну...» (стр. 15).

Ловко? Стоит ли думать об экономических корнях социал-шовинизма, о связи его с предвоенным оппортунизмом в международной социал-демократии и прочих пустяках? Зачем, когда природа не терпит пустоты (почему-то в кавычках), а значит все дело в шляпе, и II Интернационал преспокойно крахнул. Против такой философии истории серьезно полемизировать не стоит—она принадлежит юмористической литературе. Но одно замечание мы себе все же разрешим: прочтя эту тираду Ксенофонтова, иной читатель может подумать,—а не бывает ли таких исключительных случаев, когда природа терпит пустоту (подлинную, без кавычек)?

2. II и III Интернационалы. Раз уж мы заговорили о II Интернационале, то отметим также попытку тов. Ксенофонтова выяснить разницу между взглядами II и III Интернационалов. Известно, что коренное теоретическое расхождение между коммунизмом и социал-демократией пролегает по линии отношения к диктатуре и демократии. Это понимает и Ксенофонтов. Вместе с тем, однако, т. Ксенофонтов дает следующую, по меньшей мере, странную формулировку:

«Советская демократия, таким образом, является не просто политической демократией, она является демократией и хозяйственной (кооперация и профсоюзы).

В этом разница нашей постановки вопроса о демократии от постановки этого вопроса II Интернационалом» (стр. 52, курсив Ксен. *Л. Ш.*).

Смеем уверить т. Ксенофонтова, что не в этом разница. В «постановке вопроса», на словах II Интернационал за «хозяйственную демократию». Германская социал-демократия считает «хозяйственную демократию» (Wirtschaftsdemokratie) одним из важнейших своих лозунгов, понимая под этой демократией участие профсоюзов в восстановлении и строительстве промышленности (капиталистической).

Разница не в том, что II Интернационал только за политическую демократию, а III Интернационал и за политическую, и за хозяйственную, а в том, что II и III Интернационалы по-разному понимают, *как* политическую, *так* и хозяйственную демократию. А это различное понимание настолько часто раз'яснялось, что даже Ксенофонтову оно небезызвестно.

3. *Современная Германия*. Описывая последствия мировой войны, т. Ксенофонтов не может промолчать и о Германии. А помолчать не мешало бы. Подумайте—в книге, вышедшей в дни XV партконференции, содержится следующее утверждение:

> «Германия *ныне* превращена фактически в *колонию* Англии, Америки и Франции» (стр. 14, курсив мой. *Л. Ш.*).

Именно «ныне»! Т.-е. тогда, когда уже вполне ясно обнаружились контуры возрождающегося германского империализма, когда Германия вновь стала влиятельным участником международных картелей, когда она стала участником империалистических блоков, когда она вновь начала борьбу за колонии и т. д., и т. д. Вот это действительно называется попасть пальцем в небо. Не предложит ли еще т. Ксенофонтов германским коммунистам по случаю колониального положения их страны обдумать возможность поддержки германской буржуазии в ее борьбе против других буржуазных государств? Впрочем, отсылаем тов. Ксенофонтова к докладам Бухарина на партконференции и пленуме Коминтерна, а также к тезисам, принятым последним. Там он узнает, что с его «оригинальной» мыслью о Германии-колонии произошла маленькая неприятность: она опоздала этак на годик-полтора.

4. *Послевоенная Англия*. И об Англии пишет Ксенофонтов. Воистину: «еще молодой человек, но с каким-то можно сказать универсальным образованием». И пишет об Англии так, что сам чорт ногу сломает в этой неразберихе:

> «В результате войны Германия повергнута в прах, Англия и Франция на время *усиливают развитие своей промышленности*. Получается новое соотношение борющихся сил. Франция и Англия борются ныне за гегемонию на европейском рынке. Развитие этих стран происходит за счет их прогрессивного загнивания(!) *Упадок английской промышленности*, важнейшей причиной которого является, между прочим, на ряду с выталкиванием английского империализма из колоний, его техническая отсталость, обнаруживает с наибольшей яркостью тенденцию к загниванию» (стр. 24, курсив мой. *Л. Ш.*).

С Францией дело ясное—«она усиливает развитие своей промышленности» после войны. Но что происходит с Англией у Ксенофонтова? В одном абзаце, рядышком уместились и усиление английской промышленности и ее упадок! Нехорошо, тов. Ксенофонтов, так шутить с Англией—страна все-таки немаловажная. И в дни английской забастовки не мешало бы писать о ней поточнее. Читатель очень интересуется сейчас Англией, и он не проглотит без протеста теорию одновременного упадка и усиления промышленности. Впрочем, что такое с точки зрения размаха ксенофонтовской мысли какая-то Англия? Пустячек, не больше.

Итог посещения Ксенофонтовым «международного масштаба»—недоуменный вопрос: зачем писать о том, чего не знаешь? И опять-таки: читает ли т. Ксенофонтов резолюции Коминтерна и газеты?

VI. Ксенофонтов бродит мыслями в прошлом.

И, наконец, тов. Ксенофонтов предстал перед удивленным миром в роли историка чуть ли не всех времен и народов. Без большого умственного напряжения, так сказать, мимоходом он дает оценку сложнейшим событиям, воздвигает законы исторического развития и создает новые факты в прошлом буржуазного общества и революционного движения. На этих исторических экскурсиях Ксенофонтова стоит вкратце остановиться.

1. *Экономическая свобода буржуазии при феодализме и основной закон буржуазных революций*. Тов. Ксенофонтов доказывает два верных и общеизвестных положения, согласно которым система капиталистических производственных отношений достигает значительной зрелости уже в рамках феодального режима и буржуазия еще до буржуазной революции является классом эксплоататорским. Но в ходе доказательств этих бесспорных положений тов. Ксенофонтов выдвинул новый тезис об *экономической свободе* буржуазии при феодализме:

> «Будучи *экономически свободной*, буржуазия, однако, *политически неполноправна*: у власти стоит класс феодалов» (стр. 28).

> «Здесь вполне возможен и даже *обязателен путь эволюционного перерождения феодализма в капитализм* через развитие торговых отношений. Но даже буржуазные революции, призванные *только увенчать* экономическую власть буржуазии *политической властью* [1]), не обходятся без ряда насильственных действий. Достаточно вспомнить Великую французскую революцию. Мы установили, что само экономическое положение буржуазии в недрах феодализма дает ей возможность классового сотрудничества с феодализмом, *ибо их классовые интересы*, как интересы эксплоататоров, *могут уживаться рядом друг с другом*» (29, курсив всюду мой. *Л. Ш.*).

Прежде всего, неверно, что в «недрах феодализма» буржуазия экономически свободна и лишь политически неполноправна. Будучи классом эксплоататоров, буржуазия перед Великой французской революцией *не была экономически полно-*

---

1) В другом месте сам Ксенофонтов говорит, что буржуазия все-таки боролась «во имя закрепления, упрочения и расширения экономического господства».

правна. Остатки феодализма чрезвычайно стесняли капиталистическое развитие—в этом основная причина буржуазной революции. Общеизвестно, что феодализм в земледелии препятствовал развитию рынка, что пережитки цеховой регламентации мешали росту промышленности, что внутренние таможни нарушали свободу торговли и т. д., и т. п. Буржуазия боролась не только за политическую, но и за экономическую свобод[illegible] для [illegible] [illegible]тализма. [illegible] политиче-

Неверно, что обязателен путь эволюци[illegible]тическу[illegible] перерождения феодализма в капитализм. В Англии мы [illegible]ли в качестве предпосылки бурного расцвета капитализма насильственную экспроприацию крестьянства, во Франции — насильственную экспроприацию феодального землевладения. До поры до времени накопление противоречий между новым и старым экономическим строем происходило в рамках феодального режима эволюционным путем. Но затем количество переходило в качество, накопленные противоречия приводили к революциям, а не только к отдельным «насильственным действиям», как об этом скромно говорит тов. Ксенофонтов. Если принять его теорию обязательной эволюционной смены одной общественно-экономической формации другой, хотя бы феодализма капитализмом, то придется кое-что весьма существенное вычеркнуть из знаменитого предисловия Маркса к его книге «К критике политической экономии», где дана теория революционной смены различных экономических систем общества.

Наконец, утверждение о том, что классовые интересы буржуазии и феодалов «могут уживаться друг с другом» слишком абсолютно, представляет только полправды. На различных ступенях общественного развития взаимоотношения между буржуазией (и ее отдельными слоями—торговой, финансовой и промышленной буржуазией) и феодалами различны. Нам известны длительные периоды недостаточной зрелости капиталистических отношений, когда буржуазия и помещики «мирно» уживались друг с другом. Нам известны исторические периоды, когда, наоборот, бурное развитие капитализма выдвигало на арену классовой борьбы пролетариат, тем самым сплачивая в реакционный блок враждующих между собой эксплоататоров. Но ведь никто не может отрицать, что в английской и французской революциях промышленная буржуазия, хотя бы на время, становилась во главе восстания против класса феодалов. Впрочем, Ксенофонтов, может быть, и будет отрицать—ведь он доподлинно «теоретик» неисчерпаемых возможностей.

Но этим не ограничиваются открытия нашего автора в деле исследования буржуазных революций. Сочинить какой-нибудь основной закон—это для Ксенофонтова все равно, что раз плюнуть:

> «Основной закон всех до сих пор бывших буржуазных революций состоял в том, что либеральная буржуазия вела за собой народные массы. И это было источником неудач буржуазных революций Запада. Именно по этой причине они оставались на полдороге, на полпути» (60).

Вряд ли Ксенофонтов будет отрицать, что Великая французская революция относится к числу «до сих пор бывших буржуазных революций». И, однако, она дошла до конца того пути, который был возможен на данной ступени экономического раз-

вития и классовой дифференциации Франции. И дошла именно потому, что либеральная буржуазия (жирондисты) в ходе революции потеряла руководство над народными массами. Диктатура якобинцев была предельной возможностью Великой французской революции, предельной потому, что пролетариат тогда не созрел еще для роли гегемона в буржуазной революции. И [illegible]то была диктатура мелкой буржуазии, которая не только не [illegible] под руководством либеральной буржуазии, но, наоборо[illegible] головы ее вождям. Она потерпела неудачу потому, что мелк[illegible] буржуазия не могла выполнить политических и экономических задач капитализма. Но эта террористическая революционная диктатура никак не может быть запихана в «основной закон» Ксенофонтова, который применим к революции 1848 г., но отнюдь не ко всем буржуазным революциям.

2. Капитализм и крепостничество перед 1905 г. в России. К тезису об экономической свободе буржуазии при феодализме, в качестве его частного случая, можно отнести и характеристику взаимоотношений между капитализмом и крепостничеством перед революцией 1905 г. Тов. Ксенофонтов хочет доказать, что в 1905 году буржуазия была в основном классом контрреволюционным. И это правильно. Но неправильно следующее положение нашего автора:

> «Интересы буржуазного хозяйства срослись с интересами крепостнически-земельного строя и наоборот» (57, курсив мой. *Л. Ш.*).

Что такое «буржуазное хозяйство»? Это капитализм. Что значит—интересы капитализма срослись с интересами крепостнически-земельного строя (т.-е. не только класса помещиков, а всего земельного строя)? Это значит, что развитие капитализма требовало сохранения крепостнического землевладения. Ничего другого приведенная формулировка Ксенофонтова означать не может. А достаточно ясно поставить этот вопрос, чтобы увидеть неправильность утверждения Ксенофонтова. Конечно, капитализм к 1905 году был экономически связан с землевладением и помещичьим государством (хлебная торговля, казенные заказы и т. д.), что оказало свое влияние на поведение русской буржуазии в буржуазной революции. Однако, это нисколько не противоречит тому общеизвестному факту, что крепостнический строй в земледелии был величайшим препятствием на пути развития капитализма (буржуазного хозяйства то-ж). Ксенофонтов сам, в полном противоречии с самим собой, пишет про революцию 1905 года.

> «Ленин великолепно знает, что революция есть результат столкновений между производительными силами общества и уже отжившими себя (стиль! *Л. Ш.*) производственными отношениями» (56).

Ленин знал, а Ксенофонтов, очевидно, не знает, что революция была результатом «столкновений» между производительными силами буржуазного хозяйства и изжившими себя производственными отношениями крепостничества, прежде всего в земледелии. Ибо пережитки крепостничества в земледелии препятствовали «нормальному» (с капиталистической точки зрения) развитию внутреннего рынка для промышленности, ре-

верной армии рабочих, свободному развитию капитализма в земледелии и т. д. Так вот, революция была результатом «столкновений», или—яснее—противоречия между интересами капитализма и крепостничества, а не сращивания этих интересов.

А буржуазия была классом контрреволюционным прежде всего потому, что она боялась и пролетариата и радикальной аграрной революции, покушавшейся на частную собственность, хотя бы помещиков. Именно поэтому буржуазия была неспособна провести до конца такую буржуазную революцию, которая дала бы максимальный простор развитию буржуазного хозяйства. Этого противоречия, заложенного в соотношении классовых сил, не могли понять меньшевики. Его, очевидно, не понял и Ксенофонтов.

3. Революция 1905 г. и Февральская революция 1917 г. Сравнительный «анализ» этих двух буржуазно-демократических революций приводит нашего автора к следующему глубокомысленному заключению:

> «Февральская революция, подготовленная революцией 1905 года, контрреволюцией 1907—1914 гг. и главное — империалистической войной, призвала к активной политической жизни многомиллионные народные массы, подняла их на ноги, разбудила их классовое сознание, обострила и вскрыла классовые противоречия. Одним словом, февральская революция создала массовое бурное народное движение. Было ли это в революцию 1905 г.? Нет. Там вопрос стоял еще о том, чтобы через революционную борьбу, через вооруженное восстание, через созыв учредительного собрания, через временное революционное правительство разбудить народные массы, поставить их на ноги, поднять их к политической жизни, и в процессе этого, создать демократическую коалицию рабочих и крестьян, которая была бы выразительницей революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства (105, курсив мой. *Л. Ш.*).

Мы не будем здесь касаться действительных отличий революции 1905 года от Февральской революции 1917 г. К числу этих отличий относится, безусловно, и более высокая ступень активности народных масс в 1917 году. Но утверждать, что революция 1905 года не создала «массового бурного народного движения» значит утверждать такую бессмыслицу, такую явную и ничем не прикрытую чепуху, на опровержение которой не стоит тратить и слова. Отметим лишь, что сам Ксенофонтов в другом месте пишет:

> «Основной смысл революционных событий 1905 года Ленин видел в том, что они впервые пробудили глубокие народные массы к политической жизни, дали им наглядные уроки классовой борьбы, а отсюда и классового самосознания» (98).

Снова—Ленин видит, а Ксенофонтов не видит. Такие расхождения между Лениным и Ксенофонтовым довольно обычны. Но что сказать, про «историка», у которого левая рука не ведает, что делает правая, который на 105 странице забывает

уже то, что он сказал на 98-й? А, впрочем, надо ли что-нибудь говорить? Тут, действительно, комментарии излишни.

4. О тактике большевизма и лозунге Учредительного Собрания в 1905 и 1917 гг. Лозунг Учредительного Собрания играл не малую роль в тактике большевиков в 1905 и 1917 гг. Как освещает этот вопрос историк Ксенофонтов? Для 1905 года он считает возможным ограничиться таким туманным заявлением:

> «Петиция (9-го января. *Л. Ш.*), на ряду с изобилием социал-демократических требований, одним из центральных пунктов выдвигает требование «внеклассового» Учредительного Собрания, где будет «и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель». Это есть одно из узловых «требований», или точнее, программных пунктов позиции либеральной буржуазии».

Лозунг Учредительного Собрания в такой «внеклассовой» формулировке, без вооруженного восстания и вышедшего из него революционного правительства, был действительно лозунгом либеральной буржуазии. Но, ведь, и у большевиков лозунг У. С. в 1905 году фигурировал далеко не на последнем месте. Его выдвигала и «последовательная буржуазная демократия»—партии деревенской мелкой буржуазии, которых к либеральной буржуазии не отнесешь. Читатель, не знающий истории революции 1905 года, вынесет из книги Ксенофонтова впечатление, что только либеральная буржуазия требовала Учредительного Собрания, что сам по себе этот лозунг неправилен был для того времени. А, может, и сам Ксенофонтов так думает? Мы во всяком случае не берем на себя смелости это отрицать.

Как же обстояло дело с лозунгом У. С. в 1917 г.?

> «...Наша партия не могла не учитывать того факта, что известные лозунги меньшевиков и эсеров ведут за собой значительную часть народных масс. Партия должна на практическом опыте самих народных масс показать им конкретное классовое содержание этих лозунгов и подвести их таким образом к непосредственным революционным позициям. В силу этого партия должна использовать эти лозунги при своем тактическом поведении (стиль! *Л. Ш.*). Известно, что самыми популярными лозунгами нашей революции того времени были: 1) единый фронт революционной советской демократии; 2) всенародное Учредительное Собрание. Последний лозунг был особо популярен лишь только потому, что он был кровным детищем народной революции, во имя этого лозунга боролись целые поколения революционеров. Наша партия не могла не считаться с обоими этими лозунгами и особенно с последним» (133, курсив мой. *Л. Ш.*).

Оставим в стороне единый фронт революционной демократии. В приведенной цитате не только неверно об'яснены причины выставления большевиками лозунга У. С., но явно и оппортунистически искажены основные принципы большевистской тактики. Ксенофонтов на деле подменил большевистскую тактику чистейшей воды хвостизмом. В самом деле—по Ксенофонтову выходит, что партия выдвинула

меньшевистский лозунг У. С. потому, что он был популярен в народе. Больше того. Ксенофонтов обобщает эту «истину», рекомендуя партии «использовать» такие лозунги «при своем тактическом поведении». Но ведь мало ли что было популярно в меньшевистских лозунгах? Вот, например, в 1917 г. был очень популярен лозунг революционного оборончества, в 1914 году—лозунг защиты отечества? По ксенофонтовским тактическим «регулам» надо бы большевикам выдвинуть («использовать») эти лозунги. Ленин думал иначе. Это новое прискорбное расхождение между Ксенофонтовым и Лениным получилось потому, что Ксенофонтов явно приспособленчески, а не большевистски смотрит на необходимость учета настроений масс. Не угодно ли:

> «Тактика только тогда верна, когда она отражает собой не голый принцип нашей теории, а когда она выражает данное соотношение классов, данный уровень сознательности народных масс, их «склонность» решать в тех или иных формах волнующие их вопросы классовой борьбы» (стр. 81—82, курсив мой. *Л. Ш.*).

Не выражает, тов. Ксенофонтов, а учитывает наша тактика уровень сознания народных масс. Наша тактика всегда выражает классовые интересы пролетариата, учитывая—для их преодоления, а не превращения в лозунги партии—и цеховые и всякие другие настроения масс. Не может большевистская партия делать своим всякий популярный лозунг, как бы это ни огорчало тов. Ксенофонтова.

Лозунг У. С. был лозунгом нашей партии не потому, что меньшевики его сделали популярным, а потому, что он был правильным лозунгом на буржуазном этапе революции, потому, что он—в большевистском его понимании—до известного момента революционизировал народные массы, сплачивал их для борьбы с царизмом. Неправильных лозунгов наша партия не давала ни ради прекрасных глаз меньшевиков, ни в память погибших народных революционеров.

5. Советы в 1905 и 1917 гг. По этому вопросу тов. Ксенофонтов преподносит читателю такую итоговую формулу:

> «Ленин уже в 1905 г. рассматривал советы рабочих депутатов, как орган революционной диктатуры пролетариата, в 1917 г.—как орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, при условии революционной ситуации, непосредственного руководства советами революционной социал-демократии» (стр. 95, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это уже прямо акробатический номер. Все было как раз наоборот... Или здесь дело в крупной (слишком что-то крупной) опечатке, которая не могла не быть замечена в «замеченных опечатках», либо у нашего теоретика просто ум за разум зашел от необычайного количества поставленных им проблем [1]).

1) Кстати сказать, теперь читатель может уже судить об остроумии тов. Ломакина, который в рецензии на обсуждаемую книгу Ксенофонтова («Известия» от 12-го декабря) заявляет: «В общем же и целом книжка Ксенофонтова правильно и умело излагает основные этапы стратегии и тактики большевизма 1905—1917 гг. и послеоктябрьского периода и может послужить пособием при уяснении ошибок оппозиции...» Для такой оценки Ксенофонтова, как историка, право, нет особой нужды учиться на историческом отделении ИКП.

Итог исторических экскурсий Ксенофонтова: переворот не только в науке, но и в твердо установленных фактах, извращение и вульгаризация тактических принципов и тактической истории большевизма.

* * *

А теперь пора подвести и общий итог книге Ксенофонтова. Тов. Ксенофонтов сделал не меньше 22-х крупнейших ошибок на протяжении одной книжки в двести страниц. Действительно—не теоретик, а двадцать два несчастья. К этому надо прибавить невероятное самомнение, неумелое списывание и чрезвычайную безграмотность. Хуже всего то, что не меньше половины ксенофонтовских ошибок явно оппортунистичны. А еще хуже, что находится издательство, которое такую книжку печатает, рецензенты, которые ее хвалят и пропагандисты, которые употребляют ее в качестве пособия в партшколе. Именно поэтому и нужно было так подробно на этой книжке остановиться.

И еще—быть может, мы своей критикой окажем дружескую услугу и самому тов. Ксенофонтову. Одному литератору, имевшему претензии не меньше ксенофонтовских, было как-то сказано в классической русской литературе: «Занимайтесь хозяйством, пейте чай, но... оставьте литературу в покое. Она от этого не проиграет». Мы не можем рекомендовать тов. Ксенофонтову таких буржуазных развлечений. И не можем ему советовать оставить литературу навсегда. Но одно ясно: писать надо о том, что знаешь. Правило очень простое, но весьма полезное.

———

меньшевистский лозунг У. С. потому, что он был *популярен в народе*. Больше того. Ксенофонтов обобщает эту «истину», рекомендуя партии «*использовать*» такие лозунги «при *своем* тактическом поведении». Но ведь мало ли что было популярно в меньшевистских лозунгах? Вот, например, в 1917 г. был очень популярен лозунг революционного оборончества, в 1914 году—лозунг защиты отечества? По ксенофонтовским тактическим «регулам» надо бы большевикам выдвинуть («использовать») эти лозунги. Ленин думал иначе. Это новое прискорбное расхождение между Ксенофонтовым и Лениным получилось потому, что Ксенофонтов явно *приспособленчески*, а не большевистски смотрит на необходимость учета настроений масс. Не угодно ли:

> «Тактика только тогда верна, когда она отражает собой не голый принцип нашей теории, а когда она *выражает* данное соотношение классов, *данный уровень сознательности народных масс, их «склонность»* решать в тех или иных формах волнующие их вопросы, вопросы классовой борьбы» (стр. 81—82, курсив мой. *Л. Ш.*).

Не выражает, тов. Ксенофонтов, а *учитывает* наша тактика уровень сознания народных масс. Наша тактика всегда выражает классовые интересы пролетариата, учитывая—для их преодоления, а не превращения в лозунги партии—и цеховые и всякие другие настроения масс. Не может большевистская партия делать своим всякий популярный лозунг, как бы это ни огорчало тов. Ксенофонтова.

Лозунг У. С. был лозунгом нашей партии не потому, что меньшевики его сделали популярным, а потому, что он был *правильным лозунгом* на буржуазном этапе революции, потому, что он—в большевистском его понимании—до известного момента революционизировал народные массы, сплачивал их для борьбы с царизмом. Неправильных лозунгов наша партия не давала ни ради прекрасных глаз меньшевиков, ни в память погибших народных революционеров.

5. **Советы в 1905 и 1917 гг.** По этому вопросу тов. Ксенофонтов преподносит читателю такую итоговую формулу:

> «Ленин уже в 1905 г. рассматривал советы рабочих депутатов, как орган революционной *диктатуры пролетариата*, в 1917 г.—как орган *революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства*, при условии революционной ситуации, непосредственного руководства советами революционной социал-демократии» (стр. 95, курсив мой. *Л. Ш.*).

Это уже прямо акробатический номер. Все было как раз наоборот... Или здесь дело в крупной (слишком что-то крупной) опечатке, которая не могла не быть замечена в «замеченных опечатках», либо у нашего теоретика просто ум за разум зашел от необычайного количества поставленных им проблем [1]).

---

[1]) Кстати сказать, теперь читатель может уже судить об остроумии тов. Ломакина, который в рецензии на обсуждаемую книгу Ксенофонтова («Известия» от 12-го декабря) заявляет: «В общем же и целом книжка Ксенофонтова правильно и умело излагает основные этапы стратегии и тактики большевизма 1905 — 1917 гг. и послеоктябрьского периода и может послужить пособием при уяснении ошибок оппозиции...» Для такой оценки Ксенофонтова, как историка, право, нет особой нужды учиться на историческом отделении ИКП.

Итог исторических экскурсий Ксенофонтова: переворот не только в науке, но и в твердо установленных фактах, извращение и вульгаризация тактических принципов и тактической истории большевизма.

* * *

А теперь пора подвести и общий итог книге Ксенофонтова. Тов. Ксенофонтов сделал не меньше 22-х крупнейших ошибок на протяжении одной книжки в двести страниц. Действительно—не теоретик, а двадцать два несчастья. К этому надо прибавить невероятное самомнение, неумелое списывание и чрезвычайную безграмотность. Хуже всего то, что не меньше половины ксенофонтовских ошибок явно оппортунистичны. А еще хуже, что находится издательство, которое такую книжку печатает, рецензенты, которые ее хвалят и пропагандисты, которые употребляют ее в качестве пособия в партшколе. Именно поэтому и нужно было так подробно на этой книжке остановиться.

И еще—быть может, мы своей критикой окажем дружескую услугу и самому тов. Ксенофонтову. Одному литератору, имевшему претензии не меньше ксенофонтовских, было как-то сказано в классической русской литературе: «Занимайтесь хозяйством, пейте чай, но... оставьте литературу в покое. Она от этого не проиграет». Мы не можем рекомендовать тов. Ксенофонтову таких буржуазных развлечений. И не можем ему советовать оставить литературу навсегда. Но одно ясно: писать надо о том, что знаешь. Правило очень простое, но весьма полезное.

И. Д. Левин.

Попытки „американизации" английского рабочего движения.

В прошлом году после бурных июльских дней, когда забастовка углекопов была отсрочена на 9 мес. правительственной субсидией шахтовладельцам, полковник Ф. Вернон Вилли, тогдашний председатель Британской федерации промышленности, ездил в страну доллара и открыл там фордизм с его стандартизацией и высокой зарплатой. Вернувшись на родину, он поделился с читателями почтенного «Таймса» своим открытием и заговорил о «новом духе», который необходимо внести во взаимоотношения между предпринимателями и рабочими для того, чтобы Англия вновь завоевала свое старое место на мировом рынке. В редакцию «Таймса» посыпались письма от предпринимателей, в которых живо обсуждался поднятый Верноном Вилли вопрос. Много лестного было сказано по адресу заокеанской республики, где мудрые «капитаны индустрии» сумели превратить свои предприятия в сказочные Эльдорадо, не знающие забот и печалей промышленных конфликтов, забастовок и локаутов, где рабочие и предприниматели живут-де в трогательном единении. Сэр Эрнест Петтер в февральской книжке «Юнити», органа национального индустриального альянса, пишет, что разрешения проблем, стоящих сейчас перед Англией, следует искать в комбинации высокой зарплаты с высокой производительностью труда. «Эта политика,—говорит он,—и подняла Америку на такую высоту благоденствия, что ей завидует весь мир». Известный миллионер сэр Альфред Монд и др. промышленники, сами применяющие на своих предприятиях некоторые формы классового сотрудничества, говорят о достигнутых ими успехах и горячо рекомендуют систему участия рабочих в прибылях. Шумиха, поднятая буржуазией о «новом духе», «индустриальном Локарно» и «божьем мире в промышленности», становилась все гуще и гуще.

Но разразилась горняцкая забастовка и вслед за ней всеобщая стачка, открывшая новую эру в истории английского рабочего движения. Перед английской буржуазией разверзлась пропасть. Устами Болдуина она оценила положение следующим образом: «Со времени войны,—говорил Болдуин в своей речи от 7 октября т. г. на конференции консервативной партии в Скарборо,—не было еще такой угрозы британской государственности. Более того, даже война не угрожала в такой степени устоям, на которых покоится жизнь нашего государства... Если бы (всеобщая забастовка) удалась, она опрокинула бы конституционное правительство нашей страны и положила бы конец нашим парламентским учреждениям». Неудивительно, что в тот момент смертельной

для себя опасности, буржуазии было не до сладких речей о классовом сотрудничестве. Во время забастовки она предпочла заговорить с рабочими языком штыка и бронированного кулака. Английская буржуазия впервые ощутила осязательно приступы социального переворота. Предательство Генсовета принесло ей облегчение, и она снова начинает затягивать свою песню о «новом духе». Лорд Грей в своей речи от 28 мая в Национальном Либеральном Клубе, под свежим впечатлением сорванной всеобщей забастовки, предлагает буржуазии предоставить рабочим возможность участия в промышленности. Он подчеркивает, что имеет в виду «не просто участие в прибылях, которое всегда будет рассматриваться как премия, или как подкуп, предлагаемые с намерением удержать рабочих в спокойном состоянии». «Нет,—говорил он,—только, участвуя в самом управлении промышленностью, рабочие почувствуют себя партнерами». Консерватор Гарвин, в своем органе «Обсервер» (30 мая 1926 г.) подхватывает эту идею и горячо рекомендует Болдуину, «принять дух», проповедуемый лордом Греем.

Институт промышленного равновесия. Английская буржуазия трезвонит о «новом духе». Его воплощение должно произойти на основе программы Болдуина, сформулированной еще в прошлом году и сводящейся к тому, что «уровень жизни всех английских рабочих должен быть понижен». В частности, буржуазия со всей силой своего государственного аппарата поддерживает шахтовладельцев и костлявыми руками голода заставляет углекопов согласиться на удлинение рабочего дня и снижение зарплаты.

Фальшивые песни английской буржуазии о «новом духе» сразу находят отклик среди «деятелей» и «вождей», английского рабочего движения. 15 июня 1926 г. в «Таймсе» появилось письмо с извещением об учреждении института, ставящего себе задачей установление равновесия в промышленности. Под письмом подписались учредители, между которыми фигурируют, наравне с Гильбертом Вайлом, председателем Ассоциации британских торговых палат, и сэром Хорном, бывшим министром и членом консервативной партии, Вильямом Перрингом, консервативным членом парламента и директором разных акционерных обществ, также хорошо нам знакомый Артур Пью, председатель последнего конгресса тред-юнионов в Борнемуте, Филипп Сноуден, бывш. министр финансов в рабочем правительстве, Роберт Вильямс, председатель последнего с'езда рабочей партии в Маргейте, и Крэмп, секретарь союза железнодорожников. Авторы письма говорят: «Мы пережили тяжелый кризис (имеется в виду всеобщая забастовка. *И. Л.*) и сейчас должны снова приняться за работу при увеличившихся трудностях. У некоторых, может быть, осталось чувство горечи, но мы надеемся, однако, что семена взаимного понимания и глубокого уважения (между рабочими и предпринимателями! *И. Л.*) нашли себе подходящую почву, и мы спрашиваем, нет ли какой-нибудь точки, вокруг которой, несмотря на наши расхождения, мы могли бы об'единиться с надеждой на взаимное сотрудничество». Искомая «точка» у авторов письма уже имеется. «Мы все едины в нашем желании блага для всего народа»,—говорится в письме. Дальнейшее ясно и гладко. Институт, являющийся «союзом деловых людей и людей науки», в совет которого входят «собственники, адми-

нистраторы, представители организованных рабочих и представители разных отраслей науки», будет заниматься, главным образом, «проблемой установления равновесия в промышленности». Под равновесием авторы понимают «такую согласованность между производством и потреблением, которая уменьшит нерегулярность в работе» (т.-е. безработицу. *И. Л.*). Согласованность между производством и потреблением не должна ограничиваться только рамками одной Англии, но должна охватить и «другие страны, с которыми мы ведем дела», что в свою очередь означает «такое взаимное соглашение между народами мира, которое привело бы к сохранению мира». Другими словами, разрешение зол капитализма (безработица и пр.) внутри страны путем классового сотрудничества и более тесной спайкой британской империи, а извне—пацифизмом и Лигой Наций.

Вслед за институтом возникли еще две организации классового мира. Хавелок Вильсон, председатель союза моряков, один из самых реакционных вождей английского рабочего движения, в середине августа основывает союз промышленного мира в британской империи. Задачи союза: «вести борьбу против доктрин классовой борьбы», «поддержать конституционное правительство страны, если ему будет угрожать опасность», «обеспечить каждому рабочему, заключившему договор с предпринимателем, право работать» (во время забастовки); «об'единение всех граждан британской империи» и «установление мира в промышленности». На банкете, устроенном в честь Хавелока Вильсона 30 сент. 1926 г. лондонским коммерческим клубом в одном из фешенебельных ресторанов Лондона, виновник торжества заявил об основанном им союзе и просил материальной поддержки. В буржуазной прессе появилось об'явление об учреждении союза, с просьбой о присылке пожертвований. Сам Хавелок Вильсон от имени союза моряков ассигнует 1.000 ф. ст. в год в пользу своего детища—Союза промышленного мира. Интересно отметить, что в то время, как сама буржуазия говорит о фордизме, партнерстве рабочих в промышленности и о высокой зарплате, ее лакей Вильсон поет совершенно другие песни: «Мои люди (т.-е. члены его союза моряков. *И. Л.*),—заявил он на банкете,—удлинили свой рабочий день до 14 часов не потому, что они этого хотели, а потому, что считались с экономическими фактами. Иностранные пароходы, особенно немецкие, у которых расходы на 50% ниже английских, конкурируют с нашими пароходами. Если бы мои рабочие выставили такой же лозунг, как Кук и Смит—«ни секунды к рабочему дню», то больше половины британских пароходов торчало бы в портах и половина их экипажа была бы без работы». Вильсон предпринимает энергичную кампанию по всей стране и выступает на митингах в Кардиффе, Гулле и др. городах. В Манчестере на митинге, устроенном вновь образовавшимся союзом, вместе с Вильсоном выступают видные консервативные деятели, а председательское место занимает Сэм Финбург, член парламента от консервативной партии.

В конце сентября некоторыми, никому неизвестными членами профсоюзов, главным образом, союза железнодорожников, была основана лига прав трэд-юнионистов. Почетным секретарем этой лиги был избран некий Ловдей. По его словам, лига насчитывает 5.000 чел. Главные цели лиги следующие: 1) Наладить лучшую посещаемость собраний местных отделов

профсоюзов рядовыми членами для того, чтобы решения этих собраний представляли собой подлинное выражение мнений членов союзов, а не только социалистической клики. 2) Принять надлежащие меры для установления более тесного контакта между теми членами различных профсоюзов, которые стремятся к полной свободе действия по вопросам, касающимся организованных рабочих вообще,—с тем, чтобы с мнением таких членов приходилось считаться при выработке важных решений, затрагивающих интересы и благосостояние страны. 3) Сохраняя право на забастовку, сотрудничать с предпринимателями там, где такое сотрудничество явно диктуется общественными интересами. 4) Добиваться введения тайного голосования в профсоюзах по системе парламентских выборов при разрешении серьезных вопросов.

Сначала лига утверждала, что она состоит исключительно из рабочих—членов профсоюзов. Но теперь она не отрицает, что ею установлено почетное членство для лиц, не являющихся членами профсоюзов. Лига, несомненно, является детищем консерваторов, которые стремятся инсценировать движение, якобы исходящее от организованных рабочих и требующее от правительства вмешательства во внутренние дела профсоюзов и ограничения их прав. На своем собрании от 25 сент. в Манчестере лига и приняла резолюцию в этом духе, а именно: «Настоящее совещание членов различных профсоюзов, не становясь на сторону той или иной части общества в их стремлениях к общему улучшению условий труда, полагает, что эти условия могут быть улучшены конституционными методами. Учитывая опыт недавней забастовки и в то же время, будучи осведомлено о попытках со стороны некоторых групп вызвать новую смуту, совещание выражает свое твердое убеждение в необходимости проведения законодательным путем принципа, в силу которого до об'явления стачки должны быть опрошены все рабочие».

Совершенно новое для Англии явление представляют «компанейские союзы». «Компанейские союзы» являются союзами, об'единяющими рабочих и служащих одного какого-либо предприятия от самых низких до самых высоких должностей, включая и самого хозяина предприятия или директоров акционерного общества. Эти союзы всецело находятся под контролем предпринимателей. Этот тип союзов сложился в Америке в результате борьбы американской буржуазии с рабочим движением. Предприниматели усердно насаждали у себя на фабриках и заводах этот тип союза с целью распылить рабочее движение, изолировать рабочих отдельного предприятия от общего рабочего движения, не давая им примкнуть к своему профсоюзу. На первое время предприниматели предоставляют своим рабочим, примыкающим к компанейскому союзу, известные льготы, в надежде, что это даст им возможность убить впоследствии всякое независимое рабочее движение.

В Англии компанейские союзы—совершенно новое явление. Они впервые появляются лишь после всеобщей забастовки, когда английская буржуазия считает необходимым применение американских методов борьбы с организованным рабочим движением. Первой фирмой, организовавшей у себя компанейский союз, было Акц. О-во Джон Дикинсон и К°, занятое в производстве бумаги и канцелярских принадлежностей. После провала всеобщей забастовки фирма заявила, что она больше не признает существую-

щих профсоюзов, а для рабочих своего предприятия организуют специальный союз, членами которого могут быть «все работающие у фирмы Дикинсон, включая директоров». Согласно уставу, зарплата «не должна быть ниже установленного трэд-юнионами уровня», а рабочее время «не должно быть выше принятого в этой отрасли промышленности». В уставе предусмотрены кассы страхования от болезни, старости, инвалидности и пр., обычные в практике английских профсоюзов, а также всякие возможности спортивных развлечений. По уставу никакие стачки не допустимы. Со своей стороны фирма Дикинсон притворяется, что она порывает всякую связь с союзами предпринимателей и берет на себя обязательство не устраивать никаких локаутов.

Другим компанейским союзом, но несколько замаскированным, является союз, об'единяющий рабочих Акц. О-ва, издающего известную либеральную газету «Манчестер Гардиан». Этот союз тоже возник после провала всеобщей забастовки. Устав, а также договор, заключенный вновь образовавшимся союзом с фирмой, составлены более тонко, чем устав компанейского союза Дикинсона. И неудивительно: над последним уставом «работали» за соответствующую мзду виднейшие юристы рабочей партии, как Слессер, занимавший пост Генерального Адвоката в правительстве Макдональда, и Гендерсон, сын известного Гендерсона, играющие крупную роль в парламентской фракции рабочей партии. Авторы устава сделали все от них зависящее, чтобы придать этому тонкому орудию, направленному против организованного профдвижения, безобидный вид. Согласно уставу, членами союза могут быть исключительно рабочие фирмы, издающей «Манчестер Гардиан». Хозяин фирмы или директора не имеют права быть членами союза. Зарплата, рабочий день и др. условия труда должны быть «не менее благоприятны для рабочих, чем условия, устанавливаемые соответствующими профсоюзами». Рабочие по уставу имеют право, помимо компанейского союза, принадлежать и к своему профсоюзу. Однако, это право фиктивное, так как по договору, заключенному с фирмой, рабочие обязуются не устраивать никаких забастовок. Подписанием договора, рабочие, таким образом, фактически лишили себя права подчиняться профессиональной дисциплине. Со своей стороны фирма тоже сохранила за собой право вступать в предпринимательские организации, однако, она не имеет права об'являть локаута. Само собой разумеется, что с организацией у себя компанейского союза это право фирме больше не нужно, и она свободно может от него отказаться. Коллективный договор содержит в себе много приманок для рабочих. Фирма взяла на себя ряд обязательств по выдаче пенсий престарелым рабочим и сразу перечислила из своих резервов 50.000 ф. ст. в открытый ею специально для этой цели пенсионный фонд. Увольняемым рабочим будут выдаваться выходные в зависимости от количества прослуженных лет,—в размере от 6 ф. с. 15 шилл. 3 пенсов (1 год службы) до 78 ф. ст. 3 шилл. 11 пенсов (44 года службы) и до 800 ф. ст. (свыше 44 лет службы).

Основные цели союза согласно уставу: содействовать установлению хороших отношений между фирмой и ее рабочими и служащими и улажению всяких возникающих конфликтов путем арбитража и всяких других законных мер; способствовать наилучшей постановке дела фирмы и обеспечить непрерывный вы-

пуск газет в законных интересах читающей публики; вообще охранять интересы союза и фирмы.

«Манчестер Гардиан» посвятил своему союзу ряд статей, в которых дал идеологическое обоснование своему «эксперименту». «Возможно,—говорит газета,—что первой и самой необходимой задачей трэд-юнионизма, когда он был и молод, и слаб, должно было быть сосредоточение всех сил на вопросе об обеспечении известного скромного уровня жизни. Но с ростом сил растут и обязанности. Трэд-юнионизм достиг такого могущества, что он может брать на себя роль строителя и свои знания делить с администрацией, сотрудничая с ней в деле реорганизации промышленности на благо общества». Газета предусмотрительно старается отвергнуть мысль, будто эксперимент направлен против профсоюзов. Новый союз, говорит газета, является «в полном смысле слова трэд-юнионом и вполне независим», ибо «он сам руководит своими делами, сам избирает своих доверенных лиц, должностных и свои комитеты». Орган либеральных лисиц притворяется даже защитником... укрепления профдвижения! «Если бы мы думали,—говорит газета,—что наш шаг серьезно ослабит профдвижение в его основах, мы никогда не заключили бы нашего договора с союзом». Либеральный орган сознает, что основанный союз пока представляет собой лишь изолированное явление, но он мечтает о том времени, когда страна покроется сетью подобных союзов.

«Если,—говорит он,—нашему примеру последуют другие, то тогда вырастет целый ряд производственных союзов в роде нашего, и между ними, естественно, установится связь, будут общие конференции, и сообща будут выдвинуты новые идеи». «Мы,—заявляет газета,—подвинемся тогда по пути индустриального юнионизма в более широком смысле слова». Индустриальный юнионизм под эгидой капитализма—вот перспектива либералов.

В противоположность «Манчестер Гардиан», крупная лондонская фирма типографского дела Лимингтон, устроившая у себя компанейский союз, не стала формулировать своей собственной философии. Фирма Лимингтон решила взять ее на прокат у известного вождя рабочей партии Филиппа Сноудена. В своем воззвании к своим рабочим она приводит добрую часть речи, произнесенной Сноуденом на банкете Американской торговой палаты в Лондоне в 20-х числах прошлого июня, где он между прочим сказал:

«Трэд-юнионистская идея в прошлом, и в весьма значительной степени и в настоящее время, состояла и состоит в противопоставлении себя предпринимателям. Мы должны это теперь изменить. Мы должны добиться того, чтобы рабочие поняли, что они являются партнерами промышленности и что промышленный кризис бьет больше по рабочим, чем по предпринимателям. Мы должны понять, что всякое прогрессивное расширение промышленности пойдет пропорционально в пользу рабочих... Я поэтому хочу, чтобы политика трэд-юнионов была изменена с тем, чтобы они не стремились получить как можно более высокие ставки зарплаты независимо от того, может промышленность их дать или нет, но помогали бы процессу рационализации, которая даст промышленности наибольшие выгоды и позволит выплачивать наиболее высокие ставки зарплаты».

К выдержкам из речи Сноудена фирма Лимингтон прибавила: «Это как раз то, к чему фирма Лимингтон стремится».

Компанейские союзы внедрились пока в типографском деле. Параллельно с этим в этой же отрасли идет более откровенная атака на профсоюзы другим американским методом, т. наз. «open shop», т. е. «предприятия с открытыми дверями» для нечленов профсоюзов. Предприниматели дают предпочтение нечленам профсоюзов, а от членов профсоюзов требуют выхода из союзов. На конференции предпринимателей и рабочих типографской отрасли, состоявшейся 5 окт. 1926 г., была принята резолюция, приветствующая тот факт, что «принцип «предприятия с открытыми дверями» признан в типографских предприятиях как правительственных, так и частных». Резолюция дальше выражала свое мнение, что необходимо установление лучших отношений между рабочими и предпринимателями и требовала от правительства принятия немедленных мер к изменению закона о промышленных конфликтах 1906 г. [1]). Рынок лживой капиталистической прессы в Англии настолько еще обширен, что позволяет культивировать у рабочих печатного дела самые махровые рабоче-аристократические настроения.

Национальная лига либералов-трэд-юнионистов. Развал либеральной партии—одно из знаменательнейших явлений современной общественной жизни Англии. В эпоху острой классовой борьбы, которая наступила теперь для Англии, нет места таким промежуточным партиям, как либеральная, и она выметается, как ненужный сор, с арены истории. Сильно поредевшие ряды этой партии продолжают таять с каждым днем. Рабочие, голосовавшие за либеральную партию на выборах, покинули ее и теперь голосуют за рабочую партию. Крупные предприниматели, в роде сэра Альфреда Монда, перекочевали в лагерь консерваторов, а мелкая буржуазия переходит отчасти к консерваторам, а отчасти к рабочей партии, попутно усиливая правое крыло последней. Среди жалких остатков либеральной партии идет беспрерывная грызня между приверженцами Ллойд-Джорджа и приверженцами Асквита. Умный и дальнозоркий Ллойд-Джордж понял, что если что может ускорить уход рабочих масс от либеральной партии, то это именно тактика, ориентирующаяся направо в сторону консерваторов. Ллойд-Джордж уже давно заигрывает с рабочей партией, а теперь делает красивый жест в сторону последней. Он, хотя и обвиняет профсоюзы, но возлагает ответственность за всеобщую забастовку на правительство Болдуина, резко критикуя его за неуступчивость и непримиримость по отношению к лидерам рабочей партии и профдвижения, выдвигавшим компромиссные предложения [2]).

Смерть смотрит либеральной партии в глаза. Либеральная партия ищет спасения в приобщении к рабочим массам. Она пытается проникнуть в профсоюзы, собрать некоторые имеющиеся там активные либеральные силы, тонущие теперь в общей организованной рабочей массе, организовать их в ячейки, которые могли бы служить притягательными центрами для рабочих, еще не освободившихся от буржуазных влияний. Еще в прошлом году либеральная партия созывает ряд конференций либералов, являющихся членами профсоюзов. Наконец, 18 сентября т. г. в Лондоне с большой помпой созывается с'езд представителей групп либералов-трэд-юнионистов, на котором основывается лига либералов-трэд-юнионистов. На с'езде присутствуют 242 делегата, «представляющих» 67 профсоюзов. В предложенном с'езду меморандуме обосновывалась необходимость создания лиги и указывалось, что отсутствие особой организации мешало либералам трэд-юнионистам оказывать влияние на политику либеральной партии, с одной стороны, и на политику профсоюзов, с другой. Согласно уставу лиги, принятому с'ездом, в каждом парламентском округе образуется группа либералов-трэд-юнионистов. Группа входит в местную либеральную ассоциацию. Группы одного района образуют районную организацию, а последняя об'единяется лигой в общенациональном масштабе. Меморандум показывает, что Ллойд-Джордж кое-чему научился у коммунистов: тактика организации ячеек оказалась у коммунистов настолько жизненной, что либералы не прочь испробовать и это средство для подкрепления своих пошатнувшихся позиций. Ллойд-Джорджу только невдомек, что там, где сами об'ективные условия разрушают либерализм, как политическую силу, бессильны какие-либо «группы».

Горячие дебаты вызвал на с'езде вопрос о политическом фонде профсоюзов, который, как известно, идет на содержание рабочей партии. Рабочее движение добилось права облагать своих членов на политические цели после упорной борьбы, и это право было за профсоюзами закреплено законом о профсоюзах 1913 г. Этот закон предоставил, однако, право отдельным лицам, заявляющим о своем нежелании делать политические взносы, быть освобожденными от их уплаты. Либеральная партия, когда впервые зародилась идея создания лиги, намеревалась повести атаку против «политических взносов». В проекте устава, разработанном в апреле, говорилось об оказании помощи членам в деле освобождения их от взносов в пользу политического фонда и возвращения уже сделанных ими взносов, «дабы предотвратить использование либеральных денег на политические цели», а также «добиться всеми законными мерами передачи политических взносов, сделанных либеральными членами профсоюзов, национальной организации либеральных трэд-юнионистов». На этом вопросе с'езд чуть не раскололся. Большая часть делегатов считала, что отказ от «политического взноса» лишит их права голоса в политических вопросах, дебатирующихся в профсоюзах. В виду острого разногласия этот пункт был формулирован крайне туманно, а именно: лига ставит своей целью «защиту своих членов в деле использования ими своих политических прав и свобод» и «оказание совета и помощи во всех делах, касающихся политических взносов».

Во главе движения стали старые либералы-тред-юнионисты, когда-то игравшие крупную роль в рабочем движении. Председателем лиги был избран 70-летний Фрэд Маддисон, бывший председателем трэд-юнионистского конгресса в 1886 г. и одно время являвшийся вождем железнодорожников. Секретарем был избран Артур Петерс, бывший главным организатором

[1]) После долгих лет агитации, рабочее движение добилось в 1906 г. проведения либеральным правительством закона, предоставляющего союзам право выставлять во время забастовок пикеты, чтобы повлиять на штрейкбрехеров в смысле присоединения их к забастовке.

[2]) Как известно, эти компромиссные предложения сводились к предательству углекопов и делались за спиной последних.

избирательных кампаний рабочей партии в первые годы, после ее основания.

«Назад к Дизраэли!» Попытки либералов проникнуть в рабочие массы не дают покоя более дальновидным и умным консерваторам, мысль которых начинает работать в этом же направлении. В октябрьской книжке «Нешионал Ревью» проводится мысль, что слабость консервативного правительства состоит в том, что в нем нет человека, который мог бы говорить от имени рабочих. По мнению этого органа, правительство должно найти своего Джона Бернса [1]). Болдуин, стоящий во главе самого реакционного правительства, которое современная Англия когда-либо видела, часто вызывает тень Дизраэли, знаменитого вождя тори (предшественники современных консерваторов) в середине прошлого столетия. Дизраэли, выразитель интересов родовитой английской земельной аристократии, находившейся тогда в борьбе с молодой растущей буржуазией, был противником промышленного капитализма, бичевал эксплоатацию рабочих и мечтал о восстановлении старой патриархальной «веселой Англии» докапиталистических времен. Болдуин за последнее время не произносит ни одной речи без того, чтобы не цитировать Дизраэли. Он говорит о примирении классов, взывает к взаимным уступкам во имя интересов «всего народа».

Еще в конце 1921 г. после угольного конфликта, завершившегося «черной пятницей», когда политическая атмосфера была чрезвычайно накалена и консерваторов охватило беспокойство за исход предстоявших выборов, послышались речи о возрождении торизма Дизраэли. Тогда была основана демократическая консервативная лига с целью оказывать поддержку кандидатам, которые выступят как «демократы», «придерживаясь дизраэлевской политики социальных реформ». Лига должна была своей «левизной» служить приманкой для рабочих избирателей. Успехи консерваторов на выборах 1922 г. делают дальнейшее существование лиги излишней, и она сама закрывает свою лавочку. Теперь, когда консерваторов снова охватывает тревога и беспокойство за исход предстоящих в 1928 г. выборов, опять раздается лозунг: «Назад к Дизраэли!».

Маршалл Фриман, один из основателей демократической консервативной лиги пишет в «Таймсе» от 22-го октября 1926 г.: «В настоящий момент разрастается движение в пользу основания такой же лиги (как в 1921—22 г.), чтобы дать возможность консервативной партии удержать в руках рабочих избирателей, когда проба сил наступит в 1928 году. Без этого страна перейдет в руки социалистов... Эта опасность может быть предотвращена, если только консервативным рабочим будет предоставлено такое же участие в управлении партией, такое же признание за ними способности занимать места на судейских креслах, в местном самоуправлении и в парламенте, какое предоставляется рабочим либералами и социалистами». «Не пора ли Болдуину,— заканчивает он свое письмо,—перевести свои речи на язык действий? Никакая партия не может вечно существовать за счет благих пожеланий своего вождя».

---

[1]) Рабочий-металлист, был членом либерального правительства с 1905 до 1914 г.

Заключение.

Каково значение отмеченных нами новых явлений в общественной жизни Англии? Эти явления показывают, что английская буржуазия жадно ищет выхода из создавшегося для нее положения. Она желает умиротворить рабочих, внести «новый дух» в свои взаимоотношения с рабочими и заключить «индустриальное Локарно». В некоторых второстепенных отраслях, в отраслях, работающих на внутренний рынок, ей кое-что в этом направлении удается, как показывает пример компанейских союзов среди рабочих печатного дела. Но в основных отраслях английской промышленности, работающих на экспорт, из всех ее попыток ничего не выходит. Она говорит о фордизме и высокой зарплате, но с ножом у горла заставляет углекопов пойти на снижение зарплаты и удлинение рабочего дня, она вырывает у моряков согласие ввести 14-часовой рабочий день. Голос английской буржуазии—голос Якова, но руки—руки Исава. Расхождение между словом и делом английской буржуазии объясняется тем, что ей приходится вести сейчас отчаянную борьбу за существование на мировом рынке, откуда она давно вытеснена Америкой. Чтобы побить Америку американскими методами (рационализация, фордизация и высокая зарплата), нужны огромные средства, а главное—время. Вышибить же конкурентов ей необходимо сейчас, ибо всякое промедление смерти подобно. Английская буржуазия поэтому спешит, она выбирает более легкий и более проторенный путь. Она бьет своих рабочих, снижая зарплату и увеличивая рабочий день, чтобы дешевым трудом побить Америку.

Может ли проповедь классового сотрудничества иметь успех в такой раскаленной атмосфере классовой борьбы? Конечно, нет. Следует иметь в виду, что само по себе классовое сотрудничество в Англии явление не только не новое, но, наоборот, очень даже старое. Вся верхушка рабочего движения и в настоящее время в большей или меньшей степени пропитана идеями классового сотрудничества. Эти вожди в своем огромном большинстве являются воспитанниками последней четверти прошлого века, т. е. того периода, когда английская буржуазия была в зените своей славы и могущества, когда она могла подбрасывать от времени до времени рабочим какую-нибудь кость. Но с тех пор в экономике Англии произошел неслыханный переворот. Англия скатилась вниз и не выходит из полосы кризисов. Английская буржуазия свирепеет. Рабочие массы под жестокими ударами экономических факторов все больше и больше левеют и освобождаются от буржуазных влияний. Сами эти судорожные попытки американизации рабочего движения свидетельствуют лишь о растущем левении английских рабочих масс, которому желают поставить бессильные барьеры. Не то вожди. Идеология вождей изменилась мало. Идейное перерождение целого поколения вождей дело совершенно невозможное. Отсюда то резкое расхождение между вождями и массами, которое мы видим в Англии. Массы рвутся в бой против буржуазии, как показал пример всеобщей забастовки, а вожди тащат массы назад в буржуазное болото классового сотрудничества. Томасы, Гендерсоны, Хавелоки Вильсоны, откликаются на буржуазный клич классового сотрудничества сразу, как полковые лошади на звуки марша.

Артур Пью, Хавелок Вильсон и другие застрельщики теперешнего движения «классового сотрудничества» еще в 1918 году были членами исполнительного комитета Национального альянса предпринимателей и рабочих, который был детищем знаменитой Федерации британской промышленности. Они там сидели в «хорошей» компании, рядом с Ютом Джексоном, директором английского банка, Дудлеем Доккером, тогдашним председателем Федерации британской промышленности, сэром Джорджем Марреем от пушечной фирмы Армстронг и т. д., и т. д. Но этот альянс никакого успеха среди рабочих не имел, и не больший успех будут иметь новые организации классового сотрудничества.

Участие рабочих в прибылях в Англии тоже не новое явление и практиковалось в течение десятков лет многими предпринимателями. Это, несомненно, создало известную прослойку так называемых «копеечных миллионеров» (penny millionaires), но сколько-нибудь заметного влияния на рабочее движение это не оказало. Следует отметить, что последний договор углекопов с шахтовладельцами базировался на участии в прибылях; тем не менее самая ожесточенная классовая борьба, которую когда-либо знала Англия, разгорелась как раз в угольной промышленности.

«Компанейские союзы» насаждались американской буржуазией, главным образом, в предприятиях, не затронутых рабочим движением». «Компанейские союзы» служили для американской буржуазии противоядием против проникновения рабочего движения на предприятия. Американское рабочее движение сравнительно очень слабо. Другое дело образование «компанейских союзов» в Англии, где рабочее движение пустило глубокие корни. Предприниматели здесь натолкнутся на сопротивление рабочих.

Экономические факты—упрямая вещь; их не прошибешь никакими сладкими речами и никаким «новым» или «старым» духом. Возрождение торизма Дизраэли требует возрождения обстановки времен Дизраэли. Но безнадежное дело питать на этот счет какие-либо надежды. Вот почему английская буржуазия, не надеясь на «новый дух», готовит свирепый поход на организованное рабочее движение. С'езд консервативной партии в Скарборо в октябре текущего года представлял собою настоящий зверинец; на нем стоял такой рев, что даже сам «хозяин»—Болдуин пришел в смущение. Консервативные зубры требовали немедленной расправы с профсоюзами, изменения закона 1903 года о промышленных конфликтах и закона 1913 года о профсоюзах. Но нео-Дизраэли — Болдуин хочет выждать, пока рабочее движение не будет истощено забастовкой углекопов, чтобы спустить с цепи Черчилля, Джойнсона Хикса и Биркенхэда, которые готовят драконовские законы против профсоюзов.

Разговоры о «новом» духе—дымовая завеса, которая должна маскировать подготовляющуюся генеральную атаку на рабочее движение. Рабочий класс Англии стоит перед тяжелыми боями. Он получил тяжелый урок всеобщей забастовки. Он еще не имеет головы. Его старые вожди—ископаемые давно пережитой эпохи, но уже нарождаются новые вожди, разрастается движение меньшинства и усиливается коммунистическая партия. Последняя выросла за последний год вдвое, ее влияние растет. Из предстоящих испытаний английский пролетариат выйдет более закаленным и более подготовленным к дальнейшим сражениям.

Леопольд Авербах.

Еще о классовой борьбе и вопросах культуры.

I.

Развязность и распущенность тона моих «критиков» находится в обратно пропорциональном отношении к содержательности их статей. Статьи тт. Лелевича и Ионова провоцируют нас на профессионально-журналистскую фельетонную перебранку, где хлестко сказанное словечко может изредка заменить мысль. Однако, мы не поддадимся на эту провокацию и останемся на тех рельсах, на которые я старался передвинуть нашу дискуссию в своей статье против тов. Ионова (см. № 7—8 «Большевика»).

* * *

Лелевич считает мое положение «своеобразным». Двусмысленность и своеобразие моего положения заключаются в том,—с точки зрения Лелевича,—что мои теперешние взгляды расходятся с тем, что я писал в брошюре «За пролетарскую литературу». Читателям «Большевика» известно, что я отстаивал против Ионова все положения моей брошюры. Следовательно, Лелевич должен был попытаться найти противоречие, которое дало бы ему возможность сетовать на «своеобразие» моего положения. Однако, в достаточно двусмысленном положении оказался Лелевич. Не найдя никаких противоречий между тем, что я писал против Ионова, и моей брошюрой, Лелевич перенес вопрос из области теоретических споров в плоскость вопросов литературной политики. Бесплодный в области теоретических вопросов, Лелевич ищет противоречий между **принципиальной линией** и между защищаемой мною программой действий в области **литературной политики**. Разберемся.

Какое у нас имеется положение в области литературной жизни? С одной стороны, находится Всесоюзная Ассоциация Пролетарских Писателей вместе со Всероссийским Союзом Крестьянских Писателей. Они «союзничают» с чрезвычайно ограниченным количеством революционных попутчиков, таких «попутчиков», как Маяковский и Асеев—люди крепко связавшие себя с нашей революцией. С другой стороны, имеется Всероссийский Союз Писателей, в который входит вся масса попутчиков вместе с некоторыми буржуазными, с внутри-эмигрантскими писателями. Задача заключается в том, чтобы оторвать массы попутчиков

от буржуазных писателей и создать блок попутчиков с пролетарскими и крестьянскими писателями. Как же разрешить задачу? Как создать такое положение, чтобы в пролетарской стране мелкобуржуазные писатели работали вместе с пролетарской литературой, а не с буржуазными писателями и, подчас, не под их руководством? Создание федерации советских писателей представляется нам такой организационной формой, в рамках которой поставленная выше задача будет разрешена. Стена между пролетписателями и попутчиками, столь усердно поддерживавшаяся и ремонтировавшаяся А. Воронским, была бы разбита. Мы сумели бы создать атмосферу дружеского и спокойного срабатывания с попутчиками. Мы сумели бы на обсуждении всех вопросов литературной жизни заставлять колеблющихся писателей выбирать между нами и между внутри-российскими Айхенвальдами. А, «национальный блок»,—раздается истерика Лелевича. Социал-предательство, отказ от борьбы с буржуазной идеологией, оппортунизм,—вспоминает Вардин все, что ему когда-либо приходилось писать против меньшевиков. Они декламируют: нам нужен «левый блок», заставим попутчиков притти к нашему левому блоку. И вот та напостовская дубина, которой мы в 1923 г. «били стекла», чтобы заставить партию обратить внимание на то, что проделывает под флагом партии тов. Воронский, на то, что творится у нас вообще в области идеологической борьбы—вновь начинает «энергично фукцировать» в руках у Лелевича и Вардина. Но времена, когда дубина была еще в известном смысле необходима, прошли давно.

Дубиной попутчиков не завоюешь. Воронский не вел попутчиков, а был водим ими, как формулировал однажды вполне авторитетный для Ионова, один из вождей нашей партии. Воронский цементировал блок попутчиков с правыми: иного ничего он не мог делать, пока им велась травля пролетлитературы. «Политика примирений, соглашений, разговоров о единой русской литературе, затушевывания классового подхода к нашим врагам, — эта политика только на руку правому флангу нашего писательства,—писал я о политике Воронского [1]). С этой политикой мы боролись и боремся. Но Лелевич хочет из этой позиции вывести «план меньшинства — противопоставить буржуазному союзу писателей свой притягательный центр для промежуточного писательства в виде федерации советских писателей».

Легко видеть, что план «противопоставления»—это все то, что нужно нашим литературным классовым врагам. План противопоставления—это план сохранения status quo в области литературной жизни, это план консервирования отчужденности пролетписателей от попутчиков. «Одной из главных причин раскола между напостовцами был не вопрос о политике по отношению к попутчикам, а вопрос о политике по отношению к буржуазной литературе»,—пишет Лелевич. Но это—буквальное копирование клеветнических обвинений оппозиции против ленинского большинства нашей партии. «Мы не спорим о середняке, а мы спорим о кулаке»,—утверждали оппозиционеры, крича об окулачивании нашей партии. А, между тем, споры-то шли о середняке. Вовсе не различное отношение к кулаку крылось за спорами на XIV с'езде! И буквально то же самое имело место и у нас, в литературной дискуссии. Вовсе не различное отношение к буржуазным писателям разделило нас на 2 части—это клеветнические сплетни—а вопрос о выполнении директив ЦК о срабатывании с попутчиками, а вопрос об отношении к попутчикам, вот что разделило нас на 2 части. И совершенно так же, как об'ективный смысл и значение «левизны» партоппозиции вели к усилению позиций кулачества и срыву нашего руководства середняками, так и панические позиции Лелевича имели только один смысл—оставить попутчиков в блоке с Замятиным. «Левый блок» Лелевичем пишется. Читать же надо: не трогайте союза писателей, не разрушайте правого блока.

[1]) Я намеренно беру именно те цитаты, которые использовывались Лелевичем.

Лелевич цитирует мою брошюру: «Нормальная литературная обстановка для нас не такая, при которой все кошки серы, хотя бы и в союзе писателей. Нормальная литературная обстановка с нашей точки зрения, такая, при которой классовые линии четко проведены, писатели организованы по идеологическому или формальному признаку». Лелевич в восторге, ему даже кажется, что это «чуть ли» не цитата из речей Вардина. И невдомек подпевающему Ионову вардинцу, что теперешнюю-то обстановку я не считаю нормальной, что в приведенной цитате я формулирую задачу, которой следует добиться, чтобы можно было говорить о нормальной литературной обстановке. И цитата Лелевичу потому показалась похожей на речи Вардина, что ему-то теперешняя обстановка кажется нормальной... Сологуб представляет массу попутчиков, а Лелевичи в стороне воинственно машут дубиной—это нормальная литературная обстановка только для тех, у кого левая фраза прикрывает нежелание начать работать с попутчиками. И здесь не леность или робость мысли, а здесь логика позиции, основывающейся на переоценке сил врага и панике перед ним.

Сейчас вопрос о федерации уже практически разрешен и именно в плане наших предложений. И мы смеем утверждать, что, полемизируя с нами по вопросу о федерации, Лелевич нападает не только на напостовскую линию ВАПП'а, но и на партийную линию.

Ошибки Лелевича в вопросе о федерации имеют и свои литературные корни. В брошюре «За пролетарскую литературу» я резко полемизировал с Б. Арватовым, выступавшим против самой постановки вопроса о федерации [1]). Б. Арватов считал, что буржуазная литература имеет историческое право на существование так же, как и пролетарская. Последней следует укрепляться организационно и творчески совершенно обособленно и от буржуазной литературы и от попутчиков. Пролетарская литература еще так слаба, что ей не следует думать о задаче влияния на колеблющихся писателей. Это дело советского государства и компартии—так выступал Б. Арватов.

«Б. Арватов выступает здесь, как апологет до конца доведенной классовой замкнутости пролетлиторганизации. В основе

[1]) См. Л. Авербах, «За пролетарскую литературу». Стр. 70—71.

лежит у Б. Арватова неверие в творческие силы пролетариата, боязнь его соревнования с буржуазией. По существу, Арватов должен был бы притти к отрицанию гегемонии пролетлитературы, ибо он строит для нее особый путь развития, параллельно с развивающейся буржуазной литературой, между тем, пролетарская литература развивается не на особой дороге, а в каждодневной борьбе и преодолении буржуазной литературы»,—писал я, утверждая, что не цеховые, а классовые задачи стоят перед пролетлитературой. Мы и тогда уже указывали Лелевичу на родственность его взглядов позиции Арватова. Когда отдел печати ЦК поставил нас перед вопросом о создании федерации советских писателей вместе с союзом писателей, Лелевич так письменно и сформулировал свою точку зрения: «отстаивайте идею мирного соревнования параллельных организаций». Чистая арватовщина! Вот почему, расколовшись с «левыми», мы задолго до партс'езда, разбирая исключительно литературные взгляды Лелевича и Вардина, говорили, что у них переоценка сил врага, недооценка наших сил и неверие в пролетлитературу, отказ от идеи ее гегемонии, непонимание форм и задач борьбы за мелкобуржуазного писателя. Ликвидаторством мы называли взгляды наших «левых». Пришел партс'езд, разгорелась дискуссия, и мы увидели, что по такой же линии идут наши партийные разногласия. И после этого Лелевич кричит о «спекуляции» на партдискуссии! Спекулируя на возможности написать пасквильный памфлет, Лелевич не заботится ни об истине, ни о минимальном приличии, ни об элементарном внимании к истории нашего раскола. Человек, знающий, что мы из-за литературных вопросов раскололись до политического раскола, и утверждающий «наживание литкапиталов на политической борьбе»,—этот человек мог рассчитывать на наш ответ только потому, что его взгляды нашли себе место в дискуссионном отделе «Большевика».

Здесь не место долго заниматься Лелевичем. Слишком много дела сейчас у всех нас, чтобы заниматься Лелевичем, человеком, уже похороненным на главной арене его деятельности: в ВАПП'е. Отметим, однако, что вовсе не только вопрос о федерации расколол напостовскую группу.

Чем должен быть ВАПП? Узкой организацией стопроцентных единомышленников или формой широкого пролетлитературного движения? Лелевич за первое. Мы за второе. И разве год назад мы не говорили группе Лелевича, что их организационные взгляды—от пролеткультовского сектантства, разве не обвиняли мы их в том, что они хотят строить некую «литературную партию»?

Как оценивать резолюцию ЦК в художественной литературе? Честное и безоговорочное принятие всеми нами. Колебания у группы Лелевича, особенно у тов. Родова.

Различное отношение к пролеткульту. Этот вопрос едва ли не с самого начала напостовской работы разделял нас, и Вардин одно время поддерживал нас против Лелевича и Родова, соглашаясь с необходимостью окончательного теоретического и практического отгораживания от пролеткульта.

Различные лозунги. Различие явно вытекает из отношений к резолюции ЦК,—как бы ни клялись тт. о принятии ее,

как основы нашей вапповской работы. На первом плане борьба за пролетлитературу, организационные вопросы, — утверждают они. Учеба, творчество и самокритика, как основной лозунг,—противопоставляем мы, и проводим этот лозунг через все организации ВАПП'а.

Тов. Ионов сделал в статье против автора этих строк крупнейшую политическую ошибку, утверждая необходимость такой же политики в области идеологии, какую мы ведем в области экономики. Тов. Ионов получил от нас должный ответ и признал теперь, что «данную им формулировку о разжигании он считает не совсем удачной». Дело, конечно, вовсе не только в формулировке, и с тов. Ионовым мы еще побеседуем на эту тему. Но в «своеобразном положении» Лелевич! Я спорю с т. Ионовым, а Лелевич сбоку кричит: Авербах прав, но он должен быть или с Ионовым, или со мной. Ионов, признавая трусливо и недостаточно свои ошибки, говорит то же самое. Извиняюсь, соответственно уважаемые тт., но я не обязан присоединяться к правым ошибкам одной стороны, и левым уклонам другой. Партийная линия очень часто многим кажется «центристской»: так пытаются толковать ее «левые» и «правые» путаники. Пусть левые спекулируют на правых ошибках, пусть делающий правые ошибки Ионов опирается на демагогию Лелевича—мы будем стоять там, где мы стоим.

«Во время спора в ВАПП'е мы говорили не о формах классовой борьбы в экономике, не о методах борьбы, к примеру, с растущей экономической мощью кулака, а только о классовой борьбе в идеологии»,—пишет Лелевич, протестуя против нашего утверждения о том, что по линии вопроса о разжигании классовой борьбы произошло, в частности, наше литературное и политическое размежевание. Наши разногласия в вопросе о федерации показывают «причастность» вопроса о разжигании к нашим литературным спорам. Но превосходна у Лелевича абсолютная идентичность понятия классовой борьбы с необходимостью эту классовую борьбу разжигать. Да, мы не расходились по вопросу о необходимости вести классовую борьбу. Но мы действительно разошлись по вопросу о том, как вести эту борьбу. Но ведь в этом-то и заключается весь вопрос. Но ведь об этом-то и шла речь у меня! Бездоказательные декламации Лелевича обращаются против незадачливого декламатора. «Если вы тоже признаете необходимость обострения классовой борьбы в этой области, в чем же мы здесь расходимся?»—восклицает Лелевич. К чему делать вопросительный вид? Вопрос совершенно ясен. Мы с вами спорили не о неизбежности острой классовой борьбы, а о нашем отношении к этому обострению. Разжигать или не разжигать? Перед вами стоит необходимость обострения классовой борьбы—соответственно с этим вы строите вашу политику. Мы признаем неизбежность в ряде идеологических участков обострения классовой борьбы и ведем линию, которая отличается от детского вспышкопускательства. Тов. Ионов поучает меня теперь политике гражданского мира, а вот что я говорил в докладе против Вардина—Лелевича на всесоюзной конференции пролетписателей: «Бесспорно, что вы не учитываете значения перехода власти в руки пролетариата. Формы классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата совсем иные: такие формы правильно называют теперь «гражданским миром». Да

будет эта цитата, представляющая собой лишь линию нашей партии, правильно сформулированную тов. Бухариным, ответом и Лелевичу и Ионову.

* * *

Что сказали бы вы, если бы от партии откололась небольшая группа и стала претендовать на партийную ортодоксию и стала бы называть бывшими большевиками массу большевиков, с которыми она разошлась? Наглое самозванство не было бы резким эпитетом. Что сказать о группе тт. Лелевича, Вардина, Родова, разошедшихся с подавляющим большинством напостовцев, со всем ВАПП'ом, но продолжающих выступать от имени напостовства? Ведь как разделились напостовцы? С одной стороны, трое перечисленных тт. плюс Безыменский, а с другой—М. Ольминский, Ф. Раскольников, Ю. Либединский, Бор. Волин, А. Жаров, А. Зонин и ряд других тт., принимавших постоянное участие в напостовской работе. Редакция журнала «На Посту» раскололась на две равные части, а вся масса сотрудников журнала участвует теперь в «На Литературном Посту».

У кого что болит—тот про то и говорит, гласит мегкая пословица. Естественно, что именно Лелевич нанялся «обвинять» меня в барометрийности.

Человек, бывший левым в дни Бреста, антиленинцем—в дискуссию о профсоюзах в дни X с'езда партии, троцкистом—в 1923 г. и 1924 г., ушедший затем от троцкизма, чтобы украсить своим присутствием ленинградскую оппозицию, заявляя, что он еще левее ее,—такой человек в самом деле имеет все права обвинять нас за то, что в среде Лелевичей и Чужаков, этих партийных интеллигентов-сверхчеловеков, мы были и будем проводниками нашей партийной погоды.

Я был троцкистом в 1923 г. После появления «Уроков Октября» я—вместе со всей группой комсомольской оппозиции—пересмотрел свои прежние ошибки. Ионову по этому поводу угодно веселиться, а Лелевичу помогать в этом деле Ионову. Можете по этому поводу издеваться. Где ошибался—там ошибался, и я, следуя хорошим примерам, по мере надобности и возможности всегда отмечаю свою прежнюю ошибку. Ибо я считаю такое поведение принципиальным и партийным, а поведение Лелевича, представляющее собою беспринципное перемётывание от одной оппозиции к другой—лишь бы не оказаться в рядах ленинцев!—и обвиняющего других в «барометрийности» поведением непринципиальным и непартийным.

* * *

Наш спор кончен. Время дает эмпирическую проверку правильности основной напостовской линии. Борьбу со всеми противниками напостовства ведем только мы. Лелевичи теперь помогают Ионову, цитируют Чужаков и присоединяются к нападениям Воронского. И больше всего все Лелевичи кричат о «вождях». Они в самом деле считали себя «вождями пролетарской литературы». Они больше всего негодуют на то, что им не приходится теперь «представлять» и «возглавлять» ВАПП. На эту тему Лелевичем и Горбачевым исписано много строк. И этот момент придает сугубо неприятный привкус всем выступлениям Лелевича. На всесоюзной конференции я указывал уже тов. Лелевичу, что у пролетарской литературы организационных вождей быть не может. Пролетарская литература—это совокупность ряда творческих документов, и мертвый Фурманов более живет в ней, чем живые Родов, Вардин и Лелевич вместе. Бесконечные разговоры о «вождях» придают статьям Лелевича оттенок, отчетливо выясняющий позицию, к которой все больше скатывается их автор. Эта позиция: беспринципное склочничество.

II.

Разберемся теперь в той словесной трескотне, которая составляет содержание статей П. Ионова.

Для кого писал Ионов свои статьи? Подлинно ли они рассчитаны на читателя «Большевика»? Сознательный партийный читатель всегда требует от спорящих сторон серьезности и уважения,—если не друг к другу, то к читателю.

А что пишет Ионов? Я выписываю лишь небольшую часть ругательств Ионова по нашему адресу: напостовская твердоголовость, бахвальство, чичиковские Петрушки, воинствующее невежество, путаная голова, теоретическая и политическая неграмотность, советские Митрофанушки, невежда,—таковы лестные эпитеты Ионова.

Нашему оппоненту кажутся убийственными его «характеристики» противника: «недоучившийся гимназист»; «гимназист на посту»—и опять недоучившийся гимназист. Но против кого должны быть на деле направлены эти эпитеты? Да, автор этих строк недоучившийся гимназист. Да, до самого последнего времени партия его не посылала доучиваться. Вы, т. Ионов, видимо, предпочитаете гимназистов, которые доучивались в годы революции. Меня это не удивляет.

Авербах невежественен, пишете вы. Об этом будет судить читатель. Но вы долго и много учились в ИКП. Но чему вы научились? Что вы поняли из того, чему вас учили? Что вы вынесли из ИКП, кроме пошлого самодовольства своей «ученостью» в противовес нашей «неучености»? Вы думаете, что вас посылали в институт для того, чтобы приготовить из вас человека, м. б., годного для работы в юмористическом журнале? Но и «смехач» бы из вас не получился удачный. Доказательством те «остроты», которыми вы заполнили вашу статью: «Примите валерианку и поставьте горчичник на ваше расходившееся воображение»; «О, Влас, не пяль напрасно глаз на персик и ананас», не человек, дескать, Авербах, а «морская тигра». Ведь это перлы, которые красуются в почтовых ящиках наших юмористических изданий, как пример того, как не надо писать. Такими цитатами аргументируют отклонение рукописей.

«Я думала лебедь плывет, а это милого сапог. Неужели вы не видите, тов. Авербах, что сапог оказался самый настоящий вардиновский, и даже без фигового листка»,—пишет Ионов. Сапог с фиговыми листками мне никогда не приходилось видеть, а вот другой вид обуви, в котором сидит Ионов и с увлечением взирает на фиговые листки ему лишь одному ведомых сапог, отчетливо намечается в результате литературных упражнений Ионова.

Я отказываюсь так полемизировать, как «полемизирует» П. Ионов. Я считаю тон его статей позорящим не меня, а моего оппонента. Я считаю такую полемику проявлением величайшего неуважения к партийной печати и к партийному читателю. Статьи П. Ионова по вопросам культуры— факт вопиющей некультурности.

* * *

Будем отвечать Ионову в порядке, отличающемся от расположения спорных вопросов в его статье. Главное внимание должно быть сосредоточено на двух моментах: формы классовой борьбы в области идеологии в данный момент и совместимость или несовместимость господства пролетариата с господством непролетарских идеологий. Эти два момента по существу лишь разные стороны одного вопроса.

В брошюре «За пролетарскую литературу» было выдвинуто положение о связи культурной революции с обострением классовой борьбы в области идеологии. Культурная революция, с нашей точки зрения, есть длительный процесс овладевания массами прежней культурой.

Овладение культурой есть ее классовая переработка. Происходит культурная революция. В процессе ее проведения мы привлекаем к себе интеллигенцию, она работает с нами, она на советской службе, но «от клички никто не меняется, но они буржуа насквозь, с головы до пяток, по своему миросозерцанию и привычкам. Что же, мы разве выкинем их? Сотни тысяч не выкинешь. А если бы и выкинули, то себя бы подрезали»[1],— так писал Ленин в марте 1919 года, в период, когда ударение ставилось на необходимости привлечения специалистов, на преодоление антиспецовских настроений, а не на классовую чуждость их нам. Именно из этих мыслей Владимира Ильича исходили мы, утверждая неизбежность острой классовой борьбы в области идеологии в связи с культурной революцией. «У нас не ослабляется, а обостряется классовая борьба в области идеологии», писал я в брошюре, к сожалению, послужившей причиной рождения на литературной арене П. Ионова. Эта фраза была так комментирована нашим «критиком»: «Вот уж поистине— как любили говорить некоторые тт. ленинградцы—мимо Сидора в стенку. Ведь вот именно это-то и плохо, тов. Авербах. Ведь вот именно за это требование—«разжигать» классовую борьбу— ваши формулы и были ославлены, как пустые абстракции»[2]). Плохо или хорошо—это другой вопрос, это вопрос, на который ответ может дать только анализ современной действительности. Нами дается констатирование факта, опровергните его, докажите, что положение иное,—отвечал я Ионову в № 7—8 «Большевика». Вместо занятий пустословием, мы разбирались в обстановке, констатировали усиление и рост буржуазной идеологии и утверждали: классовая борьба в области идеологии обостряется.

Исходя из этого факта, давайте намечать нашу политику по линии идеологического фронта,

[1]) Ленин. «Революция и культура», изд. «Октябрь Мысли».
[2]) «Большевик» № 4, стр. 40.

давайте находить наилучшие организационные формы, обеспечивающие победу партии. Где тут требование «обострения» классовой борьбы? Где тут призыв к ее разжиганию?

Почему, однако, обреченный на неудачу Ионов пытается найти у нас «левый» уклон в вопросе о классовой борьбе? Потому, что он был нами пойман на месте «правого» преступления. «Мы бы очень хотели посмотреть, как это можно разжигать классовую борьбу в области идеологии, не разжигая ее в экономике и политике, тем более, что понятие «идеология» включает в себя не только науку и искусство и прочие безобидные штуки, но и политическую идеологию»,—писал П. Ионов, обнажая «пределы своей собственной сущности». В ответе ему я констатировал, что это—стопроцентная меньшевистская логика, ничего общего с ленинизмом не имеющая. П. Ионов бьет отбой: «Заявляем прямо, что данную нами формулировку о разжигании мы считаем не совсем удачной». Не совсем удачной? В чем именно? В формулировке ли тут дело? Разве речь идет о том или ином выражении этой мысли, а не о самой мысли? П. Ионов считает лишним отвечать на этот вопрос. Вместо точного и ясного разбора своей ошибки Ионов переходит в нападение на нас. Процитированные нами две строчки из статьи П. Ионова тонут в море ругани по нашему адресу. Можно подумать, что я скатился к меньшевизму, а не Ионов перепевал мартовские зады! Но даже, если бы Ионов был заставлен признать свою ошибку, вопрос не был бы снят. «Грамотный читатель» спросил бы: почему Ионов сделал именно такую, а не другую ошибку? Какой круг мыслей нашел свое завершение в этой «не совсем удачной» формулировке? И, наконец, просто ли случайно то, что Ионов никак не хочет откровенно отказаться от своей ошибки?

«Борьбой с «левыми» лозунгами некоторые хотят воспользоваться для того, чтобы толкать нас вправо»,—писал я, характеризуя выступление Ионова[1]). Кому на руку отрицать обострение классовой борьбы в области идеологии? Нэпманству и кулачеству. Только им нужно, чтобы мы закрывали глаза на обострение классовой борьбы в области идеологии.

Наше сотрудничество с буржуазией в области экономики ни в каком случае не будет вызывать аналогичного сотрудничества в области идеологии, в противовес меньшевистским утверждениям Ионова. Наоборот! Ионов не понимает, что наше сотрудничество с буржуазией, что политика гражданского мира, что реформистские методы не что иное, как наиболее целесообразные в данной обстановке формы классовой борьбы.

Не то признавая, не то не признавая свою ошибку—

«И никто не узнает, о чем молчанье,
О чем спокойных дум простота»—

Ионов ищет каких-либо цитат в моей брошюре, которые дали бы ему возможность успокоить свои далеко не спокойные мысли.

«Непримиримая классовая борьба—это единственное, что имманентно присуще взаимоотношениям пролетариата с буржуазной идеологией»,—цитирует Ионов. А вот его комментарии:

[1]) См. нашу статью „О классовой борьбе в области идеологии", «На Литературном Посту», № 2

«В самом деле, разве мыслимо, чтобы пролетариат «сотрудничал» и «соглашательствовал», ну, хотя бы со сменовеховской идеологией?» Отметим сначала, что наш оппонент несколько вольно заключает в кавычки «положение Авербаха», ибо цитируемой им фразы у меня нет. Но не будем останавливаться на этой передержке—их слишком много у Ионова. Разберем вопрос по существу. Чтобы уяснить спорную проблему, я согласен даже принять грубую формулу, «примысленную» мне Ионовым за мою собственную.

«Сотрудничество» и «соглашательство» со сменовеховской идеологией—пытается ехидничать обитатель быстроходной лодки с маркой «треугольник».

Напрасно, страха ради иудейска, заключены Ионовым в кавычки слова сотрудничество и соглашательство. Со сменовеховцами мы сотрудничали, мы не знаем, правда, где доводилось нам с ними соглашательствовать, но в известных условиях мыслимы для успеха более широко задуманные операции и соглашательство на сменовеховском участке фронта. Однако, этим выражением «непримиримая классовая борьба» нисколько не снимается. Слово сотрудничество может покрывать двоякое содержание: сотрудничество в буквальном смысле этого слова и примирение. Тот, кому не ясно, что за сотрудничеством со сменовеховцами скрывается непримиримая классовая борьба, тот в понятие сотрудничества вкладывает примирение, тот неизбежно будет давать ионовские «не совсем удачные формулировки». Именно Ионов не понимает диалектики классовой борьбы, которую непримиримо ведет и будет вести пролетариат, пока он существует как класс. Именно Ионов-то мыслит себе классовую борьбу в форме баррикадных столкновений и гражданской войны. Нет гражданской войны, следовательно, надо метать гром и молнии против тех, кто говорит о классовой борьбе! Я не сомневаюсь, в том, что Ионова не этому учили в ИКП.

«С точки зрения Авербаха, в силу нашей большевистской непримиримости мы должны беспощадно заострять борьбу не только с буржуазной, но и с мелкобуржуазной идеологией». Насколько вывод об обострении обоснован—читатель уже знает. Но нас интересует тот ужас, с каким Ионов пишет о возможности борьбы с мелкобуржуазной идеологией, «*но и* с мелкобуржуазной» вообще.

Тов. Слепков писал в № 16 «Большевика» за 1925 г., что к социалистическому искусству мы придем «только путем борьбы величайшего напряжения, самой широкой инициативной воспитательной работой, борьбой с влиянием буржуазии, преодолением мелкобуржуазных колебаний в области идеологии, критикой, долженствующей уничтожить эти колебания».

В нашей брошюре был задан вопрос-возражение тов. Слепкову. «Разве мы только с колебаниями мелкобуржуазной идеологии боремся»? «Ведя крестьянство по его особому пути к социализму,—особому, но к социализму,—разве мы тем самым не ставим себе задачи его идеологической «пролетаризации», задачи переведения его на «рельсы пролетарской идеологии» (выражение рез. ЦК)? Ответа нами получено не было. Разве только ответом считать «обвинение» нас в оппозиции—за критику тов. Слепкова, конечно. И вот теперь Ионов опять «на эфтом самом месте»!

«*Но и*» с мелкобуржуазной идеологией боремся мы! Формы борьбы, пункты ударов, степень их силы и частота их,—все это будет отличаться от борьбы с буржуазной идеологией, но последняя-то именно потому больше всего опасна, что она может повседневно рождаться из достаточно значительных у нас элементов мелкобуржуазной идеологии.

Сравним теперь две формулировки по вопросу о мирных и насильственных методах диктатуры пролетариата на данной, «строительной», стадии развития.

П. Ионов: «...единство мирных и насильственных методов классовой борьбы дано уже в форме мирного руководства, мирной переделки попутчиков-крестьян, мирного соревнования и сотрудничества» (курсив т. Ионова).

Тов. Сталин: «В период строительства социализма, наоборот, особенно бьет в глаза мирная, организаторская, культурная работа диктатуры, революционная законность и т. д. Но из этого опять-таки вовсе не следует, что насильственная сторона диктатуры отпала или может отпасть в период строительства» (курсив наш. *Л. А.*).

Это сопоставление вызвало невероятный гнев у П. Ионова. Разница настолько разительна и вопрос настолько политически ясен, что Ионов чувствует необходимость как-нибудь «сманеврировать». Он находит у себя в статье одну фразу, гласящую: «В условиях своей диктатуры пролетариат не отказывается и от насильственных методов. Он их применяет и будет применять». За сим образованный Ионов сравнивает нас с «морской тигрой». Это зоологическое сравнение неизбежно должно украшать собою отсутствие человеческой логики! Речь идет о данной стадии диктатуры пролетариата, и Ионов думает, что ему удастся отделаться фразами, относящимися к эпохе диктатуры пролетариата вообще. Сие, во-первых. А, во-вторых, сопоставляя точки зрения тт. Сталина и Ионова, мы брали итоговые формулировки. Приведенная нами цитата из статьи Ионова представляет собою заключение его мыслей по вопросу о методах диктатуры, заключение, нарочито выделенное Ионовым курсивом. И даже, если предположить, что ионовские «оговорки на всякий случай»—как характеризовал я в своем ответе некоторые ионовские фразы—непосредственно к этому пункту относились, то и опять-таки не улучшается положение автора статей о «напостовской путанице». Грамотный читатель опять подумает: случайно ли то, что Ионов в итоговой формулировке по ответственнейшему вопросу совершил именно такую ошибку? Не увязано ли это поглощение одними мирными методами насильственных со всем кругом мыслей нашего «ортодокса»?

Кончим теперь с вопросом о классовой борьбе, остановившись на пресловутой «несовместимости». В нашей брошюре защищалось положение о несовместимости господства пролетариата с господством непролетарских идеологий. В условиях диктатуры пролетариата в целом ряде областей не только имеются, но и господствуют непролетарские идеологии, идеологии в большей или меньшей степени антипролетарские. Что приносит с собой культурная революция на основе укрепления дик-

татуры пролетариата? Усиление и развитие пролетарской идеологии, наступление ее по все более широко разворачивающемуся идеологическому фронту и, как следствие, вытеснение или переработку идеологий непролетарских. Это, естественно, будет означать собою и перерастание пролетарской идеологии в социалистическую. Аксиоматично? Совершенно справедливо! Мы и писали, что отстаиваем здесь лишь большевистские аксиомы, однако, эта аксиома, полная такого злободневного содержания и неизбежно более значительная и актуальная, чем многие рождаемые кое-кем теоремы, вызвала ряд нападений на нас. Случилось так, что критики недостаточно хорошо сговорились между собою и в их нападении получился разнобой. Тов. Слепкову эта аксиома показалась постным и нежизненным афоризмом, т. Ионов откровенно заявил, что «вот это-то и плохо, что это—аксиома и что вот именно поэтому-то ей и было не место в тезисах, претендующих на определение партийной линии» [1]), а тов. Колоколкин—все трое стоят на одной точке зрения—ославил это в «Известиях» старым богдановским положением. «Забыв» о Колоколкине, Ионов пытается установить гармонию хотя бы между тем, что писал Слепков, и тем, что написано пером нашего «ученого» и «грамотного» оппонента. Ионов настаивает на том, что он и Слепков утверждают одно и то же: «Если твердить большевистскую «аксиому» [2]), подобно ученому скворцу, то большевистская аксиома (увы!) из живой практической директивы превращается в мертвый афоризм». Но, ведь, Ионов должен был доказать, что оспариваемая им аксиома устарела, показать, какие аксиомы пришли ей на смену, родившись из закономерного развития большевизма. Этого Ионов и не попытался доказать. А как же быть, к тому же, с тем фактом, что эта «аксиома в прошлом» ославлена богдановской истиной? Картина остается той, которую описывал Гейне: «Каждый предлагал свою поправочку, гипотезочку или еще какой-нибудь недоносочек собственной своей головки»...

Читатель, следивший за дискуссией, помнит наш спор о дарвинизме. Ионов издевался над тем, что мы утверждали несовместимость господства пролетариата с антидарвинской реакцией. Дарвинизм—пролетарская идеология, хихикал он. Я в ответ задал вопрос: «А что же—совместимо господство пролетариата с антидарвиновской реакцией?» Ионов отвечает теперь: «Но, во-первых, тов. Авербах, спор, ведь, у нас с вами шел не о том, совместима или нет диктатура пролетариата с реакционным движением в области идеологии, а о том—совместимо ли господство пролетариата с непролетарской идеологией? А это две различные вещи». Но, во-первых, тов. Ионов, речь в моей брошюре шла о буржуазной профессуре. Но, во-вторых, тов. Ионов, благодарю вас за новый свет, который вы бросили на наш прежний спор о мелкобуржуазной идеологии. С точки зрения Ионова, который столь безуспешно пытался обратить против нас признание марксизмом об'ективной истины, могут быть непролетарские идеологии, в то же время нереакционные. Самая революционная

[1]) См. «Большевик», № 3, стр. 92.
[2]) Почему это слово Ионов здесь заключил в кавычки? Не иначе, как для тумана пущего. Ведь, он же сам писал, что им не отрицается «аксиоматичность» этого положения.

мелкобуржуазная идеология все же реакционна по сравнению с пролетарской. Непролетарские идеологи все реакционны, все дело в том, что они реакционны больше или меньше, что они более или менее вредоносны. Ясно, конечно, что этим ни в какой мере не может быть отрицаема революционность тех или иных мелкобуржуазных течений в тех или иных условиях. «Об'ективной истиной для марксистов является ныне уже коммунизм или первоначальная его стадия—социализм»,—пишет авторитетнейший марксистский философский теоретик», т. Деборин [1]). Одно у нас отношение к «реакционному движению» в области идеологии, другое—по отношению к тем мелкобуржуазным «идеологиям», которые мы надеемся перевести на наши пролетарские рельсы. Но не может быть ничего вреднее замазывания или прямого отрицания относительной реакционности всякой непролетарской идеологии.

«Во-вторых,—продолжает Ионов,—даже если бы мы согласились с тем, что пролетарская диктатура несовместима с антидарвинизмом, то это еще не означало бы, что Авербах может сделать отсюда какие-либо выводы относительно искусства... И... в-третьих... у нас, в Москве, имеются видные коммунисты, совмещающие свой марксизм с эволюцией от дарвинизма к... идеализму Берга. Мы не знаем, что нам опять будет отвечать тов. Авербах»,—заключает Ионов с физиономией, на которой масляной каплей расплылось самодовольство. Не знаете? Так послушайте.

Для начала мы зафиксируем, что Ионов не соглашается с нашим положением о борьбе против антидарвинизма, а отделывается словечками «даже», «если бы», то «еще» и т. п.

Плеханов писал, что совместить с марксизмом можно что угодно, только каким путем? «Видные коммунисты», «совмещающие марксизм» с теоретическим черносотенством Берга, ничего не совмещают, ибо это совместительство даже не эклектизм, а отказ от марксизма. «Видные коммунисты»! Тем хуже, тем опаснее! Ссылкой на видных коммунистов (экая же пошлость!) Ионов думал что-то доказать. Ничего этим не докажешь, совершенно так же, к примеру, как никому не доказать, что даже факт напечатания статей Ионова в «Большевике», в нашем руководящем—слышите, т. Лелевич!—в нашем руководящем журнале—делает их сколько-нибудь правильными.

Вопрос исчерпан. Ионов заключил свой ответ нам по этим пунктам криками о том, что Авербах потерпел «самое жестокое крушение по всем пунктам своей антикритики». Вот уж действительно «главное—не стесняйся»! Ежели Ионов всерьез считает, что я потерпел столь жестокое крушение по всем пунктам, то, следовательно, он берет назад заявление о «не совсем удачной формулировке» или он преуменьшает значение своей ошибки, сводя ее на-нет.

III.

Мы не имеем возможности на страницах «Большевика» достаточно подробно ответить П. Ионову по вопросам культуры. Я ограничусь лишь несколькими конспективными замечаниями,

[1]) А. Деборин. «Ленин, как мыслитель», стр. 16.

оставив за собой право обосновать и развить свои мысли в другом месте.

Извлеченная из болотца анекдотов, юмористических историй и безвкусных стишков точка зрения нашего оппонента представляется в следующем виде:

Не существует буржуазной и пролетарской науки. Марксизм признает существование об'ективной истины, посему наука может быть только одна, а т. к. буржуазия—класс реакционный и т. п., то истинная наука только пролетарская наука. Буржуазной культуры также не существует, т. к., во-первых, существуют не классовые культуры, а культуры общественно-экономических формаций (не бурж. культура, а культура капиталистич. об-ва), и во-вторых, бурж. культура насквозь несогласована, противоречива и т. д. Авербах же, говорящий о классовости науки и культуры, каутскианец и махист (!), ибо он, во-первых, отрицает об'ективную истину, а, во-вторых, устанавливает мир и гармонию в бурж. культуре, на деле негармоничной и немирной. Что же касается ссылок на Ленина, то можно при помощи «диалектики» об'яснить Ленина так, что к сегодняшней обстановке окажется неприложимо то, что писалось Лениным против бундовских националистов (третий китаец Ионова).

П. Ионову кажется, что он углубил вопрос по сравнению с той его постановкой, которая была дана в нашей статье. Однако, как мы попытаемся показать, Ионов лишь внес новую реакционную путаницу, затемняющую подлинную сложность обсуждаемых проблем. Тов. Бухарин слово «мировоззрение» определяет, как общее представление о мире, следуя за Марксом, говорившим о способе представления (Vorstellungsweise). Какова же связь между наукой и мировоззрением? Наука вовсе не только арифметическая сумма опытом проверенных законов. Закон притяжения, конечно, при социализме будет так же действителен, как и теперь. Такие элементы науки «внеклассовы» в том смысле, что они входят в культуру всех классов. Но наука-то представляет собой определенную идеологическую систему, классово конструируемую из законов эмпирического познания движущейся материи. «Сейчас все сводится к собиранию фактического материала. Но, однако, во всякий момент требуется общее представление о предмете для того, чтобы было на что цеплять факты, для того, чтобы было с чем двигаться вперед, для того, чтобы было что предполагать для будущих изысканий. Такое предположение является необходимостью в научном деле» [1]). Это относится ко всякой научной работе и это же относится к науке, как таковой. «Цеплять факты», т.-е. приводить их в определенную систему, можно только в свете определенного «способа представления», только на ось определенного мировоззрения. Мы поверим, впрочем, в то, что Ионов будет отрицать наличие у каждого класса определенного «способа представления»!

Ионов элементарно не понимает того, что такое наука, и плетется в хвосте обывательских рассуждений о «науке вообще». Вульгарная непродуманность вопроса особенно резко бросается в глаза там, где Ионов проводит резкую грань между «точной» и «неточной» наукой, там где Ионов обрушивается на классовый подход к науке, там, где Ионов отрывает науку от «идеологии».

[1]) Ак. И. П. Павлов.

А евгеника это точная или «неточная» наука? А лингвистика? А вопрос о происхождении человека? А научная дискуссия о наследовании приобретенных признаков—не имеет ли она явное общественное значение? Не ударяет ли этот пример по всякому, разрывающему связь и органическое единство между наукой и мировоззрением?

Наука всегда классова. «Внеклассовы» лишь ее отдельные «кирпичи» по блестящему выражению К. Каутского. «Внеклассовы» лишь проверенные человеческой практикой те или иные ее законы. Ах, ссылка на Каутского? И вслед за тем Ионов немедленно начинает кричать о каутскианце Авербахе. Да, Авербах—явный «каутскианец», ибо он обращается к П. Ионову с призывом поучиться у прежнего Каутского,—Каутского того периода, когда он был революционным марксистом. Авось это хоть немного поможет Ионову превратиться в ленинца!

Наука—составная часть классовой идеологии. Именно таков смысл энгельсовского: «Философы всегда управляют естествоиспытателями». Ионов цитирует ленинскую фразу: «Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм».

Тов. Ионов считает, что «всю свою работу об эмпириокритицизме В. И., в сущности говоря, и посвятил доказательству единственной темы: современная «бурж.» наука, «бурж.» естествознание ни в каком разе не примиримо с поповщиной и фидеизмом буржуазного мировоззрения». Однако, лучше было бы для Ионова, если бы он не вспоминал о философских работах Ильича. Характеризуя «Материализм и эмпириокритицизм», Ионов понял лишь часть вопроса. И чрезвычайно характерно, какие стороны вопроса были им упущены! Вся книжка Ильича показывает, что для него не существует науки «вообще». Ленин берет науку в той ее классовой оболочке, в какой она реально существует и в какой она не может не существовать. Вся книга Ленина, далее, показывает, как буржуазная идеология владеет умами подлинных ученых, как она портит и затрудняет работу деятелей такой «точной» науки, как физика и т. д. Работа Ленина насквозь революционна. Вывод из нее: чтобы быть подлинной наукой и развиваться дальше, следует отбросить буржуазную идеологию, следует преодолеть ее. «Современная физика лежит в родах». Поистине так! Но от родов умирают. Ежели вместо идеалистической философии естественниками не будет «управлять» материалистическая философия, то физика сгниет в тупике реакционной буржуазной идеологии. Ленинская работа—это пропаганда похода марксизма в «точные» науки, это призыв к преодолению буржуазной философии, это вдалбливание в головы ученых приоритета философии, роли мировоззрения, общего способа представления—как говорим сейчас мы. И это актуальнейший вопрос сегодняшнего дня. А Ионов, замазывая вопрос о классовости науки, отрицая неизбежную борьбу между буржуазной и пролетарской науками, об'ективно выполняет роль пособника реакционной части наших ученых. С точки зрения Ионова не нужен никакой марксистский поход к естественникам. К чему? Ведь там наука, а наука может быть только материалистической! К таким выводам неизбежно придет и приходит всякий замазывающий значение метода. Буржуазная идеология не дает развиваться науке дальше. Только марксизм позволяет осмы-

слить новые достижения науки, и только он может открыть науке новые пути. Ленинская фраза о «родах» физики и говорит о необходимости переделки буржуазной науки в пролетарскую.

Буржуазия борется за науку. Буржуазная философия прибегает к всевозможнейшим ухищрениям, дабы замазать противоречия между тем, что неизбежно дает познание законов бытия и движения материи, и тем, что утверждают идеологи капитализма. И признание нами об'ективной истины только и означает, что буржуазные попытки обречены на неудачу, ибо двух одинаково об'ективно значимых наук быть не может, в то время, как две классовые науки могут существовать. Ионов попытался это элементарное, с нашей точки зрения, марксистское положение повернуть против нас. Он подставил нам слова «в смысле двух равнозначных научных мировоззрений». Но этого-то у нас не было!

Ионов предлагал нам—со свойственным ему остроумием—подходить к некоторым вопросам не «индифферентной частью» некоего английского джентльмена, а головой. Мы не обязаны всегда «головой» обращаться к тем вопросам, которые интересуют Ионова, ибо мы должны с прискорбием заметить, что подчас его «головные» рассуждения кажутся нам принадлежащими некоей «индифферентной части».

Отвечая по вопросу о науке, мы, по существу, отвечали на всю аргументацию нашего противника в вопросе о классовости культуры. Остановимся лишь на обвинении в апологетике капитализма. «Целостная, «согласованная», «духовная» культура буржуазии существует не в исторической реальности, а в путаной голове Авербаха, в своей теоретической невинности повторяющего махистские зады». Тов. Ионов стоит на точке зрения «эклектичности буржуазной мысли вообще». Но это обнаруживает только, что, потеряв теоретическую невинность, Ионов возместил эту утерю привычкой к вульгарно-метафизическому мышлению. Буржуазная духовная культура времен под'ема и упадка—это две разные вещи. Буржуазная идеология у Ионова всегда—эклектизм буржуазной мысли вообще!—одинаково эклектична и несогласована. Какая чушь! А в период борьбы со средневековьем? А в период французской революции с материализмом Гольбаха, Гельвеция, со всей философией энциклопедистов,—разве не было перед нами целостной буржуазной культуры, эклектичной лишь постольку, поскольку в ней оставались элементы непреодоленного феодализма и возникали зерна завтрашних противоречий?

Маркс в «Капитале» анализировал абстрактный капитализм. Установив его законы, он рассматривал конкретные формы их применения в данном капиталистическом обществе. Именно так мы должны ставить и теоретический вопрос о буржуазной культуре. Подменяя вопрос о буржуазной классовой культуре вопросом о распаде буржуазной культуры, Ионов снова свидетельствует, что не марксизм был виновником утери им теоретической невинности.

«Если нет «согласованной» «духовной» культуры, то еще менее можно найти эту согласованность между «духовной» и «материальной» культурой буржуазного общества»,—пишет Ионов. Техника выпирает из капитализма. Она разрушает его. Социализм будет решать технические задачи, «поставленные еще капитализмом», в своем данном сочетании эта техника будет фундаментом социализма,—такова точка зрения Ионова. Перед нами то же неисторическое решение конкретного вопроса вместо ответа на теоретическую проблему. В период под'ема и начала расцвета буржуазии во всяком случае было соответствие между техникой, производительными силами, экономикой, надстройками. Метафизику свойственно находить противоречия между «соответствием» и реальными противоречиями этого соответствия. Но этот человек не понимает того, что подлинное развитие только и мыслимо через разрешение противоречий. Противоречие движет миром!

Возражая тт., предлагающим вместо классовой культуры говорить о культуре общественно-экономической формации, я спрашивал их: откуда же появляется «культура переходного периода», если до этого перед нами была единая «культура капиталистического общества», а не господствующая буржуазная культура с противостоящими ей ростками культуры пролетарской? Ионов отвечает мне: «Если бы в буржуазной культуре была эта ваша пресловутая «согласованность», то тогда Октябрьская революция являлась бы абсолютно необ'яснимым феноменом, а все ваши разговоры о новом революционном «контексте» не стоили бы ломаного гроша, ибо «новому контексту» неоткуда было бы появиться».

Откровенно списав у меня доводы, направленные против него—Ионова, он—Ионов—напрасно почувствовал себя успокоенным. Напрасно, ибо лишний раз демонстрировал он свою неспособность рассматривать буржуазную культуру в ее развитии, во-первых, ибо «выпирание» техники происходит через борьбу классов и выражается в форме борьбы пролетариата против буржуазии, и социальная революция означает такую фазу борьбы пролетариата, когда он «прилаживает» и приводит в «соответствие» свою духовную культуру к материальной, к технике, отбирающейся им у капитализма. Но этим дело вовсе не кончается. Перед пролетарским государством встает вопрос о технической революции, так как вовсе мы не обязательно берем «капиталистическую технику, «материальный костяк» капиталистического общества и именно в данном его сочетании» (курсив Ионова). «решая технические задачи, поставленные еще капитализмом». Нет! Мы изменяем распределение общественной рабочей силы, мы создаем новое равновесие на основе все большего перераспределения производительных сил. Капитализм был рожден технической революцией, пролетарская революция происходит на базе неслыханного развития техники при капитализме, но перед ней только после победы во всю широту развертывается вопрос о проведении технической революции—на пути к уничтожению всякого классового общества.

Ионовские взгляды на буржуазную культуру, как на эклектическую мешанину (см. стр. 99 «Большевика» № 9—10), имеют явный политический смысл. Смазывание относительных «единства» и «целостности» реальной буржуазной культуры полностью увязаны с «не совсем удачными формулировками» Ионова. Такого порядка иронизирование над буржуазной культурой есть худший вид чванства недоучившегося схоластика,—шапками закидаем! Чего там, в самом деле, ежели на месте буржуазной культуры Ионов сегодня видит рассыпавшуюся кучу кирпичей. Этим Ионов мешает нам треснувшее, дряхлое, шатающееся здание буржуазной культуры на деле превратить завтра в кучу кирпичей.

отобрав многие из которых мы построим свое новое здание. При ионовском чванском отношении к буржуазной культуре не понять и ленинских и бухаринских [1]) положений об опасности перерождения в связи с вопросом о культуре. Может ли быть страшна эта куча кирпичей?! Отрицание классовости культуры имеет свою логику. Оно приводит или к преуменьшению или к забвению необходимости непримиримой классовой борьбы с буржуазией и ее духовной культурой.

Совсем плохо обстоит дело у Ионова с попыткой «истолковать» ясные и недвусмысленные цитаты, приведенные нами из статей Ильича. Ионов попытался создать двух Лениных: одного во время драки с бундовцами, а другого после нее. Как и во всякой другой области такая попытка и здесь обречена на неудачу. У Ильича закономерное развитие мыслей о культуре от положения о двух национальных культурах, буржуазной и пролетарской в каждой культуре, до лозунга культурной революции. Ионовская «диалектика» на поверку оказывается чистейшей схоластикой: одно определение оказывается у него оторванным от предыдущего и противоречащим ему. Гегель очень хорошо охарактеризовал «диалектику» Ионовых: «обыкновенно рассматривают,—писал он,—диалектику, как внешнее искусство, произвольно вносящее путаницу и кажущиеся противоречия в определенные понятия. ...Такая диалектика есть не что другое, как суб'ективная игра в доказательства и опровержения, которые не имеют никакого существенного содержания, и пустота которых прикрывается некоторым остроумием рассуждений». Если вместо остроумия сказать о потугах на остроумие—то не в бровь, а прямо в глаз [2])!

Разобрав содержание статей Ионова, мы нашли ключ и к его стилю—поняв его неизбежность—он в словах Гёте, сказанных совсем в другой связи, нет ничего внутри, ничего вовне, ибо что внутри, то и вовне.

---

[1]) Я не согласен в некоторых вопросах культуры с тов. Бухариным, но должен отметить, что статьи Ионова больше чем против меня направлены против точки зрения тов. Бухарина

[2]) На тему о Ленине и культуре в связи с рассуждениями Ионова см. нашу специальную статью в № 9 журнала «На Лит. Посту».

Письмо в редакцию.

Уважаемый тов. редактор!

В связи с статьей тов. Авербаха «Еще о классовой борьбе и вопросах культуры», представляющей собой ответ на наши статьи, печатавшиеся в №№ 3, 4, 9—10 и 12 Вашего журнала за текущий год, считаю необходимым заявить следующее:

1. Под именем «напостовского» течения в нашей литературе мы до сих пор понимали ту сумму взглядов на литературу и на задачи литературной партийной политики, которая нашла свое более или менее отчетливое выражение в резолюции, принятой по докладу тов. Вардина 1 всесоюзной конференцией пролетарских писателей (январь 1925 г.). Именно вокруг этой резолюции и завязалась литературная дискуссия. Против нее резко выступал тов. Бухарин (см. доклад Бухарина на литературном совещании при ЦК ВКП(б). Против нее же была направлена и статья тов. Яковлева («Большевик» № 11—12 за 1925 г.), открывшая собой литературный спор на страницах «Большевика». С ответом тов. Яковлеву выступила редакция журнала «На Посту», целиком и полностью защищавшая вардинские взгляды в статье «Ревизия ленинской теории культурной революции» («Большевик» № 15, за август 1925 г.).

Резолюцию 1 всесоюзной конференции пролет. писателей с глухой оговоркой на «перегибы палки»—защищал и т. Авербах в брошюре «За пролетарскую литературу», разбор которой мы дали в №№ 3, 4 Вашего журнала.

Тов. Авербах не только не думал критиковать вардинские тезисы, приложенные им к своей книге, в качестве официального документа, выражающего напостовские взгляды, но всю свою брошюру, в сущности говоря, посвятил доказательству совпадения вапповской резолюции с резолюцией ЦК. Вот почему, мы имели полное право рассматривать брошюру т. Авербаха, как расширенный комментарий к вардинским тезисам, сделав отсюда все соответствующие выводы.

2. Защищая в своей брошюре безоговорочно резолюцию Вардина, тов. Авербах уже в первом ответе на нашу статью сделал первый шаг в сторону общепартийных взглядов, заявив, что «в январских тезисах Вардина была дана совершенно неправильная характеристика литературных попутчиков». Мы тогда же поставили тов. Авербаху вопрос: отказывается он или нет от ошибочных тезисов Вардина? К сожалению, на этот вопрос, мы не нашли ответа в статьях т. Авербаха. Однако, ответ на него мы все же получили, правда, в другом месте. А именно—на ноябрьском (1926 г.) пленуме ВАПП'а—по крайней мере, поскольку мы можем судить по газетным отчетам, т. Авербах и его единомышленники признали ошибочным ряд мест в резо-

люции ВАПП'а, в том числе и вардинскую постановку вопроса о классовой борьбе. Полный отход тов. Авербаха и его сторонников на общепартийные литературные позиции окончательно еще не завершен. Тем не менее, как видно из указанных выше фактов, за последнее время в этом направлении сделан ряд существенных шагов, которые мы не можем не приветствовать.

Когда человек находится на пароходе, то ему иногда кажется, что отплывает не пароход, а пристань. Подобную же иллюзию питает и тов. Авербах, считая, что группа Вардина—Лелевича эволюционирует в сторону от напостовских взглядов, в то время как на деле вардинцы попрежнему остаются на старонапостовской мели.

3. Мы старались в своих статьях добросовестно разобрать все возражения нашего оппонента не только действительные, но и возможные. Авербах же в своем ответе по существу обошел все наши аргументы—в этом нетрудно убедиться, вновь пересмотрев нашу полемику. По ряду же других вопросов оппонент заявил, что им будет дан ответ в другом месте.

4. На основании всего вышеизложенного, констатируя вдобавок запальчивость тона нашего противника, переводящего дискуссию в плоскость личной перебранки, мы не считаем рациональным дальнейшее продолжение нашего литературного спора.

На ряду с этим мы еще раз заявляем, что наша формулировка о разжигании классовой борьбы — т. к., она давала возможность истолковать ее в духе а б с о л ю т н о ч у ж д о й н а м мысли о совпадении нашей идеологической политики с политикой экономической,—является ошибочной.

Что же касается того, что «годы революции у тов. Ионова ушли на учебу», то,—к сведению т. Авербаха,—Ионов числит в своем партийном опыте, помимо учения в ИКП, подполье, тюрьму, смертный приговор, работу в Красной армии и фронт.

С ком. приветом *П. Ионов.*

От редакции. *Помещая статью тов. Авербаха и письмо тов. Ионова, редакция констатирует, что:*

1) исправляя ошибки, допущенные в брошюре «За пролетарскую литературу», т. Авербах встает в основном на правильную позицию по отношению к попутчикам,

2) тов. Ионов признал ошибку, допущенную им в вопросе о разжигании классовой борьбы,

3) поэтому, несмотря на форму полемики, налицо существенное сближение взглядов тт. Авербаха и Ионова на основе резолюции ЦК по вопросам литературной политики,

4) что взгляды группы Лелевич—Вардин являются отражением в литературных вопросах настроений оппозиции,

и считает дискуссию на стр. «Большевика» по вопросам, уже решенным вышеуказанной резолюцией ЦК, законченной.

От Центрального Комитета ВКП(б).

В своей речи на расширенном пленуме ИККИ тов. Сталин после речи тов. Каменева, обвинявшего нашу партию в национал-реформизме, указал на ряд ошибок тов. Каменева, в том числе и на посылку приветственной телеграммы Временному Правительству и Михаилу Романову.

В ответ на это тов. Каменев прочитал заявление, в котором обвинял т. Сталина «во лжи» и «сплетне». С места тов. Каменев непрерывно заявлял о «лжи» и был поддержан тт. Троцким и Зиновьевым.

После этого т. Зиновьевым, «по поручению» его единомышленников, было послано в Политбюро ЦК заявление за подписями Зиновьева, Смилги и Федорова, с «категорическим настаиванием» на напечатании этого заявления в «Правде» (речь идет о заявлении, которое печатается ниже). В этом заявлении вышепоименованные товарищи стараются убежать от прямого ответа на прямой вопрос о телеграмме М. Романову и грубо и нелойяльно спекулируют именем тов. Ленина, зная **наверняка**, что Ленин считал необходимым пощадить в тот момент Каменева, так как последний признал свою ошибку; зная **наверняка**, что ссылка на «точную протокольную запись» прений не выдерживает критики, так как прения на **частных** совещаниях, где именно и обсуждался вопрос о телеграмме М. Романову, не записывались.

В виду этого в ответ на крикливое заявление оппозиционных лидеров, вызывающий и грубый тон которого тем более странен, что авторы заявления прочно убеждены в своей собственной вопиющей неправоте, ЦК решил опубликовать в «Большевике», на ряду с заявлением т. Зиновьева и других, ряд документов, а именно: выписку из газеты «Енисейский Край»; заявление т. Муранова с припиской т. Ольминского; заявление тт. Швейцер, Врублевского и Померанцевой; заявление ряда участников апрельской конференции.

Из **первых трех документов**, направленных против заявления т. Зиновьева и других, неопровержимо следует, что т. Каменев телеграмму на имя Львова и Родзянки с приветствием М. Романову составлял, ее оглашал на собрании и ее посылал; из **четвертого** же документа (заявление конферентов) неопровержимо вытекает, что этот вопрос послужил предметом дискуссий на частных совещаниях во время апр. конференции, и что только благодаря тов. Ленину, пощадившему тов. Каменева, поскольку последний признал тогда свою ошибку (а не кричал: «Ложь!»), Каменева удалось провести в ЦК.

Из всего этого можно сделать лишь то заключение, что выступления лидеров оппозиции на пленуме ИККИ по данному вопросу имели своею целью ввести братские партии, весь КИ

и ВКП(б) в прямое заблуждение. Эти выступления тем более политически неприличны, что лидеры оппозиции стараются прикрыть чудовищную ошибку тов. Каменева (посылку приветственной телеграммы М. Романову) и свою собственную попытку обмануть Коминтерн—именем т. Ленина.

Заявление тт. Зиновьева, Смилги и Федорова.

На апрельской 1917 г. Всероссийской Партконференции ЦК был избран в составе 9 членов: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Ногин, Милютин, Смилга, Свердлов, Федоров.

Из 9 избранных тогда членов ЦК трое умерло (Ленин, Свердлов, Ногин). В живых сейчас находятся 6 товарищей. Из них мы четверо заявляем, что версия Сталина, будто Ленин прикрыл «телеграмму» Каменева Михаилу Романову, бросает чудовищно-неверный свет прежде всего на самого Ленина. Всем известно, что Ленин был беспощаден к подобным поступкам и никогда не прикрывал их, а, наоборот, открыто перед партией, не стесняясь никакими личными отношениями, осуждал их. На самом же деле он на апрельской конференции, в числе первых же членов, предложил Каменева в ЦК. Каменев был выбран громадным большинством голосов; он получил при тайном голосовании только на 9 голосов меньше, чем Ленин. Таким образом, Каменев был избран в первый после революции ЦК Партии, в который вошло всего 9 человек—когда не избраны были ни Рыков, ни Бухарин.

Существует точная протокольная запись (она имеется и у Сталина, и у всех членов нынешнего Политбюро) закрытого заседания апрельской конференции, на котором выбирался ЦК. Ни одного слова о какой-то «телеграмме» Каменева сказано не было. С отводом выступил только один товарищ—Соловьев—но и тот ни одного слова ни о какой «телеграмме» не говорил. С защитой кандидатуры Каменева выступили Ленин и Ногин. Не могло бы быть и речи о выборе Каменева в члены ЦК, если бы Ленину или кому-либо другому было известно о какой-то «телеграмме» Каменева подобного характера. Если Сталин теперь утверждает, что он знал о такой «телеграмме» Каменева, то протестовал ли он тогда против помещения заявления т. Каменева в «Правде» от 8 апреля 1917 года, сказал ли он тогда об этом Ленину, сказал ли другим членам ЦК? Нет, не сказал! Сказал ли он об этом кому-либо из членов ЦК, когда Каменев в течение 10 лет избирался членом Политбюро, затем председателем Политбюро и т. д.? Нет, не сказал! Мог ли Ленин в июльские дни 1917 г. писать Каменеву интимнейшее дружеское письмо, поручая ему издать важнейшую свою работу, если его (Ленина) убьют враги? Нет, не мог! Мог ли Ленин впоследствии (незадолго перед смертью) поручать Каменеву весь свой архив и свои сочинения, если бы он знал о «телеграмме» Каменева Михаилу Романову? Мог ли ЦК Партии при Ленине давать Каменеву официальное поручение редактировать все литературное наследство Ленина, если бы кто-либо из членов ЦК знал за Каменевым такую «телеграмму»? Нет, не мог!

Вынести на трибуну Коминтерна такую вещь, вынести ее назавтра после политической речи Каменева, направленной против Сталина,—как назвать такое поведение?

Мы категорически заявляем, что вся версия Сталина, поддержанная Стасовой, лжива от начала до конца.

Мы уверены, что из числа оставшихся в живых участников апрельской (1917 г.) конференции многие—независимо от нынешних политических разногласий—не откажутся подтвердить, что на апрельской конференции (вопреки утверждению Сталина) о так называемой «телеграмме» Каменева не было и речи.

Члены ЦК, выбранные на апрельской (1917 г.) конференции:

Г. Зиновьев.
И. Смилга.
Гр. Федоров.

(Четвертым из избранных тогда членов ЦК был Л. Каменев).

16/XII—1926.

* * *

Документы, публикуемые ЦК в ответ на заявление тт. Зиновьева, Смилги и Федорова.

I.

Перепечатка из газеты „Енисейский Край", № 53 от 8 марта 1917 года.

«В дни великих событий в Красноярске и в губернии. Ачинск в исторические дни».

Оратор начал с рассказа о том, как он попал в Ачинск. Был одним из редакторов рабочей газеты, работал для освобождения рабочего класса и был близок к депутатам рабочего класса, а в результате—суд и ссылка. И хотя оратор мало знаком с местной ачинской жизнью, но тем не менее он надеется, что в эту историческую минуту собрание позволит ему сказать несколько слов.

Собрание ответило на заявление гр-на Каменева дружными аплодисментами и возгласами: «просим!».

Оратор произносит стильную, яркую речь. Бесчисленное множество раз речь его прерывается шумными аплодисментами. Сущность речи может быть формулирована следующим образом:

Задача дня—укрепление нового правительства, безусловная его поддержка, выполнение всех его распоряжений. А для этого необходимы спокойствие, выдержка, единение; нужна организованность, необходимо сознать себя гражданами, необходимо из людской пыли, превратиться в людской гранит.

Воля народа должна получить свое выражение в Учредительном Собрании. Оратор приветствует Временное Правительство, взявшее на себя задачу организации Учредительного Собрания. Он приветствует великого князя Михаила Александровича не как великого князя, а как гражданина России—за то, что он из рук отрекшегося от власти императора не принял корону и вопрос

о форме правления предоставил на разрешение Учредительного Собрания.

Оратор не закрывает глаз на то обстоятельство, что людей, сегодня об'единившихся в борьбе со старой властью, очень многое разделяло вчера и очень многое будет разделять завтра. Но сейчас все то, что разделяет, отходит на задний план; сейчас остается единственная задача: окончательное разрушение старого порядка, упрочение новых форм жизни, создание новых условий для общественной работы.

Даже вопрос о войне, вопрос, по существу которого оратор сейчас своего взгляда высказывать не будет, даже этот вопрос в настоящее время не может являться предметом споров. Война продолжается; армии стоят на фронтах; война будет продолжаться, пока Учредительное Собрание не разрешит вопроса о ней. Может быть, оно найдет нужным поставить вопрос о мире, может быть, оно найдет возможным заключить мир без Армении, Константинополя и Босфора, может быть, оно скажет: «довольно крови, довольно жертв!» (бурные продолжительные аплодисменты). Но сейчас, в данную минуту, не этот вопрос является основным, не вопросы внешней политики требуют немедленного разрешения, а вопрос внутренней жизни, вопрос об упрочении в России нового порядка.

В заключение гр-н Каменев предложил собранию выработать и послать новому правительству приветственную телеграмму. Предложение было принято единогласно. Для выработки текста резолюции была избрана комиссия в составе Ю. Каменева, городского головы и некоторых других граждан.

«Вечная память» павшим борцам за свободу.

Комиссия удалилась для выработки текста приветственной телеграммы. Собрание продолжается. Один из присутствовавших обращается к собранию с кратким словом, посвященным памяти павших борцов за дело освобождения России. Все собравшиеся встают, весь зал поет «вечную память».

Приветственная телеграмма.

Комиссия окончила свою работу, и гражданин Каменев оглашает единогласно принятый комиссией текст приветственной телеграммы:

«Председателю Совета Министров Львову. Председателю Исполнительного Комитета Государственной Думы Родзянко.

Экстренное собрание, созванное городским общественным управлением в составе представителей всех общественных, воинских частей и граждан города Ачинска постановило признать Исполнительный Комитет Государственной Думы и новый Совет Министров и принимать к руководству и исполнению распоряжения нового правительства. Кроме того, постановлено просить передать приветствие гр-ну России великому князю Михаилу Александровичу, показавшему пример подчинения воле народа в Учредительном Собрании».

Вносится поправка: «при участии нижних чинов и офицеров всех воинских частей». Поправка вызывает горячие, страстные продолжительные дебаты... В конце концов поправка принимается, а затем и вся приветственная телеграмма.

II.

Заявление тов. Муранова.

(С припиской т. Ольминского).

Выступление т. Петровского на июльском пленуме ЦК и ЦКК и выступление т. Сталина на VII расширенном пленуме ИККИ по поводу приветственной телеграммы т. Каменева Михаилу Романову и безнадежные попытки т. Каменева опровергнуть этот факт заставляют меня дать нижеследующую справку:

Тотчас после получения в Сибири первых сведений о свержении царского самодержавия в городе Ачинске в местном городском собрании состоялся массовый митинг. По предложению т. Каменева я был избран председателем этого митинга. В качестве основного докладчика по вопросу о текущем моменте выступал т. Каменев. Содержание его речи, приведенное в газете «Енисейский Край» в № 53 от 8-го марта 1917 года, передано совершенно правильно. После горячего выступления т. Каменева, митингом была избрана комиссия, в состав которой вошли: тов. Каменев, начальник Ачинского гарнизона полковник Мартынов, командир полка, городской голова, мировой судья и крупный купец Максимов. Текст телеграммы, единогласно принятый комиссией, был оглашен на митинге самим т. Каменевым. В этой телеграмме на ряду с приветствием Временному Правительству содержалось приветствие Михаилу Романову. Текст этой телеграммы, напечатанный в том же номере газеты «Енисейский Край», вполне соответствует действительности. Телеграмма была послана на имя председателя Временного Правительства и Родзянко от имени митинга.

Муранов.

17/XII—26 г.

Приписка т. Ольминского.

«Обо всем этом я слышал в марте 1917 года, будучи одним из редакторов «Правды».

М. Ольминский»

19/XII—26 г.

III.

Заявление тт. Швейцер, Врублевского и Померанцевой.

Мы, бывшие ссыльные г. Ачинска, в целях восстановления тех обстоятельств, при которых состоялся факт посылки приветственной телеграммы Временному Правительству и Михаилу Романову 3 марта 1917 года, считаем своей партийной обязанностью сделать следующее заявление.

После получения первых сведений в Ачинске о Февральской революции в местном городском собрании состоялся общегражданский митинг, на котором председательствовал т. Муранов. С речью о значении происходящих событий выступил т. Каменев. Настроение митинга было чрезвычайно приподнятое. Тов. Каменев говорил с большим под'емом, призывая всех к единению и поддержке нового Временного Правительства. Смысл речи тов. Каменева был таков: главной задачей момента является об'единение всех вокруг поддержки нового правительства, несмотря на

политические разногласия, которые разделяли и будут разделять общество. Также т. Каменев говорил о продолжении войны до решения Учредит. Собрания. Содержание речи т. Каменева, как мы хорошо помним, было в общем либерального характера и вызвало огромное удовлетворение всех граждан г. Ачинска. Митинг закончился посылкой приветственной телеграммы Временному Правительству и Михаилу Романову по случаю его «отказа» от престола, составленной комиссией, в которую входил и Каменев вместе с начальником гарнизона, полковником Мартыновым, с бывшим городской головой и с другими «видными» представителями местных граждан, фамилии которых мы не помним. После этого, 5 или 6 марта в своей квартире местный крупный купец Максимов устроил банкет, на котором был и т. Каменев. Все большевики Ачинской ссылки были недовольны поведением т. Каменева.

Чл. ВКП(б) с 1905 г. п. б. 460973 В. Швейцер.
Член ВКП(б) с 1904 г. п. б. 127964 Ф. Врублевский.
Чл. ВКП(б) с 1903 г. п. б. 21223 А. Померанцева.

17 декабря 1926 г.
Москва.

IV.

Заявление группы делегатов на апрельской партийной конференции 1917 года.

В виду того, что тов. Л. Б. Каменев на заседании VII расширенного пленума ИККИ 15 декабря с. г. осмелился публично отрицать общеизвестный факт посылки им совместно с ачинскими купцами коллективной телеграммы, приветствующей Михаила Романова, что имело место в марте 1917 года, мы, делегаты апрельской партийной конференции 1917 года, считаем своим партийным долгом довести до сведения братских коммунистических партий, представленных на VII расширенном пленуме, нижеследующие факты:

1) на заседании отдельных делегаций апрельской конференции, в частности на заседании Питерской и Московской делегаций, при обсуждении списка первого легального ЦК, со стороны многих делегатов был заявлен категорический отвод кандидатуры тов. Каменева, в виду его компрометирующего поведения на суде думской фракции и участия в посылке телеграммы, приветствующей Михаила Романова;

2) в виду крайне резкого настроения подавляющего большинства делегатов конференции против тов. Каменева в связи с телеграммой, руководящему ядру конференции во главе с тт. Лениным и Сталиным пришлось созвать два закрытых заседания старых большевиков-ленинцев, где т. Ленин отстаивал и с трудом отстоял кандидатуру т. Каменева в члены ЦК;

3) наконец, сам т. Каменев, отлично осведомленный обо всех перипетиях борьбы против его кандидатуры, не сделал ни малейшей попытки для опровержения факта своего участия в посылке ачинской телеграммы на имя Михаила Романова. Опровержение этого факта в тот момент, под свежим впечатлением телеграммы, не составлявшей секрета ни для одного из участников конференции, было абсолютно невозможным.

Попытка тов. Каменева ввести в заблуждение делегатов VII расширенного пленума ИККИ путем голого отрицания неоспоримого и всем известного факта представляет собою совершенно небывалое в нашей партии явление, угрожающее навсегда скомпрометировать политическую честность и партийную репутацию тов. Каменева.

Ф. Раскольников (делегат от Кронштадтской организации).
А. Бубнов (от Московской организации).
В. Соловьев (делегат Моск. окруж. организ.).
С. Косиор (делегат Петербург. гор. орг.).
Ф. Земит (делегат Одесской орг.).
З. Ангаретис (дел. Петербургской орг.).
Н. Подвойский (делегат от Военной организации большевиков).
Лацис (дел. Петр. орг.).
В. Куйбышев (дел. Самарской организации).
Н. Брюханов (дел. от Уфимской организации).
Г. Бокий (секретарь Пет. Ком.).
Елена Стасова (секретарь Бюро ЦК).
Сергей Богдатьев (Питерская орг.).
Василий Шмидт (секретарь ПК).
С. Гопнер (дел. от Екатеринослава).
П. Рабчинский (дел. от Эстляндской губ.).
В. Сахаров (делегат от Московской организации).
В. Залежский (от ПК).
М. Савельев (агент русского Бюро ЦК).
Е. Розмирович (военн. организация при ЦК).
Ворошилов (делегат от Луганска).
В. Молотов.
Г. Ломов (Оппоков).
Ф. Голощекин.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«ИСТОРИК-МАРКСИСТ», №№ 1 и 2. 1926 год. Издательство Коммунистической Академии. Москва. Т. I. 326 стр. Цена 3 руб. Т. II, 291 стр. Цена 3 руб.

Рецензируемый журнал является органом «Общества историков-марксистов при Коммунистической Академии». До сих пор вышло всего только два номера, но они уже дают достаточное представление о характере журнала. Журнал посвящен разработке вопросов мировой истории. Напечатанные статьи посвящены не только проблемам «русской» истории, но и проблемам Запада и Востока.

В первом номере напечатаны статья М. Н. Покровского о задачах общества, три стенограммы докладов и прений о революции 1905 года, одна статья о декабристах, три статьи о французской революции, и две статьи посвящены Востоку, и ряд др. материалов.

В блестящей по форме и очень интересной по содержанию статье М. Н. Покровского дается общий очерк развития исторического материализма в России от Щапова и Чернышевского—материалистов «первого призыва»—до настоящего времени. В прошлом наша историография очень часто грешила по части экономического материализма. Общество историков должно теперь «изживать» «экономический материализм». В качестве «первейшей» задачи историков настоящего поколения Покровский считает исправление ошибок старой историографии со стороны фактической и со стороны классового анализа.

«Наш рабочий и наш крестьянин должны, наконец, иметь в руках книгу, которая изображала бы их прошлое не как дело хозяев и чиновников, а как их собственное дело, дело рабочих и крестьян».

Из статей по «Западу» очень интересна статья т. Фридлянда (напечатано в обеих книгах). «Классовая борьба в июне—июле 1793 года». Он исследует развитие революции «под углом зрения созревания буржуазного общества». Статья О. Л. Вайнштейна—«Парижская Коммуна и Французский банк» выясняет интереснейшую деталь, почему Коммуна не конфисковала средства буржуазии. Это являлось одним из условий ее поражения. К моменту революции в Парижском банке находилось «ценностей на сумму около 3 млрд. франков». Из этих громаднейших средств Коммуна получила на организацию революции только 16 млн. франков, когда контрреволюционное правительство Тьера за два месяца получило 257.790.000 франков. Исследуя всю политику Коммуны, т. Вайнштейн пришел к выводу, что отношение Коммуны к Банку есть отношение к буржуазии. «Либо захват Банка—и тогда разрыв со всеми ее, даже левыми, радикальными элементами и со всем «миром деловых отношений», либо нейтралитет, даже поддержка этих элементов,—но тогда неприкосновенность Банка и других кредитных учреждений». Коммуна пошла по последнему пути. Боясь разорвать с буржуазными попутчиками, она фактически давала возможность усилиться контрреволюции. Интересна статья К. П. Добролюбского—«Термидорианская реакция»; однако, написана она не по первоисточникам и может явиться лишь добавочным материалом по данной теме.

Востоку посвящены две статьи: Ф. Ходжаева—«О младобухарцах» и М. П. Павловича—«Революция 1905 года и Восток». Обе статьи

трактуют интереснейшие темы, но обе страдают одним недостатком—поверхностностью анализа и слабым использованием первоисточников. Статья т. Ходжаева по изложению и анализу часто сбивается на воспоминания или на легкую публицистическую статью, а не на научную работу. Тов. Павлович слишком широко поставил вопрос. Он задевает Персию, Китай, Турцию, Индию, при этом каждой стране отведено 1 или $1^1/_2$ страницы, поэтому, естественно, что общие социологические обобщения преобладают над конкретным историческим материалом.

Теперь перейдем к «русским» темам.

Статья М. В. Нечкиной—«Общество Соединенных Славян» представляет автореферат ее большой работы на ту же тему. Она очень интересна по содержанию, написана на основании изучения нового архивного материала и дает освещение той струи «декабризма», о которой мы почти ничего не знаем. Работа Нечкиной дает возможность более полно представить характер заговора «декабристов». «Соединенные Славяне»—самая левая группка, которая подняла восстание Черниговского полка.

При всех достоинствах эта работа страдает одним недостатком: автору надо от «экономического материализма» перейти к диалектическому. Следы первого оказываются в общесоциологической характеристике «Соединенных Славян», которая,—кстати сказать—осталась совершенно оторванной от общего изложения и анализа. Нечкина считает, что «Общ. Соед. Слав.»—одна из первых страниц истории русской интеллигенции эпохи промышленного капитализма». Доказательства этого тезиса более чем странные. Анализируя общественное положение «славян», она пишет: «Можно наметить три основных типа славян: поручик или вообще военный мелкого чина; безземельный и «бескрестьянный»—одним словом, бывший дворянин; отставной военный в малом чине, служащий на частной службе, или мелкий шляхтич, нашедший «приватное» занятие у богатого графа—тоже, конечно, без земли и без крестьян, и, наконец,—недворянин, служащий в канцелярии или на какой другой службе. Все живут на жалованье—это типично».

Верно последнее, что все живут на жалованье, но какими судьбами мелкий чиновник государственного аппарата, служащий графа, или разорившийся дворянин становились интеллигентами «эпохи промышленного капитализма»—это может об'яснить только Нечкина. Ни характер эпохи, ни происхождение «славян» (большинство по Нечкиной украинцы)—ничто не подтверждает ее точку зрения. Она просто совершила большой исторический скачок—на полвека—и совершенно зря свою «социологию» привязала к славянам. Эта часть ее рассуждений органически не сливается с последующим анализом. А все оттого, что неумело подвела «экономический базис» и впала в ту погрешность, освободиться от которой советует М. Н. Покровский в своей первой статье.

Из тем, посвященных революции 1905 года, наибольшим интересом отличаются доклад и прения о советах и о крестьянском движении. Доклад С. И. Черномордика—«Декабрьское вооруженное восстание» ничего нового не дал с фактической стороны, но зато многое в докладе напутано и в оценке характера революции и в ряде других вопросов. Ораторам пришлось исправлять ошибки докладчика. Вместо того, чтобы сосредоточить внимание на центре темы—декабрьском восстании в Москве—докладчик занялся фантастикой: «что произошло бы в случае победы декабрьского восстания?».

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, т. Черномордик «углубил» Ленина по вопросу о характере революции 1905 года. В докладе он говорил «в 1905 году была не одна революция, а две революции. Это

революция в октябре, когда все классы нашей страны принимали участие, так называемая национальная революция, и декабрьская революция—пролетарская революция... Далее. Февральская революция 1917 года, есть продолжение октябрьской забастовки 1905 года, т.-е. той революции, в которой принимали участие все классы общества. Продолжением декабря 1905 г. является октябрь 1917 г. Это—вторая пролетарская революция, которая является продолжением декабрьского восстания, первой пролетарской революции» (стр. 241).

Одна эта цитата показывает, что товарищ запутался: он не понял, что значит национальная революция, он оторвал крестьянское движение от рабочего, «углубил» ленинское определение характера революции и благополучно скатился к перманентной революции Троцкого. Особенно ясно это сквозит, когда он «анализирует» ту форму власти, которую пришлось бы установить после того, как декабрь дал бы победу пролетариату. Он забывает ленинскую постановку вопроса о революционно-демократической диктатуре и перебрасывает мостик к перманентной революции. Тт. Покровский, Шестаков отметили основную ошибку докладчика, но он не согласился с их критикой.

Вокруг интересного доклада т. Горина развернулись содержательные прения, которые без сомнения способствуют выяснению вопроса «Чем же были Советы Раб. Деп. в 1905 году». Вполне соглашаясь с общей точкой зрения докладчика, который дал отповедь «ультиматизму» Богданова и Т. З. Рожкову, пытавшемуся смешать советы с рядом других рабочих организаций, считаю необходимым указать на ряд неточностей в докладе.

На стр. 205 читаем: «В противовес большевикам, указывавшим, что революция 1905 года не может быть включена в рамки только чисто буржуазной революции, меньшевики ее рассматривали именно как революцию буржуазную, и буржуазию—как руководящую силу». Если автор подчеркивает различие в оценке характера революции, то он неправ, т. к. и большевики и меньшевики оценивали ее как буржуазную. Если же он подчеркивает ту мысль, что меньшевики не понимали особенностей нашей буржуазной революции со стороны основных движущих сил, то надо выразить это яснее. На следующей странице (206) он не совсем точно излагает взгляды Троцкого на революцию 1905 года. Отметив большевистскую и меньшевистскую точку зрения на революцию, он продолжает: «Нередко склонны думать, что т. Троцкий оценивал революцию 1905 года, как социалистическую. Это неверно». Дальше Горин цитирует Троцкого и делает выводы о его пессимизме и скатывании к меньшевизму. Дойдя до меньшевизма, он так и не дает ответа, как оценивал Троцкий характер революции. Троцкий ошибался в оценке движущих сил и характера революции, о чем Горин не пишет. Смысл «перманентной» революции и заключается в том, что она перепрыгивала через революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян к рабочему правительству.

Еще одно маленькое замечание относительно Петербургского Совета (215). Выступая против «увлечения Петербургским Советом», Горин перегибает палку в другую крайность, когда пишет, что он «в своем развитии остался далеко позади ряда многих других советов». Об'ективное изучение истории других советов вовсе не требует умаления значения Ленинградского Совета. Наконец, последнее замечание: т. Сверчков совершенно прав, когда считает ошибочной, по сути дела, бойкотистскую тактику по отношению к советам, которую проводил ЦК с Богдановым до приезда Ленина. Горин считает эту тактику верной, аргументируя необходимостью борьбы с меньшевистской опасностью. Здесь Горин не сводит концов с концами.

В докладе—«Крестьянство в революции 1905 г.» С. Дубровский на основе фактического материала показал скачкообразный процесс развития крестьянского движения и его отставание от развития рабочего движения. Эта неувязка и являлась «одной из основных причин поражения всей революции 1905 года». Переходя к участникам и организаторам движения, Дубровский устанавливает значительную роль кулаков, которые часто были «организаторами и даже идеологами» движения. В дискуссии дополнили основную точку зрения Дубровского: при анализе характера крестьянского движения надо исходить из особенностей районов, а М. Н. Покровский подчеркнул очень важное влияние «пролетарской революции на деревню, влияние рабочих».

Вот в основном содержание первого номера. Следует отметить хорошо поставленный отдел библиографии.

Общая структура второго тома, примерно, одинакова с первым. Важным дополнением являются две статьи о преподавании истории в вузах общественных и технических. 50-летие смерти Бакунина отмечено двумя статьями наших лучших «бакунистов»—тт. Полонского и Ю. Стеклова. Тов. Полонский предметом исследования своей статьи взял один вопрос—«Бакунин в Первом Интернационале». Эта тема чрезвычайно важная, и развита она автором очень хорошо. Он показывает грандиозный замысел Бакунина захватить руководство Интернационалом. За легальным «альянсом» у Бакунина скрывался план организации законспирированного «тайного интернационала». Полонский показывает, что Бакунин рассматривал тайный альянс «дополнением к интернационалу». Одно из соображений, толкавших на организацию альянса, была уверенность в том, будто, кроме генерального совета интернационала, существовала нелегальная организация во главе с Марксом.

Связывая организационные взгляды Бакунина с общей системой взглядов этого революционера, Полонский дает следующую классовую характеристику: «Бакунин был не зачинателем нового, каким его считали и продолжают считать анархисты, но завершителем *старого*; он был *самым крупным, самым ярким и выдающимся представителем ушедшей в прошлое мелкобуржуазной революции допролетарского периода»*...

Если Полонский рассматривал Бакунина как международного революционера на европейской арене, то Ю. Стеклов в статье «Бакунин и подготовка нечаевского дела» выясняет влияние Бакунина на развитие русского революционного движения. Стеклов, кажется, совершенно бесспорно установил, что «настоящим идеологом «нечаевщины» был вовсе не Нечаев, именем которого окрещено это движение, а Бакунин». Не совсем ясно, кем же считает Стеклов самого Нечаева, «бакунинцем» или «ткачевцем». В одном месте он у него выступает то в одном свете, то в другом. Более категорическое заявление необходимо в виду той полемики, которая связана с Нечаевым. Из статьи остается такое впечатление, будто Стеклов склонен считать его ткачевцем (стр. 48 и 49).

Статья А. Шестакова—«Восстание в Средней Азии в 1916 г.» освещает интересный момент широкого национального движения, которое происходило с лета 1916 года и продолжалось до Февральской революции. Автор критикует точку зрения исследователей, которые провокационную политику правительства кладут в основу об'яснения этого движения. Сам автор приходит к выводу, что движение было направлено против «колониальной политики русского империализма» и против мобилизации населения в тыловые дружины армии.

Интересная статья Гурко-Кряжина об английской интервенции в 1918—19 гг. в Закаспии и Закавказье вскрывает причины английского захвата, которые ничего общего не имеют с официальной версией—защита Индии от центральных держав. Настоящей причиной является стремление английского империализма захватить Персию, изолировать ее и Афганистан от влияния революционной России и помешать Турции произвести захват Баку. Интересно было бы эти местные причины вставить в рамку советской политики Англии к советскому государству, сравнить с северной интервенцией. А то у т. Кряжина получается как-то так, будто англичане к нам «по пути» забрели. Шли на империалистический захват наших восточных соседей и кстати забрались в пределы советского государства.

Из содержания второго тома следует отметить доклад Н. А. Рожкова «К методологии истории промышленных предприятий». Он имеет большое научное значение. В нем Н. А. поделился результатом своей работы над архивом Прохоровской мануфактуры за большой промежуток времени. Проработка архивного материала фабрик дает возможность проверить схему развития капитализма в России.

Подведем некоторые итоги. Со стороны научной журнал находится на должной высоте. Совершенно правильна линия журнала освещать историю не только России, но и Запада и Востока. Вполне серьезно поставлен отдел библиографии и рецензий на историческую литературу. Можно рекомендовать усилить освещение методических и программных вопросов истории в вузах. Минус журнала—неаккуратный выход его. Надо добиться, чтобы журнал выходил более регулярно и не реже чем 1 раз в два месяца. Можно пойти на сокращение об'ема, но сделать его выпуск более аккуратным. В подборе материала можно усилить целевую установку номера. Необходимо добиться, чтобы исторический журнал имел не только научное значение, но и политическое, а для этого усилить освещение Октябрьской революции и истории ВКП(б).

Арк. Сидоров.

ТРАГЕДИЯ БУРЖУАЗНОГО СОЦИАЛ-РЕФОРМАТОРА.

Джон А. Гобсон. — «Эволюция современного капитализма». («Evolution of Modern Capitalism». J. H. Hobson. London. 1926).

На ряду с книгой «Империализм», «Эволюция современного капитализма» является лучшим экономическим трудом известного английского экономиста Дж. Гобсона. Основная часть работы, переведенной на русский язык еще в 1898 году, осталась неизменной. В 1916 г. вышли новое издание этой книги, в которой была добавлена глава «Промышленность XX столетия», охватывающая довоенный период. С этого издания появился недавно перевод на русском языке. Летом 1926 г. автором было выпущено новое издание, которое в части последней главы было переработано и дополнено новыми данными. Это издание особенно интересно потому, что в ней автор попытался дать анализ послевоенного развития капитализма.

Мы не будем останавливаться на основной части книги, поскольку она хорошо известна нашему читателю.

Ограничимся приведением краткого отрывка из рецензии В. И. Ленина на эту книгу, написанной в мае 1899 года («Начало», № 5):

«К «современному капитализму»,—писал Ленин,—он (т.-е. Гобсон, *М. И.*) относится критически, вполне признавая необходимость замены его высшей формой общественного хозяйства и относясь к вопросу об этой замене с типично-английской реформаторской практичностью. К убеждению в необходимости реформы он приходит более путем эмпирическим, под влиянием новейшей истории английского фабричного законодательства, английского рабочего движения, деятельности английских муниципалитетов и пр. Стройных и цельных теоретических воззрений, которые бы служили базисом для его реформаторской программы и освещали частные вопросы реформы, у Гобсона нет. Поэтому наиболее силен Гобсон в тех случаях, когда дело идет о группировке и описании новейших статистических и экономических данных. Наоборот, когда дело касается общетеоретических вопросов политической экономии, Гобсон оказывается очень слабым».

И далее:

«При оценке несколько оптимистических взглядов Гобсона на способ осуществления... «реформы» необходимо принять во внимание особенности английской истории и английской жизни: высокое развитие демократии, отсутствие милитаризма, громадную силу организованных трэд-юнионов, растущее помещение капитала вне Англии, ослабляющее антагонизм между английскими предпринимателями и рабочими, и пр.» (Ленин. Сочинения, II изд., II том, стр. 389 и 391).

С тех пор, как это было написано, прошло почти 30 лет, и многое изменилось в развитии капитализма за это время, в частности, в развитии Англии.

«Высокое развитие демократии», «отсутствие милитаризма» в Англии кануло в вечность. Империализм, изучение которого составляет, кстати, большую заслугу самого Гобсона (см. его «Империализм»), достиг своего апогея (имп. война). Империалистическая война, послевоенная разруха, перегруппировки среди великих держав, принесли с собой массу нового материала для научного изучения.

К чему же приходит Гобсон сейчас?

Он начинает свою новую часть с указанием на эволюцию организационных форм капиталистического хозяйства за последние 10 лет и на чрезвычайное усиление финансового капитала, особенно в Англии. Уже до войны, говорит автор, более половины промышленных предприятий в Англии имели форму акционерных обществ. За последние 10 лет выросло новых 20.000 акционерных обществ, при чем огромное число частных фирм приняло акционерную форму. Усилился процесс концентрации промышленности и банков. Он цитирует заключительную часть отчета Комитета по трестам, опубликованного в 1919 году, которая гласит: «Мы констатируем, что число промышленных об'единений быстро увеличивается в этой стране, и в недалеком будущем им будет принадлежать контроль над всеми важнейшими отраслями английской промышленности» (стр. 347).

Автор не без основания предвидит в дальнейшем рост концентрационного движения. «Война,—пишет он,—дала урок английским промышленникам и финансистам, показав им, что если нация хочет удержать свои позиции в новых условиях развития мировой промышленности и торговли, она должна встать на путь концентрации промышленности» (стр. 347). Одновременно с этим он указывает на неизбежный рост числа международных об'единений, одну из причин которого он видит в протекционной политике европейских государств, мешающей свободной торговле. Автор правильно видит огромную опасность для рабочих и широких масс потребителей—в создании мировых об'единений.

Необходимо во-время начать борьбу против таких монополистических об'единений, и автор не сомневается, что эту задачу возьмут

на себя европейские правительства, а особенно Лига Наций. Автор совершенно упускает из виду, что правительства, к которым он взывает— являются не чем иным, как ставленниками организаторов этих международных трестов.

Но это правильное констатирование фактов, с одной стороны, и беспомощные рецепты с другой—характерны вообще для автора.

В результате этого сжатого, но чрезвычайно богатого фактическим материалом, анализа тенденции развития организационных форм современного капитализма, автор констатирует, что в настоящее время господствующее положение в капиталистическом государстве принадлежит небольшим группам лиц, которые в первую очередь контролируют кредитную систему и, таким образом, руководят всем народным хозяйством. Переходя затем к общим проблемам мирового хозяйства, автор констатирует глубокий затяжной кризис. Он приводит новейший цифровой материал, рисующий падение размеров производства в тяжелой индустрии, уменьшение оборотов внешней торговли, уменьшение национального дохода всех европейских стран.

В чем же причина мирового кризиса? Основной причиной, по мнению автора, является—чрезвычайно слабая покупательная способность населения. Проблема рынка вот основная проблема, в плоскости которой нужно искать разрешения кризиса. И тут автор указывает выход из создавшегося кризиса! Необходимо, во-первых, лучшее перераспределение народного дохода с тем, чтобы увеличить в нем долю широких масс населения и, во-вторых, в корне перестроить технику производства, поскольку при теперешней системе производства, особенно в Англии, производительность чрезвычайно низка, и в результате—изделия промышленности становятся недоступными для потребителя. Увеличить доход широких масс населения и понизить цены на промышленные изделия: только тогда мировой капитализм может выйти из тупика—таковы основные выводы автора.

Но как добиться этого при существующем капиталистическом строе? И совершенно неожиданно автор вытаскивает на свет старое средство, которое, по его мнению, блестяще разрешит поставленные им две проблемы. Это средство не более, не менее, как участие рабочих в прибылях капиталистического предприятия. Таким-де путем увеличится доход рабочего класса, поднимется его покупательная способность, а с другой стороны, заинтересованность рабочих в капиталистическом предприятии примирит классовые противоречия и этим создаст предпосылки для увеличения производительности труда. До сих пор, жалуется автор, «рабочий не имеет никакого интереса в капиталистическом предприятии, так как в любой момент он может получить недельное предупреждение об увольнении, и таким образом его «интерес» к предприятию кончается» (стр. 479).

А между тем для реорганизации промышленности на более высоком техническом базисе «необходимы более мирные отношения между трудом и капиталом, работодателями и рабочими». Выдвигаемая, таким образом, автором система сразу убивает двух зайцев! Правда, автор настолько великодушен, что считает нецелесообразным полностью заменить систему заработной платы—системой участия в прибылях, так как рабочие не должны целиком разделять с предпринимателями весь риск возможных убытков, которым подвергается предприниматель, «но система заработной платы может быть усилена участием в прибылях, что будет стимулировать большую производительность труда, создающую прибыль».

Но вслед за этим откровением, трезвый экономист побеждает в Гобсоне буржуазного социал-реформатора. На анализе уже сделанных, в Соединенных Штатах и в Англии, опытов так называемого копартнершипа, автор в дальнейшем приходит к выводу, что вряд ли это движение сможет что-либо улучшить в отношениях между рабочими и предпринимателями. Сбережения рабочего класса настолько незначительны, что он не в состоянии приобретать акции в больших размерах и таким образом, лишен возможности почувствовать себя «хозяином» капиталистического предприятия. И вслед за этим автор меланхолично замечает «мы должны искать других средств исцеления недовольства и низкой производительности труда». Он упоминает затем различные современные теории примирения труда с капиталом, но доказывает, что они являются несостоятельными.

Наконец, он останавливается на социалистическом движении. Очень интересна характеристика, даваемая автором современным социалистическим партиям Европы. «Как в Великобритании, так и в каждом промышленном государстве, исключая Америки, существуют могущественные политические партии, формально преданные социализму. Но они очень далеки от того, чтобы сбросить частный капитализм и заменить его социалистическим государством. Они в гораздо большей степени оппортунистичны и компромиссны (стр. 485). Но, по мнению автора, политика социалистических партий вполне отвечает убеждениям современных европейских наций, поскольку «отвращение к централизованной автократии и известные глубокие дефекты этой системы, делают невозможным принятие какой-либо западно-европейской нацией целиком системы обобществления собственности» (стр. 485).

Характерно указание автора на неприемлемость социализма для западно-европейских наций. Автор, безусловно, знает об успехах социалистического строительства в СССР, но, по всей вероятности, считает, что на Востоке действуют другие законы развития общественных форм. «Но, если,—по мнению автора,—плох социалистический строй в целом, то безусловно неизбежно движение, хотя, по всей вероятности, не быстрое, направленное к замене частной собственности—общественной собственностью—в основных отраслях народного хозяйства» (стр. 486). И дальше—автор доказывает, что в интересах развития народного хозяйства необходима национализация земли, горной промышленности, железных дорог, банков и страховых обществ. Несколько ранее он говорит о том, что «электропромышленность также должна находиться в руках государства». Одновременно с этим автор указывает, что дело народного образования, общественной гигиены и медицины должно перейти в ведение государства. Перед нами довольно широкая программа национализации. Автор видит неизбежность ее проведения в жизнь, но у него нехватает мужества сказать, что в интересах подавляющего большинства населения эти мероприятия нужно провести немедленно и революционным путем.

Вторая проблема, на которой останавливается автор—это опасность новых военных столкновений. В экономическом национализме, который присущ современным государствам, он видит колоссальную опасность для мира!

В борьбе за свои частные интересы, отдельные финансовые и промышленные группы могут использовать свое влияние на государственную машину, и этим создать угрозу новых войн. «Если приподнять завесу,— пишет автор,—над всеми недавними дипломатическими конфликтами в Египте, Персии, Трансваале, Триполи, Марокко, Мексике, Китае и на Балканах, то мы увидим, что настоящей причиной всех политических выступлений являлись экономические факторы: желание приобрести торго-

вые пути и гавани, борьба за рынки и главное желание установить контроль над нетронутыми ресурсами огромных отсталых стран с их избытком дешевого труда и их слабыми или подкупными правительствами» (стр. 491). Такая борьба между государствами продолжается и теперь, и автор выдвигает—в целях прекращения ожесточенной борьбы империалистических государств—новое средство, которое, по его мнению, поведет к вечному миру на земле. Он считает, что вместо того, чтобы спорить и драться из-за каждого лакомого кусочка, европейские государства должны были бы об'единиться и действовать совместно при сношении с правительствами и народами таких стран, в роде Китая, которые созрели для капиталистического развития—при условии притока в них иностранного капитала.

Такая программа пришлась бы по вкусу любому империалисту из английского Форейн Оффис. Но автор идет еще дальше, он указывает, что уже в настоящее время имеются зачатки такого совместного мирного развития отсталых народностей. Таким началом является система мандатов Лиги Наций. «Расширением этой системы (т.-е. системы мандатов) на колонии и протектораты в Африке и части Азии был бы сделан большой шаг в направлении урегулирования конкуренции за нетронутые богатства этих стран, которая до сих пор являлась главным препятствием для мира между нациями, и это повело бы к развитию мирового хозяйства в интересах всего человечества» (стр. 493).

Этим изумительным «откровением», заканчивается работа.

На примере Гобсона можно видеть всю трагичность положения глубокого экономического исследователя, мыслящего себе выход из современного кризиса лишь в условиях существования капиталистического строя. Автору приходится или, давая правильный анализ действительного положения, выдвигать одним за другим рецепты исцеления современного кризиса, рецепты, несостоятельность которых вытекает из его собственных дальнейших указаний; или же ему приходится грубо искажать капиталистическую действительность, чтобы таким образом создать иллюзию, что капитализм выходит из кризиса. Но все это тщетно! Из анализа эволюции капитализма, данного самим Гобсоном, вытекает, что выход из тупика, в котором очутился теперь капитализм, лежит не там, где его ищет автор: не в мелких реформах капиталистического строя, а в полной замене его более высокой общественной формой.

М. Иоэльсон.

Указатель статей и рецензий, напечатанных в „Большевике“ за 1926 год.

Статьи и заметки Ленин.

Ленин и ленинизм.

Вопросы внутрипартийной политики.

Вопросы экономического курса.

Хозяйств. политика в деревне.

Советское государство.

Профсоюзы.

История.

Международное революционное движение.

Коминтерн.

Международная политика и экономика.

Социал-демократия и меньшевизм.

Вопросы литературной политики.

Разное.

Письма в редакцию.

Критика и библиография.
